

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

Научно-исследовательский Центр тверского краеведения и этнографии

Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов

**РУССКАЯ КУЛЬТУРА
В ЗЕРКАЛЕ ПУТЕШЕСТВИЙ**

Монография

Тверь 2013

УДК 008+821.161.1.09
ББК Ч106.31.1+ШЗЗ(2=411.2)-00
М 60

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках проекта по подготовке научно-популярного издания
«Русская культура в зеркале путешествий»,
проект № 13-44-93002к.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В.

М60 Русская культура в зеркале путешествий: монография. —
Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. — 176 с.
ISBN

Русская культура долгое время описывалась по преимуществу с исторической точки зрения; пространственные же ее характеристики ограничивались констатацией территориальных параметров и обобщенными статическими описаниями локальных объектов. Новизна настоящего проекта заключается в том, что он обращен к комплексному исследованию русской культуры в единстве всех ее динамических факторов: пространственных, временных, аксиологических, психологических. Целесообразной методологией такого исследования является культурное пространствоведение. Материалом, позволяющим успешно решить поставленную проблему, выступает литература путешествий. Наблюдения, сделанные путешественниками в непосредственном контакте с реалиями локальной культуры и автохтонами, являются уникальным источником информации о динамическом бытии русской культуры в самых разных ее формах и измерениях: социальном, психологическом, этнографическом, ценностном, философском, телеологическом и т. д.

Для жителей Тверского края, интересующихся родной культурой, и для приезжих гостей, желающих познакомиться с достопримечательностями Тверской земли; а также для научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов университетов, учителей и учащихся средних учебных заведений.

**УДК 008+821.161.1.09
ББК Ч106.31.1+ШЗЗ(2=411.2)-00**

ISBN

© Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов, 2013

Оглавление

Введение. Родная земля глазами стороннего наблюдателя	4
Глава 1. «Охота к перемене мест»: феномен путешествия в русской культуре	17
Глава 2. Межличностные и социальные коммуникации в событии путешествия. Проблемы типологии	37
Глава 3. «Дух ландшафта»: русская культура в системе пространственных измерений	54
Глава 4. «Дух времени»: динамика исторического образа России в зеркале путешествий	81
Глава 5. «Дух экзотики»: русская культура в системе межкультурных и межрегиональных коммуникаций	107
Глава 6. Ракурсы и рефлексии: отражение цели путешествий в формах текстуализации культурного пространства России	132
Заключение	149
Приложение. Тверские травелоги. Библиография	151

Введение

Родная земля глазами стороннего наблюдателя

Тема настоящей книги тесно связана с теми социальными процессами, которые совершаются как в России, так и во всём мире. В основе этих процессов регионализации лежит педализация уникальности и самобытности составляющих страну регионов. Стоит напомнить борьбу современной Каталонии не только за культурную автономию, но и за политическую независимость, за выход из состава Испании, чтобы понять общемировой характер этого явления. Еще недавно процессы глобализации осмыслялись общественным сознанием не иначе как необратимое движение к генерализации и, как следствие, унификации локально окрашенных культурных ландшафтов.¹ Сегодня же эти процессы оказываются тесно связанными с процессами индивидуализации даже тех культур, которые, как представлялось ранее, практически утратили свою самобытность.

Индивидуализацию того или иного региона можно изучать двумя способами. Первый состоит в описании внешней точки зрения на регион, позволяющей увидеть его как нечто чужое (нравы, обычаи, язык); носителями этой точки зрения являются заезжие люди, обычно путешественники, сначала только иностранцы и лишь потом люди, населяющие данную страну. Второй способ постижения индивидуальности региона состоит в описании внутренней точки зрения, позволяющей зафиксировать процессы мифологизации пространства и представленной по преимуществу в текстах местных жителей, автохтонов. Если взять в качестве примера уже упомянутую нами Каталонию, то здесь выявляется странное, на первый взгляд, явление. Иностранцы не замечают специфики региона, они воспринимают поездку в Барселону как поездку в Испанию (думаем, что очень немногие из россиян, приезжающих в Коста-Браву, замечают, что все надписи сделаны на двух языках: испанском и каталонском). Для жителей Испании (кастильцев, галисийцев, басков и др.) специфика Каталонии очевидна, как, впрочем, и своя собственная. Для самих каталонцев эта специфика — прямое основание требовать политической независимости своей страны.

¹ Приоритетное внимание к условной модели государственного целого при небрежении региональными культурными реалиями отразилось в отечественных изданиях, подготовленных и осуществленных на исходе советского времени, например: Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1986; Россия XVIII в. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989; Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. Ю. А. Лимонова, примеч. В. Г. Данченко. Л.: Лениздат, 1991. При неизбежной для антологий выборочной подаче текста в этих изданиях представлен материал, почти исключительно касающийся российских столиц, который призван, по мысли составителей, адекватно и исчерпывающе репрезентировать всю русскую жизнь и русскую культуру; региональный же материал практически полностью исключен.

В современной России процессы автономизации развиваются менее энергично, чем в Испании. И, возможно, они никогда не обретут такого характера, как в других странах. Но это не значит, что мы должны ограничить себя узким взглядом «местечкового» наблюдателя. Мы уверены, что только в большой перспективе общемировых процессов мы можем увидеть свой материал во всей полноте его звучания. Вместе с тем мы не намерены включаться в политологические споры и предполагаем ограничиться лишь культурно-историческим описанием материала. Другое дело, что взятый в качестве основного объекта наблюдения Тверской регион позволяет нам обострить поставленную проблематику. С одной стороны, Тверской регион является сугубо провинциальным, и в этом смысле он вполне адекватно репрезентирует всю нестоличную Россию в целом. С другой стороны, в силу своего положения вблизи столицы и на большой дороге между Москвой и Петербургом он достаточно специфичен, и здесь конфронтация столицы и провинции приобретает особо острый характер. Всё это следует учитывать при дальнейшем описании материала, но, повторяем, политическая составляющая не является непосредственным предметом нашего изучения.

Вообще следует сказать, что ввиду положения Твери между двумя столицами первый путь описания специфики региона (с внешней точки зрения) представляется наиболее актуальным и естественным. Однако этот метод, несмотря на все его преимущества, до сих пор фактически не востребован в научных исследованиях Тверского региона и методологически не осмыслен. В работах первых тверских краеведов, начиная с Д. И. Карманова,² преобладал метод автохтонного описания региона; более поздние краеведы, например В. И. Колосов и И. И. Соколов, рассматривали характеристики Тверского края сторонними наблюдателями, но не учитывали их эвристических возможностей для научного исследования.³ Это характерно и для более поздних изданий, посвященных разным аспектам историко-культурного развития жизни региона.⁴ Свое обоснование дифференци-

² Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь: Тип. губ. правления, 1893.

³ Колосов В. И. Прошлое и настоящее Твери. Тверь: Леан, 1994; Соколов И. И. Тверской край в XVI—XVII веках по описаниям иностранцев / подгот. текст и коммент. П. Д. Малыгин, А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов // Литература Тверского края в контексте древней культуры: сб. статей и публ. / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 118—179.

⁴ Краеведческий альманах: научно-образовательное и информационно-справочное издание / ред. Н. А. Лопатина. № 1—7. Тверь: СФК-офис, 2000—2008; Из истории музыкальной культуры Тверского края / авт.-сост. Л. А. Тихомирова, В. Д. Пурин. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002; Традиции династий Верхневолжья: сб. науч. ст. / науч. ред. Н. В. Середа. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004; Ершов Б. А., Финкельштейн В. Б. Тверь и тверитяне. Тверь: Студия-С, 2005, *они же*. Тверь и тверитяне. Тверия. Тверь: Студия-С, 2006; *они же*. Тверия и тверитяне. Тверь: Твер. обл. тип., 2008; *они же*. Тверия в истории России. Тверь: Центр — Тверия, 2013 (Моя малая родина. Кн. 1—4); Страницы му-

рованного использования двух подходов в региональных исследованиях мы изложили в двух (теоретической и практической) работах по литературному краеведению.⁵ Однако в самих этих работах путевая литература также не стала непосредственным источником для наблюдений и выводов, поскольку этот материал в то время не был еще собран и не мог быть предметом научного осмысления.

Одновременно с нашими работами по изучению путевой литературы и в определенной зависимости от них параллельно появлялись и опыты других авторов.⁶ Но в их задачи очевидно не входила полнота описания и

зыкальной истории Верхневолжья: сб. ст. / науч. ред. Н. К. Дроздецкая; предисл. Б. Н. Ротермея. Тверь: ГИД, 2006; Страницы музыкальной истории Верхневолжья: сб. ст. / науч. ред. Н. К. Дроздецкая. Вып. 2: Музыка Тверского края. Тверь: ГИД, 2009; *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV веков. М.: Свой круг, 2007; *Михня С. Б.* История Тверской земли с древнейших времен до наших дней. Тверь: Мартин, 2008; *Дроздецкая Н. К.* Музыкальная жизнь Твери и Тверской губернии. Тверь: ГИД, 2008; Знаменитые россияне в истории Удомельского края: биографические очерки / сост. Д. Л. Подушков. Тверь: СФК-офис, 2009; Чехов и Левитан на Удомельской земле / авт.- сост. Д. Л. Подушков. Тверь: СФК-офис, 2010; *Сорочан А. Ю.* Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы: ст. и материалы. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010; *Подушков Д. Л.* Художник К. А. Коровин в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. Вышний Волочек: Ирида-прос, 2011; Свет Тверской земли: выдающиеся педагоги прошлого и современности / В. П. Анисимов, В. М. Лобзаров, А. Б. Корзин, Л. Н. Скаковская. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011; Православные святые Тверской земли / С. Е. Горшкова, Т. В. Бабушкина, П. С. Иванов и др.: в 3 ч. М.: Русское слово — учебник, 2012 и др.

⁵ *Строганов М. В.* Литературное краеведение: учеб. пособие для студентов филол. ф-тов ун-тов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007; изд. 2-е, доп., 2009. Допущено департаментом образования Тверской области в качестве учеб. пособия для учителей средн. общеобраз. школ; Русские писатели и Тверской край: учеб. пособие для студентов филол. ф-тов ун-тов / ред. М. В. Строганов, И. А. Трифаженкова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007; изд. 2-е, доп., 2009. Допущено департаментом образования Тверской области в качестве учеб. пособия по лит. краеведению для уч-ся средн. общеобраз. школ. Это направление исследований продолжено в изданиях: *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Гений вкуса. Н. А. Львов: итоги и проблемы изучения. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008; *Милюгина Е. Г.* Обгоняющий время: Николай Александрович Львов — поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М.: Русский импульс, 2009; Н. В. Гоголь и Тверской край: материалы научно-практ. конф. / ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009; А. П. Чехов и Тверской край: сб. науч. ст. / ред. М. В. Строганов, И. А. Трифаженкова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010 (Приложения к учеб. пособию для студентов филол. ф-тов ун-тов «Русские писатели и Тверской край». Вып. 1, 2); Памяти Герцена: сб. ст. и материалов / ред. М. В. Строганов, Е. Г. Милюгина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012.

⁶ Торжок в путевых заметках и мемуарах / сост. И. А. Бочкарева. Торжок: ВИЭМ, 2002; Тверь в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. В. Трущенко. Тверь: Научная книга, 2010; Город Торжок в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников, А. В. Трущенко. Тверь: Элитон, 2011; Город Вышний Волочек в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников, А. В. Трущенко. Тверь: Элитон, 2011; Город Старица в художественной литературе и

научная систематизация материала. Кроме того, два эти подхода: с внешней и с внутренней точек зрения — оказались в данных опытах смешаны, методология описания не была выдержана до конца, и это понижало эвристический потенциал самого материала. Таким образом, до настоящего времени «тверские» травелоги не были собраны, исследованы, а многие даже не выявлены и не учтены в литературе, и все они по большей части не были переизданы.

Новизна решения выдвинутой нами научной проблемы связана с составлением (впервые в отечественной науке) полного свода путевых записок и очерков XVI—XX вв. о Твери и Тверском крае.⁷ В этот свод включе-

публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников, А. В. Трущенко. Тверь: Элитон, 2011; Город Кимры в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников. Тверь: Элитон, 2012; Город Кашин в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников. Тверь: Элитон, 2012; Город Калязин в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников. Тверь: Элитон, 2012; Город Осташков в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013; Город Бежецк в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013 (Малые города России в художественной литературе и публицистике: Тверская область).

Своеобразной параллелью к такого рода антологиям служат распространившиеся по всей стране альбомы «старого города». Мы перечисляем, естественно, только тверские издания: Бабушкин альбом. Губернский город Тверь глазами тверских фотографов на открытках конца XIX — начала XX века: альбом / сост. В. Л. Руденко, А. Н. Семенов. Тверь: Студия-С, 2005; Вышний Волочек на старинных открытках: альбом / сост. Е. И. Ступкин. Вышний Волочек: б. и., 2005 (Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. Приложение № 4); то же. Изд. 2-е, перераб. и доп. Вышний Волочек: Ванчакова линия, 2008; Волжский альбом М. П. Дмитриева / сост. А. Н. Семенов. Вышний Волочек: Ванчакова линия, 2008; Тверь 100 лет спустя: фотоальбом со старыми и новыми видами города Твери: в 3 ч. / авт.-сост. О. Б. Гломина, К. В. Литвицкий. Тверь: Тверское фото, 2011—2013; Тверская губерния на открытках: в 3 т. / сост. А. Н. Семенов, Е. И. Ступкин. Тверь — Вышний Волочек: Ванчакова линия, 2010—2012. Наш взгляд на значение этих коллекций см.: *Строганов М. В.* Ответы на вопросы форума «Исследования города» // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 192—201; то же: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/05/>. Следует учитывать, что литературные антологии дают образ города по преимуществу с точки зрения стороннего наблюдателя, а антологии изобразительные — с точки зрения автохтона.

⁷ Изданные на сегодня сборники региональных путешествий имеют существенные временные или источниковые ограничения; см., например: Великий Новгород в иностранных сочинениях XV — нач. XX века / сост. Г. М. Коваленко. М.: Изд. дом «Стратегия», 2005; По Каме и Уралу: путевые записки XIX — начала XX в. / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Центр. гор. биб-ка им. А. С. Пушкина, 2011 и т. п. Разумеется, окраинные регионы (Русский Север, Урал, Сибирь, Алтай) в этом отношении изучены несколько лучше; см., напр.: Уральская электронная историческая библиотека. Серия 12: Научные экспедиции по Уралу; Серия 13: Урал в описаниях путешественников. Свердловск: Свердлов. обл. универс. науч. биб-ка им. В. Г. Белинского; изд-во «Баско», 2011 (CD-ROM). Но для Европейской России подобного рода работа не производилась.

ны все сочинения по данной теме, в том числе и забытых ныне авторов, книги, ставшие библиографической редкостью и недоступные научному сообществу. Помимо введения в научный оборот этих редких текстов, наша работа преследует и другую цель — исследовать образ Твери и Тверского края в исторической ретроспективе и пространственной динамике, в движении системы ценностей. Такое исследование возможно лишь при привлечении литературы путешествий. Тверская же литература путешествий дает богатый материал для разработки методологии исследования травелогов в самых разных системах координат: временных, пространственных, социокультурных и т. д. Создание методологии анализа травелогов также актуально для отечественной науки.

Таким образом, авторы данной книги ставят перед собой две принципиально новые для отечественной науки задачи. Первая связана с намерением собрать максимально полный свод записок и очерков путешественников XVI—XX вв. о Твери и Тверском крае. Вторая задача состоит в разработке методологии исследования травелогов с разных точек зрения: исторических, ландшафтных, социокультурных, телеологических, текстуальных.⁸ Решение второй задачи предполагает внимание к следующим аспектам проблемы:

осмысление путешествия как социокультурного и географического феномена;

описание путешествия как формы репрезентации и интерпретации реального культурно-пространственного материала;

выявление мотивации и телеологии путешествий в диахроническом аспекте, поскольку очевидно, что мотивы для путешествий в разные периоды жизни общества различны;

описание статуса путешественника и его спутников разного рода: попутчика, проводника, автохтона;

мотивировка выбора маршрута, средства передвижения и, как следствие этого, хронотопа дороги;

создание типологии травелогов как жанра словесного творчества, минуя традиционные литературоведческие категории (*литература путешествий* и проч.);

включение в описание таких культурологических категорий, как *свое/чужое, особое/всеобщее, столица/провинция, центр/периферия, мейн-стрим/маргинальность*.⁹

⁸ Данная работа подводит итоги двух проектов, которые были выполнены в 2011—2012 гг. при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Тверской области: 1) научно-исследовательский проект «Тверской край в записках путешественников XVI—XX веков», № 11-14-69002а/Ц; 2) организация и проведение международной научной конференции «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае», проект 12-14-69500 г/Ц.

⁹ Работа над проектом отражена в серии тематических публикаций, материалы которых учтены в данной работе: Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Принципы изучения

Используя эти общие подходы, мы и намерены решить вопрос о наличии или отсутствии региональных особенностей у того или иного травелога (мотивировку этого термина мы дадим ниже). Разумеется, и без всякого исследования совершенно очевидно, что у тверского травелога имеются некоторые специфические черты, которые отделяют его от травелога сибирского или африканского и сближают его с травелогом курским или вологодским. Сибирский или африканский травелоги описывают окраинные, внешние пространства, находящиеся за пределами нашей обыденной жизни. Не случайно мы говорим поэтому, что они описывают *внешние* пространства, а не *внешнее* пространство: сибирский и африканский травелоги неизбежно отличаются друг от друга. Но тверской, курский и вологодский травелоги описывают именно *внутреннее* пространство, которое для всех жителей России является родным, своим, освоенным, и поэтому мы используем для обозначения этого внутреннего пространства единственное число, не делая принципиального различия между собственно тверским и собственно курским или вологодским травелогами. Итак, одним из важнейших вопросов нашей работы является вопрос о том, существует ли у внутреннего пространства своя специфика и существуют ли специфические формы его репрезентации.

Изучение пространства в качестве объекта исследования предполагает использование специфического аппарата. Главной методологической презумпцией нашей работы является представление о текстуализации про-

«тверских» травелогов XVI—XX веков // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 18. Серия: Филология. Вып. 3. С. 37—43; *они же*. Тверской край в записках путешественников XVI—XX веков // Труды региональных конкурсов научных проектов в области гуманитарных исследований Тверской области 2011 г. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. С. 116—123; *они же*. Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае; Тверской край в записках путешественников XVI—XX веков // Труды региональных конкурсов научных проектов в области гуманитарных исследований Тверской области 2012 г. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2012. С. 18—26, 86—98; *они же*. Динамический текст русской культуры: пространство в зеркале путешествий // Вестник Тверского государственного университета. 2013. Серия: Филология. № 2. С. 70—77; *они же*. Из опыта работы над сводом травелогов «Тверской край в записках путешественников XVI—XX веков» // Власть маршрута. М.: РГГУ, 2013 (в печати); В зеркале путешествий: материалы междунар. науч. конф. «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае», Тверь — Ржев, 14—17 сентября 2012 г. / ред. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2012. 320 с.; Тверской край в записках путешественников // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. Вып. 2 (8). С. 162—185; Мир детства и культура родного края // Детская литература и воспитание: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. Вып. 9. С. 149—180; Мир детства и культура родного края // Детская литература и воспитание: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. Вып. 10 (в печати); Культура Тверского края и современное общество // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. Вып. 3 (9). С. 154—166, 175—181.

странства как специфической форме репрезентации культурной и локальной идентичности.¹⁰ Это означает, что любой человек воспринимает пространство как вполне определенный и законченный текст. Как давно уже известно, главной категорией в мышлении человека изначально было не время, но пространство, о чем наглядно свидетельствует изначальная пространственная семантика всех предлогов¹¹ и союзов, возникших на основе предложно-падежных конструкций. В силу этого при описании пространства реализуются все краеугольные мыслительные оппозиции человека, в том числе и столь важная для мышления оппозиция, как *свое/чужое*.

Однако чаще всего пространство (в отличие от времени) осознается нами как текст неподвижный, статичный, замкнутый. Такое представление пространства лежит в основе понятий провинциального, усадебного, городского, столичного, локального текстов.¹² Предполагается, что все элементы этого текста даны воспринимающему сознанию как обывателя, так и исследователя одновременно, сразу, как данность, а не как умопостигаемое знание. Поэтому всё движение в тексте появляется лишь вследствие усилий интерпретатора: какие векторы исследовательского движения он задает, в таких направлениях и развивается текст. Аналогию такого понимания текста пространства можно найти в понимании текста классическим структурализмом.

Совершенно иначе обстоит дело в том случае, когда мы говорим о тексте путешествия. В этом случае мы имеем дело с динамическим текстом, который разворачивается во времени в силу ряда причин. Первая причина — это перемещение путешественника в пространстве из одного места

¹⁰ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты из словаря «Русская провинция» // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований [электронный журнал]. 2012. № 2 (май-июнь 2012). С. 42—60; № 3 (июль-август 2012). С. 33—74. Режим доступа: <http://journal-labirint.com/>. Дата обращения: 04.07.12. Загл. с экрана. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта подготовки научно-популярного издания «Русская провинция: словарь», № 11-44-93009к.

¹¹ Ср.: «Время в твор.<ительном падеже> представляется путем, а действие во времени — движение в пространстве» (*Потебня А. А. Из записок по русской грамматике*. М.: Учпедгиз, 1958. Т. I—II. С. 438); «Время представляется пространством» (*Потебня А. А. Из записок по русской грамматике*. М.; Л.: Учпедгиз, 1941. Т. IV. С. 263; см. здесь же описание семантики предлогов, в которой пространственные значения предшествуют временным).

¹² *Строганов М. В. Текст пространства: из опыта работы над словарем «Русская провинция»; Милюгина Е. Г. Провинциальный текст русской культуры; Милюгина Е. Г., Чистякова Е. А. Усадьба в русской литературе и живописи // Родная словесность. Вып. 3 (9). С. 119—131, 137—143; Милюгина Е. Г., Григорьева О. А. Тверская земля в путеводителях конца XVIII — первой половины XIX века: локальный текст, провинциальный текст // В зеркале путешествий. С. 33—48; Милюгина Е. Г., Гришанкова И. В. Текст города и школьное краеведение: лингвокраеведческая экскурсия для младших школьников «Улицы твоего района» // Детская литература. Вып. 9. С. 172—180.*

в другое. В своем исследовании мы опираемся на подготовленный нами свод путешествий.¹³ В этом свод мы сознательно включаем только те тексты, в которых описываются не одно место, не один объект, а два и более мест, объектов на определенном маршруте. Только сочетание этих мест и создает собственно маршрут. Если путешественник, едущий из Москвы в Петербург, описывает только одну Тверь, мы не включаем его текст в наш свод. Например, в наш свод не включены «Очерки Осташкова» В. А. Слепцова, поскольку это описание не путешествия, а одного только места. Из текста книги мы не можем узнать, как Слепцов приехал в город, как он отсюда выехал; мы не можем узнать даже, ехал ли он в город или сразу, вдруг очутился там. Итак, первое условие для создания динамического текста пространства — это перемещение самого путешественника.

Такое перемещение запрограммировано как внешними, так и внутренними причинами. Рассмотрим внешние причины. Путешественник в допетровское время из Новгорода в низовские города (по воде) непременно должен был посетить Торжок. Обязателен Торжок и при путешествии гужевым транспортом со времен Петра I, и для автомобилистов до строительства объездной дороги мимо города. Но для путешественника, выбравшего железную дорогу, посещение Торжка невозможно, и если какой-то человек, незнакомый с маршрутом Октябрьской железной дороги, предположит, что по пути из Москвы в Петербург он увидит Торжок, он будет жестоко разочарован. То есть та или иная динамика текста пространства навязывается путешественнику степенью и формами его предшествующего освоения.

Но, кроме этого, динамика пространства может быть обусловлена и внутренними причинами. Например, когда записки о Тверском крае пишет иностранный путешественник XVI—XX вв., он вполне естественно осмысляет Тверской край как чужое пространство, противопоставленное родному, своему. Для русского путешественника XIX в. Тверской край терял черты экзотичности, и А. Н. Островский описывает его не как чужой, а как свой, хотя и специфический. Наконец, человек, совершающий мемориальное путешествие в родные места видит их собственно своими, хотя и изменившимися за время отсутствия. И именно в зависимости от того, каким является тверское пространство для путешественников: чужим или своим, — именно от этого зависят и мотивация путешествия, и выбор маршрута, и технические способы передвижения, и привлекающие внимание достопри-

¹³ Тверь в записках путешественников XVI—XIX веков / сост., вступ. ст., биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012. 416 с.: ил. + 16 с. цв. ил.; Тверь в записках путешественников. Выпуск 2: записки XVIII—XIX веков / сост., вступ. ст., биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013. 436 с.: ил. + 16 с. цв. ил. Перечень выявленных, но не вошедших в данные издания текстов см. в библиографии «Тверские травелоги» (приложение).

мечательности. То есть та или иная динамика текста пространства исходит как бы от самого путешественника, хотя он не может выбрать свою позицию произвольно: иностранец не может посмотреть на Тверской край как русский, и наоборот.

Как можно судить, специфику жанра и читательское внимание к нему определяют именно эти мотивировки, а не собственно литературные пристрастия того или иного автора. И именно поэтому мы квалифицируем изучаемое нами явление как *травелог*, а не как *литературное путешествие*. Мы полагаем, что к литературным путешествиям следует относить художественные произведения типа «Сентиментального путешествия» Л. Стерна, типа «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, типа книг «У синего моря» И. С. Соколова-Микитова и «Птицы, или Новые сведения о человеке» А. Битова. Путешествие в каждом из этих случаев выдуманное, даже если Карамзин на самом деле бывал в Швейцарии или Париже, а Соколов-Микитов на самом деле ездил к Баренцеву морю. Эти литературные путешествия не отражают маршрутов реальных передвижений их авторов в пространстве, но только имитируют их. Они имеют на самом деле художественную, а не документальную основу. Травелог же по природе своей документален. Даже если автор склонен к вымыслу и перекомпоновке фактов, он перекомпоновывает реальные факты и вымышляет факты псевдорейальные, непременно ориентированные на реальные. Говоря на языке В. Б. Шкловского («Матерьял и стиль в романе Л. Толстого „Война и мир“»), перемещение в пространстве для литературного путешествия — это стиль, композиционный прием, а для травелога — это материал, подлежащий литературной обработке.

Обращаясь непосредственно к тверскому материалу, можно выделить две группы характеристик собственно тверских травелогов. Первая группа включает в себя черты, общие для травелогов разных регионов; а вторая группа включает в себя черты, свойственные травелогам только данной местности. К первой группе относится, прежде всего, мотивация и телеология путешествий. Для всех регионов, которые мы назвали внутренними, исключается идея первопроходчества как мотивировка передвижения (путешествия), так как все эти земли издавна известны. Нельзя открыть исток Волги, можно только установить его наличие в том, а не в ином месте. Именно поэтому первыми путешественниками, оставившими записки о Тверской земле, были иностранцы. Русским же всё казалось столь обыденным, что не подлежало фиксации. В XVIII в. происходит смена парадигмы, выразившаяся в путешествиях Екатерины Великой. А в середине XIX в. начинается самооткрытие России, и русские люди один за другим стали путешествовать и описывать свои путешествия, а читатели стали с удовольствием читать их. В принципе, то же самое можно сказать и о Курской земле, и о Вологодчине. Другое дело, что ни через Курск, ни

через Вологду путешественники иностранцы не ездили в Московию, потому что через эти земли не было актуальных дорог за границу, а через Тверскую землю такие дороги шли. Но мотивировка путешествия была всё равно общая для всех внутренних территорий.

Кроме того, общими для всех внутренних регионов являются и статусы, с одной стороны, путешественника, а с другой — проводника, попутчика, которым обычно является автохтон. Как мы уже говорили, путешественник в допетровской Руси — это иностранец, чаще всего дипломат, реже торговец, купец. Иногда обе функции совмещались, но дипломатическая функция всегда лидировала. В обществе традиционной культуры (добуржуазного типа) человек никогда не покидал своего родного дома во имя познавательного интереса, который представлялся праздным и избыточным. Только дипломатическая миссия могла оправдать такой странный для традиционной культуры поступок, как путешествие. В XVIII в. происходит, как уже сказано выше, смена парадигмы, и появляется русский путешественник по России, к концу этого века русский путешественник начинает ездить по стране по своим домашним, частным делам, хотя еще и без праздной цели любопытства. В XIX в. такие «праздные» путешествия становятся нормой, а описания именно таких праздных, познавательных путешествий — одним из самых читаемых видов словесности. В роли проводника или попутчика во внутренних регионах на протяжении разных веков выступает всё тот же автохтон, местный житель. Но функции его при этом принципиально меняются. В древнерусский период автохтон показывал путешественнику дорогу от города к городу, соединял начальную и конечную точку путешествия. Но уже с середины XIX в. автохтон показывает дорогу к памятникам, к достопримечательностям. Автохтон из знатока дороги превращается в знатока местности и ее достопримечательностей. То же самое можно сказать и о путешественнике по Курской земле и Вологодчине.

Видимо, общими для всех внутренних регионов являются и такие характеристики травелогов, как выбор маршрута, средство передвижения и хронотоп дороги. Маршрут определялся и определяется не наличием дорог, а целью путешествия. И в Тверской земле, и на Курской земле, и в Вологодчине в допетровский период господствовало передвижение по водным путям, поскольку дорог в современном понимании в то время не было. Но когда в середине XIX в. в Тверской земле, и на Курской земле, и в Вологодчине появляется железная дорога, появились и новые маршруты. Человек стал ездить не только по крайней необходимости, но и для организации рекреационного времени.

Перейдем теперь к описанию второй группы характеристик тверских травелогов, которая включает в себя черты, свойственные травелогам только данной местности. Как мы уже сказали, Тверской регион относится к внутренним районам страны, и в этом смысле можно а priori утверждать,

что отличий тверского травелога от травелога курского или вологодского не существует. Однако чуть более внимательный анализ приводит нас к обратному выводу. С Петровских времен Тверская земля находится между двумя столицами, и это положение «между Ленинградом и Москвой» определяет специфику тверского травелога. В допетровское время Тверское княжество воспринималось как территория, претендующая на социокультурное первенство, что также предопределяло специфику ее судьбы и травелога. С этим же (впрочем, не только с этим) связана и эволюция тверского травелога, в локальной истории которого отражается история государства в целом.

Специфика образной структуры тверских путешествий определяется социоприродной спецификой края, под которой следует понимать такие природные феномены региона, которые определяют его экономику и культуру. В Тверском крае к таким феноменам относятся, прежде всего, исток Волги и волоки из рек бассейнов южных морей в реки бассейнов северных морей. Отсюда значение образов воды, рек, озер, водных средств передвижения, речных промыслов, речных продуктов питания.¹⁴ Путешественник фиксирует все эти образы не в силу своей природной наблюдательности, а по причине их очевидности: они слишком бросаются в глаза.¹⁵ Помимо этого стабильного образного ряда на разных этапах исторического развития края появлялись временные социоприродные образы, как, например, болото.¹⁶ В отдельных локусах формировались местные социоприродные образы, например курорт.¹⁷ Впрочем, местные социоприродные образы имели ограниченное культурное значение, поскольку их (тот же курорт) можно рассматривать и как типовые образы, свойственные самым разным регионам.

Внешне может показаться, что всё различие между тверским и курским или вологодским травелогами сводится к их тематике. Однако это не так. Необходимость описать тот или иной объект влечет за собой и поиск соответствующих принципов построения текста. Описание курских степей провоцирует иную интонацию и иную композицию, чем описание тверских болот. Очевидно, что дальнейшее изучение позволит уточнить и конкретизировать данные наблюдения и выводы.¹⁸

¹⁴ Милюгина Е. Г. «Живых и мертвых вод исток»: акватическая мифология в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. // Мир романтизма. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Т. 9 (33). С. 42—58.

¹⁵ Милюгина Е. Г. Русская река. М.: Белый город; Редакция «Воскресный день», 2012 (Русская традиция).

¹⁶ Русское болото: между природой и культурой: материалы международной научно-практической конференции / ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010.

¹⁷ Курорт в русской культуре. К 200-летию Андреапольских минеральных вод: статьи и материалы / сост. М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. М. В. Строганов. Торжок: ВИЭМ; Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010.

¹⁸ Информационно-справочным сопровождением тверских региональных иссле-

Условные сокращения

В зеркале путешествий — В зеркале путешествий: материалы международной научной конференции «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае» / ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь — Ржев, 14—17 сентября 2012 года. Тверь: СФК-офис, 2012.

Гений вкуса — 1: Гений вкуса: материалы международной научно-практической конференции, посвященной творчеству Н. А. Львова / ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001; *2—4:* Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исследования: сб. 2—4 / ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001—2005; *5:* Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Гений вкуса: Н. А. Львов. Итоги и проблемы изучения: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008.

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

ГРМ — Государственный Русский музей.

ГЭ — Государственный Эрмитаж.

Детская литература — Детская литература и воспитание: сб. науч. тр. / отв. ред. С. Е. Горшкова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011—2013. Вып. 8, 9, 10.

дований служат издания: Тверская область: энциклопедический справочник / ред.-сост. М. А. Ильин. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1994; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область: в 6 ч. Ч. 1, 2, 3 / отв. ред. Г. К. Смирнов. М.: Наука; Индрик, 2002, 2006, 2013; Тверская усадьба / сост. О. Н. Овен. Тверь: Науч. биб-ка Твер. гос. ун-та, 2010—2011 [электронный ресурс]; Краткий краеведческий словарь Бежецкого района Тверской области / сост. П. В. Москвин. Тверь, 1990; Краеведческий словарь Весьегонского района Тверской области / сост. Г. А. Ларин. Тверь, 1994; Краеведческий словарь Удомельского района Тверской области / сост. Н. А. Архангельский. Тверь: Верхневолж. ассоц. период. печати, 1994; Лихославльский район: энциклопедия / гл. ред. Г. С. Сергеев. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001; Рамешковский район: населенные пункты / авт.-сост. А. Е. Серов. Тверь: Альба, 2001; Старица и Старицкий район: энцикл. справ. / сост. В. Н. Соколова; рук. ред. совета Н. П. Смирнова. Тверь: Обл. кн.-журн. изд-во, 2001; *Лопатина Н. А.* История города Торжка в названиях улиц. Тверь: Лилия-принт, 2002; Ржев: словарь-справочник / авт.-сост. О. А. Кондратьев. Ржев: ТОТ, 2005; Зубцов и район: словарь-справочник / сост. Е. В. Ушатенков и др. Зубцов; Старица: Стариц. тип., 2006; Тверская деревня. Старицкий район: энциклопедия: в 2 т. / сост. А. В. Шитков. Старица: Стариц. тип., 2007; Населенные пункты Вышневолоцкого района / сост. Г. П. Ильина., З. С. Юркова. Вышний Волочек: Ирида-Прос, 2010; Весьегония: [Весьегон. р-н Твер. обл.]: словарь-справочник / сост. Г. Ларин. М.: Ключ-С, 2010; Весьегонский биографический словарь / сост. Н. С. Зелов, Л. Н. Корнилова. М., 2011; *Литвицкий К. В.* Энциклопедия тверских улиц. М.: Вишневый пирог, 2011; Энциклопедия тверских улиц [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tver-street.100ms.ru/main.htm>; Имена в истории Старицкого края: энцикл. справ. / сост. А. В. Шитков. Старица, 2012. Ссылки на эти издания в тексте исследования не приводятся.

Лабиринт — Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований / ред. М. Ю. Тимофеев. Электронный журнал. Режим доступа: <http://journal-labirint.com/>. Дата обращения: 01.03.2013. Загл. с экрана.

Литература Тверского края — *Соколов И. И.* Тверской край в XVI—XVII веках по описаниям иностранцев / подгот. текст и коммент. П. Д. Малыгин, А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов // Литература Тверского края в контексте древней культуры: сб. статей и публ. / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 118—179.

Львов — *Львов Н. А.* Избранные сочинения / предисл. Д. С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитект. работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена: Белая; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994.

Новоторжский сборник — Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Выпуск 4 / сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; СФК-о-фис, 2012.

Обгоняющий время — *Милюгина Е. Г.* Обгоняющий время: Николай Александрович Львов — поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М.: Русский импульс, 2009.

Пушкин — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.

Родная словесность — Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. / ред. Т. В. Бабушкина, Е. Г. Милюгина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011, 2013. Вып. 2 (8), 3 (9).

Тверь 1 — Тверь в записках путешественников XVI—XIX веков / изд. подгот. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012. 416 с.: ил. + 16 с. цв. ил.

Тверь 2 — Тверь в записках путешественников. Выпуск 2: записки XVIII—XIX веков / изд. подгот. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013. 436 с.: ил. + 16 с. цв. ил.

ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей.

ТОКГ — Тверская областная картинная галерея.

ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских.

Глава 1

«Охота к перемене мест»: феномен путешествия в русской культуре

В настоящей главе мы предлагаем краткое описание предыстории и начальной истории жанра травелога, а также укажем на его содержательные характеристики.

1. Литературное путешествие и формирование жанра травелога в русской литературе первой половины XIX века

Понятие *травелог* не так давно вошло в научный оборот и пока еще не затвердело в границах строгих дефиниций. Проблемы уяснения его жанровой сущности и временных границ связаны с разнообразием феноменов художественного и научного творчества, которые называют этим термином. Действительно, проявления травелога крайне многообразны. К травелогам относят и средневековые «хождения», повествующие о путешествии паломников к святым местам, и деловые записки купцов-негоциантов, и «статейные списки» дипломатов, представлявшие по возвращении посольств из-за границы, и научные отчеты об экспедициях географов и натуралистов в «места незнаемые», и отчеты студентов-стажеров, отправляемых учиться в Европу, и путевые дневники и хроники, и журналы и переписку, и исповеди «странствующей души», и всевозможные путеводители и справочники по странам и континентам, и приключенческую и фантастическую художественную литературу, и путевые заметки в периодике, сетевых журналах и блогах.¹⁹

Попытки подобного расширения исторических и жанровых границ травелога не приводят, однако, к качественному изменению круга анализируемых текстов и способов их интерпретации. Так, исследователи русской литературы путешествий конца XVIII — первой половины XIX в., по традиции начиная с Н. М. Карамзина, учитывают травелоги А. Н. Радищева, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, В. А. Соллогуба,

¹⁹ *Ивашина Е. С.* Жанр литературного путешествия в России конца XVIII — первой трети XIX в.: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. М.: МГУ, 1980; Дискурс травелога: сб. ст. / сост. О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. Екатеринбург: ИМС — Изд. дом «Дискурс-Пи», 2008. С. 3; *Шачкова В. А.* «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. 2008. № 3. С. 277—281; *Бондарева А.* Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.html>. Дата обращения: 12.06.2013. Загл. с экрана; Лекции онлайн: Травелог. Как писать о путешествиях профессионально // M24.ru [сетевое издание]. Режим доступа: <http://www.m24.ru/articles/21301>. Дата обращения: 12.06.2013. Загл. с экрана.

А. Ф. Вельтмана²⁰ и лишь в редких случаях обращаются к путевым запискам отдельных полузабытых и малоизвестных авторов.²¹ География источников исследований устойчиво определяется вниманием к заграничным путешествиям — и прежде всего европейским гранд-турам и паломничествами в Святую землю, при этом материалы внутренних путешествий по России остаются фактически не выявленными и неизученными.²² Анализ оригинального творчества в жанре травелога соседствует с рефлексией по поводу восприятия и преломления в нем карамзинской традиции и нередко подменяется последней.

То, что список русских литературных путешествий должен открываться именем Карамзина, бесспорно. Как уже неоднократно отмечалось, творчество писателя неразрывно связано с процессом становления русской литературы путешествий; более того, оно явилось для культуры рубежа XVIII—XIX вв. вершинным выражением русского литературного путешествия и во многом определило направление развития этого жанра.²³ Однако совершенно очевидно, что для уяснения сущности жанра и специфики его бытования необходим анализ не только его вершинных достижений, но и того контекста, в котором эти вершинные достижения возникли, и в не меньшей степени — того художественного резонанса, который они имели.

Такой подход к проблеме и определил особенности проблематики настоящей главы. В центре ее внимания — художественные открытия литературных путешествий Карамзина с точки зрения того влияния, которое они оказали на травелоги беллетристов — младших современников писателя. В отличие от Карамзина, совершившего вояж по Европе, большинство

²⁰ Гуминский В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01 М., 1979; Михайлов В. А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII—XIX веков: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Волгоград, 1999; Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790—1840. СПб.: Академический проект, 2004 и др.

²¹ См., напр.: Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. М., 2010; Мамуркина О. В. Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII века: генезис и формы: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. СПб., 2012.

²² Проценко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840—1850-е годы: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Л., 1984; Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. Т. 1. Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова; Стефко М. С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX века: автореф. дис. ... к. ист. н.: 07.00.02. М., 2010; Данциг Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль, 1965; Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II / А. А. Вигасин, С. Г. Карпюк. М.: Восточная литература РАН, Школа-пресс, 1995.

²³ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 501—578.

его последователей описывали поездки по России, и прежде всего — передвижение по почтовому тракту между Санкт-Петербургом и Москвой и «прогулки» по губерниям Центральной России. В связи с этим материалом нашего исследования служат петербургско-московские травелоги и «прогулки» ныне полузабытых, но достаточно известных в свое имя авторов.

Наша задача состоит в том, чтобы уяснить, каким образом опыт Карамзина как автора литературного путешествия был воспринят писателями-беллетристами первой половины XIX в., авторами травелогов, адресованных широкому читателю и рассчитанных, следовательно, не на читательскую элиту, а на массовый вкус.

Что же открыли для себя русские авторы травелогов первой половины XIX в. в литературном путешествии Карамзина? Из жанровых вариантов травелогов к концу XVIII в. наиболее актуальными были научные путешествия, дипломатические отчеты и статистические дорожные справочники; их отличительные особенности состояли в строгой функциональности, научном или деловом стиле изложения, логике свидетельств, языке фактов. Автор же «Писем русского путешественника» кардинально переосмыслил существовавшую в отечественной культуре традицию: он принципиально отказался от выработанных до него жанровых канонов и снял с себя все обязательства по какой бы то ни было ориентации на бытовавшие в русской литературе образцы (при этом, безусловно, учитывая опыт европейских литературных путешествий, и прежде всего Л. Стерна). Правда, ostrанение традиционного травеложного дискурса привело Карамзина к созданию так называемой «гибридной» (термин Т. Роболи) его разновидности. Он утвердил на русской литературной почве повествование, в рамках которого этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч., в отличие от стерновской разновидности жанра, где настоящего описания путешествия, в сущности, нет²⁴.

Предваряя наше разграничение жанров литературного путешествия и травелога, Карамзин в «Письмах русского путешественника» четко разграничил художественные и научные путешествия: «...кто в описании путешествий ищет одних статических и географических сведений, тому, вместо сих „Писем“, советую читать Бишингову „Географию“». ²⁵ В размышлениях писателя о жанре литературного путешествия («живописного», в терминологии литературных журналов первой трети XIX в.²⁶) современников особенно поразили мысли о цели и назначении путешествий — принести

²⁴ Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза / под ред. Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 48.

²⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.: Худож. литература, 1964. Т. 1. С. 79.

²⁶ Письма о Восточной Сибири А. Мартоса // Московский телеграф. М., 1827. Ч. 16. № 15. С. 268.

путешественнику удовольствие, развить его личность в новых положительных ощущениях, побудить его к самосознанию через обостренное чувство собственного существования.

Однако созданная Карамзиным философская концепция травелога не ограничивалась оправданием путешествия с точки зрения экзистенциального сенсуализма.²⁷ Упразднив, как это кажется на первый взгляд, собственно научные, образовательные и коммуникативные задачи вояжа, предписанные путешественнику традицией, сложившейся во второй половине XVIII в., Карамзин поставил перед странствующим по свободной воле субъектом куда более высокую цель — самопознание и самоопределение в контексте открываемой в путешествии новой реальности.

В связи с этим были существенно переосмыслены и задачи травелога. Из книги научно-деловых наблюдений, отчетов, статистического справочника жанр путевой прозы преобразовался в исповедь «чувствующего сердца», отзывающегося на новые впечатления и постигающего в изменяющемся внешнем мире прежде всего себя. При этом за травелогом по-прежнему сохранялись функции дорожной книги, призванной сопровождать путешественника в его поездке. Однако запечатленный в путевых записках духовный опыт писателя должен был побудить читателя не к тому, чтобы повторить путь автора травелога, но к тому, чтобы пройти свой собственный сложный путь самопознания.

Именно этим было вызвано качественное изменение жанра травелога в творчестве Карамзина, который превратил его в литературное путешествие. Его «Письма...» построены как метатекст, организованный разными повествователями и включающий, наряду с образом автора, образ путешественника, пишущего письма к друзьям и, соответственно, выступающего рассказчиком многочисленных вводных историй. Вследствие этого актуализировалось взаимодействие этих повествователей с читателями, изменилось соотношение правды и вымысла, задачей которого был поиск «правдивого» языка для выражения новых отношений личности с действительностью.²⁸

«Письма русского путешественника», таким образом, ознаменовали кардинальный перелом в развитии русского травелога и в превращении его в литературное путешествие. Новый взгляд на героя и мир как на «неготовые» и не поддающиеся оформлению в рамках канонических жанровых форм явления, отказ от риторического мышления и экспериментальная апробация новых средств художественной выразительности стали главным открытием Карамзина.

²⁷ Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. С. 45—46.

²⁸ Сорникова М. Я. Жанровая структура «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Коломна, 2006.

Созданная Карамзиным философская концепция и новая жанровая форма травелога оказала существенное влияние на современную ему литературу путешествий. Однако если в вершинных достижениях младших современников Карамзина: В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, В. А. Соллогуба, А. Ф. Вельтмана — его открытия стали импульсом для дальнейшего поиска новых, оригинальных художественных форм, то в творчестве писателей-беллетристов, ориентированных на запросы и вкусы широкого читателя, жанр травелога развивался иначе.

Как именно происходил процесс трансформации массовой путевой книги, можно пронаблюдать на примере истории петербургско-московских травелогов. В первой половине XIX в. появилось достаточно большое число специальных петербургско-московских дорожников, которые были чрезвычайно популярны у широкого читателя. Это было связано с тем, что почтовый тракт между Петербургом и Москвой, сформировавшийся во второй половине XVIII в., к этому времени успешно заменил прежние пути и способы передвижения и был активно востребован русскими и иностранными путешественниками.

Одним из первых петербургско-московских травелогов для широкого читателя, которые были созданы под впечатлением «Писем русского путешественника» Карамзина, стала книга И. Ф. Глушкова «Ручной дорожник» (1801).²⁹ Прямыми предшественниками книги Глушкова в жанровом отношении стали русские почтовые дорожники, появление которых было вызвано созданием российской почтовой связи. И прежде всего — это «Всеобщий и совершенный гонец» В. Г. Рубана.³⁰ Эту традицию составления дорожников Глушков обогатил опытом первых отечественных городских путеводителей, в чем ориентировался, очевидно, на «Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга...» и «Описание императорского столичного города Москвы» В. Г. Рубана,³¹ «Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским»

²⁹ Тверь 1. С. 145—170. Здесь и далее в тексте книги приведены ссылки на тверские фрагменты путешествий, републикованные в составе антологии «Тверь в записках путешественников». Информацию о первых оригинальных и переводных изданиях травелогов см. в Приложении.

³⁰ *Рубан В. Г.* Всеобщий и совершенный гонец и путеводитель, или Полный повсеместный российский и повсюдный европейский дорожник, исправно и верно показующий по нынешнему разделению на губернии и области всей Российской империи и прочих европейских держав почтовые пути... СПб.: иждивением В. Сопикова, 1791.

³¹ *Рубан В. Г.* Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга от начала заведения его с 1703 г. по 1751 год... СПб.: тип. Воен. коллегии, 1779; *он же.* Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание городских ворот, казенных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов, покоев, рядов и рынков, фабрик, заводов и прочая. СПб.: тип. Х. Ф. Клеэна, 1782.

Л. М. Максимовича,³² «Историческое и географическое описание первопрестольного града Москвы» Т. Полежаева.³³ Выразив, помимо прочего, неподдельный интерес к православной культовой архитектуре, Глушков обнаружил свое знакомство с принципами составления таких справочников-путеводителей для паломников, как «Роспись московских церквей»,³⁴ «Опыт исторического словаря всем монастырям, находящимся в России»,³⁵ «Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы» Л. М. Максимовича,³⁶ а также, возможно, «Опыта о русских древностях в Москве...» Н. А. Львова,³⁷ который был создан и получил общественный резонанс в процессе подготовки к коронации Павла I (1797), но остался неизданным.³⁸

Самое же значительное влияние на книгу Глушкова оказало описание представительского вояжа «Путешествие Екатерины II в полуденный край России» К. И. Габлица (1786),³⁹ причем это влияние выразилось и в плане принятия традиции травелога XVIII в., и в плане ее существенной модификации. Современному читателю понятно, что локальный текст тракта как знаковая система включает в себя, с одной стороны, описания локальных текстов его городов, селений и ямов и, с другой стороны, локальный текст дороги. Проследим, как эти особенности локального текста понимают и отражают в тверской части своих травелогов Глушков и Габлиц.

³² *Максимович Л. М.* Путеводитель к древностям и достопамятностям московским, руководствующий любопытствующего по четырем частям сея столицы к ее — местоописательному познанию всех заслуживающих примечание мест и зданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений как старых, так и новых, с надписей и других достоверных источников собранные и для удобнейшего оных приисквания азбучной росписью умноженные. 4 ч. М.: Унив. тип., 1792—1793.

³³ *Полежаев Т.* Историческое и географическое описание первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частных его планов... М.: тип. С. Селивановского, 1796.

³⁴ Роспись московских церквей, соборных, монастырских, ружных, приходских, предельных и домовых, внутри и вне царствующего града состоящих. М.: Универ. тип., 1778.

³⁵ Любопытный месяцеслов Московский и Всероссийские церкви. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1794. Ч. 2. С. 1—399.

³⁶ *Максимович Л. М.* Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы, собранное из показаний духовенства и начальства, при оных обретающихся, також с надписей и летописей российских, с означением месяцев и числ тем господским, богородичным и святым праздникам, во имя которых оные построены, и для удобнейшего оных приисквания словарем расположенное. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796.

³⁷ *Львов Н. А.* Опыт о русских древностях в Москве 1797 года апреля в 1 день / подгот. текста, публ. и коммент. Е. Г. Милюгиной // *Обгоняющий время*. С. 53—81.

³⁸ *Милюгина Е. Г.* *Обгоняющий время*. С. 26—43.

³⁹ Тверь 1. С. 134—138.

Тверской раздел путеводителя Габлица открывается описанием Твери: «Главный город Тверского наместничества в 566 верстах от Санкт-Петербурга, стоит при реке Волге, при впадении в нее с левой стороны реки Тверцы, а с правой Тьмаки. Расположен он по ровному и красивому месту, в длину простираясь на 4, а поперек на 2 версты, и разделяется омывающими его реками на четыре части: Городовую, Затьмацкую, Заволжскую и Затверецкую, из коих первая заключает в себе крепость, из земляного валу состоящую, и наилучшее строение. <...> Сверх двух монастырей и 39 церквей, из коих две только деревянные, находятся в нем: императорский дворец, губернаторский, вице-губернаторский, архиерейский и комендантский дома, семинария, гостиный двор, дворянское училище, градская школа, сиротский дом и множество каменных домов, частным людям принадлежащих».⁴⁰

Описания Твери, равно как и описания Торжка и Вышневолочка, построены у Габлица по принципу дефиниции: они включают сведения статистического плана, касающиеся местонахождения и истории города, состава населения и основных его промыслов. Из географических образов и понятий в описание входят физический размер (протяженность) города, рельеф местности, водные артерии, связывающие его со стратегически важными точками страны (Петербург — столица, Астрахань — житница), общая градостроительная характеристика, правда, сбивающаяся на статистику. Описания городов можно читать в прямом и обратном порядке; единственная связь между ними — обозначение дистанции: для губернского города — до столицы, а для уездного — до центра губернии. Точкой отсчета всего и вся в тексте выступает Петербург: до него измерено расстояние, к нему стремятся барки тверских, новоторжских и вышневолоцких купцов; даже Москва в данной системе оказывается лишь периферией Торжка и сырьевым ресурсом Петербурга. Так позиционировать себя в геокультурном пространстве может только житель столицы империи. В таком дискурсе, отчетливо выражающем имперское сознание, выразилась ориентация автора на определенного читателя-заказчика — Екатерину и путешествующую с ней свиту.

Опыт градации населенных пунктов исчерпывается названными тремя уровнями; ни деревень, ни ямов, ни усадеб (где, конечно же, путники останавливались переменить лошадей, отдохнуть, перекусить) в тексте Габлица нет. Нет и культурно-географического приступа к описаниям городов и дорожной связки между ними — локальный текст дороги опущен. А это приводит к тому, что вектор пути в тексте не обозначен, ракурс изображения не выражен, наблюдатель с особой системой ценностей и оценок путешественника — не воплощен. Точечный дискурс, используемый Габлицем, информативен только в отношении отдельно взятого населенного пункта, но он не позволяет автору создать образ локального текста тракта.

⁴⁰ Там же. С. 134—135.

Описания, поддающиеся перетасовке, выдают отсутствие необходимого для дорожника линейного, последовательного мышления, что практически разрушает жанр путеводителя, превращая его в статистический справочник.

Влияние Карамзина на «Ручной дорожник» выразилось в том, что Глушков едва ли не первым в российской массовой книгоиздательской практике решил совместить воедино три разных жанра: дорожник, городской путеводитель и представительский травелог. Это и вызвало семантические сдвиги в композиции и дискурсе книги. Перечень городов и станций по маршруту движения стал оглавлением текста, а сами главы превратились в развернутые монографические повествования, причем каждое из них стало самостоятельным путеводителем по тому или иному городу, расположенному на почтовом тракте между Петербургом и Москвой. Подробно описывая каждый город, Глушков обращает внимание читателя на его градостроительное решение, на архитектурные памятники, на наличие уникальных инженерно-технических сооружений. И в такой композиции отчетливо проявляется его приверженность традиции информативно-познавательных травелогов XVIII в.

Однако, находя в каждом населенном пункте нечто удивительное и необычное, Глушков делает это предметом особого интереса, меняет ракурсы изображения и эмоциональную окраску рассказа, а порой и передоверяет повествование разным субъектам речи — именно так, как это делает Карамзин. Так, если очерк Вышневолочка выполнен в сдержанных тонах традиционной дорожной книги, то описание Торжка подчеркнуто эмоционально, и здесь Глушков уверенно и смело руководит взглядом читателя: «Ежели стать у дворца в Затверецкой части, на высокой горе построенного, то каждая улица и дом видны будут в особенности. Множество церквей, гостиный двор, площади, большие и малые преспекты, набережная, на уступах стоящие слободки, сады и движущийся народ в приятнейшем разнообразии вдруг представятся: вот обширная торговая площадь, окруженная каменными, преизрядной архитектуры домами, великолепный из них есть городской магистрат, — смотрите, как величественно тут на горе стоит церковь, — от нее продолжается каменный гостиный двор, имеющий 111 лавок — это деревянные лавки, или другой гостиный двор, а это посредине стоящий столб есть бывший прежде прекрасный фонтан — посмотрите, как хороша набережная и какой крутой вал от нее начинается! Наконец взгляните на монастырь, его огромную церковь, высокие колокольни, стены, башни, сады и после всего согласитесь, что Торжок принадлежит к изрядным городам».⁴¹ Следует сказать, что Глушков совершенно верно выбирает смотровую площадку, которая и наше время широко используется для наилучшего обозрения правобережной части Торжка.

При описании Твери автор уступает право повествования герою-рассказчику, что позволяет не только разнообразить текст, но и придать

⁴¹ Тверь 1. С. 153—154. Подробнее об этом см. в главе 3 исследования.

ему смысловой объем и полифоническое звучание. «Тверь — один из прекраснейших российских городов — расположен на месте весьма прелестном, — читаем мы введенное в текст письмо молодой тверичанки. — ...Там из-за синих сосен проглядывает Малицкий монастырь, здесь в тумане блещет златоглавый Желтиков, недалеко на тихой Тьмаке безмолвствует убежище Христовых невест, близко, под густыми ветвями лип и кленов, окруженный шумящими каскадами, красуется Архиерейский дом, еще ближе на крутом берегу Волги виден воксал; вокруг же всего разбросаны деревеньки, мелькают загородные дома — и все это в один миг и на одной плоскости представляется взорам. Посредине сей долины возвышается самый город, не гордостью пышных домов и огромных башен, но привлекательною скромностью, прелестною посредственностью и как бы милою нежностью украшенный».⁴² И здесь Глушков принципиально переступает границы достоверности, которые положены травелогу, фактически переходя в сферу литературного путешествия.

Переходя от геополитических описаний к этнографическим характеристикам, Глушков детально описывает костюмы жителей, прежде всего женский наряд, указывая на местные отличительные особенности, фиксирует особенности местных говоров, что для литературы путешествий того времени бесспорно ново. А прямое обращение к читателю, доверительно-дружеский тон повествования, введение в текст живых зарисовок с натуры, непосредственно наблюдаемых сценок и занимательных деталей непосредственно заимствованы из жанра литературного путешествия, но организуют заинтересованное восприятие адресатом не путешествия, а травелога. Разумеется, Глушков не в полной мере смог достичь карамзинского эффекта духовного «расширения» путешествующей личности, однако это было вполне естественно вследствие жанровых различий обеих книг. Вместе с тем в контексте массовой литературы рубежа XVIII—XIX вв. книга Глушкова, бесспорно, была самым ярким откликом на «Письма русского путешественника».

Дальнейшее развитие жанр петербургско-московского травелога нашел в двух книгах: «Путеводитель от Москвы до С.-Петербурга и обратно» И. А. Дмитриева (1839)⁴³ и «Каникулы 1844 года» А. И. Ишимовой,⁴⁴ — поскольку обе эти книги были частично основаны на материалах «Ручного дорожника».

Для понимания того, в каком направлении развивались традиции «Писем русского путешественника» Карамзина, следует обратиться к книге Ишимовой «Каникулы 1844 года». Рассказ о путешествии ведется здесь от первого лица. Дама, выступающая основным субъектом речи, — фигура безусловно автобиографическая; она путешествует с группой родственни-

⁴² Там же. С. 160—161.

⁴³ Тверь 2. С. 147—267.

⁴⁴ Тверь 1. С. 263—281.

ков, среди которых дядюшка Николай Дмитриевич — большой знаток старины, тетушка Ольга Дмитриевна — любительница старинной культовой архитектуры и дети Лиза и Валериан. Поскольку текст не дает оснований признать эту даму-повествовательницу матерью молодых людей, остается только один вывод о ее положении в семействе: она гувернантка молодых людей, что полностью соответствует реальному социальному статусу Ишимовой.

Введение персонифицированного повествователя придает запискам Ишимовой черты достоверности, а достаточно частые обращения автора к героям и читателю моделируют ситуацию непосредственной включенности читателя в события, происходящие в книге. Впечатления от поездки Ишимова, как и Карамзин, изложила в форме писем, и потому может показаться, что заметки носят сугубо частный характер и написаны лишь по случаю. Однако это иллюзия, поскольку в одном из писем писательница делает принципиально важную оговорку: «Я описываю тебе, милая сестрица, все города, которые мы проезжаем, с такою подробностью, что я думаю: журнал мой может служить твоим детям вместо географического урока». ⁴⁵ Мысль о том, что «письма» о путешествии могут служить *вместо* урока (а не в качестве урока), восходит к литературному путешествию Карамзина, что позволяет говорить о непосредственном влиянии «Писем русского путешественника» на «Каникулы 1844 года». Это тем более вероятно, что незадолго до создания «Каникул 1844 года» Ишимова, как известно, написала «Историю России в рассказах для детей» (1837—1840), пересказав для юного читателя «Историю государства Российского» Карамзина.

Свою приверженность взглядам Карамзина Ишимова обнаруживает на протяжении всего повествования; в другом месте она заявляет: «Я уже не один раз заметила во время путешествия нашего, что во всяком местечке, даже в самом неважном и, по-видимому, непривлекательном, можно найти что-нибудь интересное — стоит только искать его, а не смотреть на всё глазами равнодушными, как делает большая часть путешественников». ⁴⁶ Принцип внимательного отношения к открываемой читателям локальной культуре и принцип эмпатии, погружения в новое, стали в середине XIX в. основой для становления русской детской литературы путешествий, и в этом ряду «Каникулы 1844 года» Ишимовой явились одним из первых опытов, реализовавших традиции Карамзина в жанре детского травелога.

Наряду с поездками по Петербургско-Московскому тракту с 1830-х гг. в русской литературе путешествий получили развитие и «прогулки по губерниям». В них путешествие становилось своеобразным пространством рекреации с целью, в согласии с идеями Карамзина, открыть «удивительное — рядом». Например, Ф. Н. Глинка открывает древности Тверского

⁴⁵ Там же. С. 265.

⁴⁶ Там же. С. 279.

края (1811, 1836),⁴⁷ П. И. Сумароков (1839) — разнообразие местных промыслов,⁴⁸ а П. И. Якушкин (1858) — тверские обычаи и характеры.⁴⁹

Так на протяжении полувека идеи Карамзина получили своеобразное развитие в русской путевой книге. Под влиянием Карамзина литературное путешествие было привито к сухому, специальному статистико-географическому справочнику, в результате чего появился занимательный художественный ландшафтно-исторический экскурс, который мы и называем теперь травелогом.

Для лучшего понимания напомним определение жанра, которое было дано в «Словаре Академии Российской» (разумеется, термин *травелог* в это время еще не существовал, и его заменял термин *путешествие*): «Сочинение, содержащее в себе описание всего того, что узно, открыто кем или примечания достойного где-либо найдено».⁵⁰ В дальнейшем теорию путешествия (травелога) как беллетристического жанра развил в своих статьях В. Г. Белинский, который уделил особое внимание личности автора, непосредственно отражающейся в травелогe: «Путешествия пишутся иногда в форме ежедневных записок, — и тогда центром описаний делается личность самого путешественника. Эта форма чрезвычайно интересна и увлекательна. Разумеется, для этого прежде всего нужно, чтоб личность путешественника не только не оскорбляла своим цинизмом, но еще и заинтересовывала бы читателя благоуханным впечатлением своей непосредственности <...> Автор может показаться своим читателям и в халате; но подобные фамильярности с его стороны не должны впадать в цинизм. Записки путешественника не только могут, должны быть просты; всему есть границы, полагаемые чувством и смыслом <...> Иногда путешествия пишутся в некотором систематическом порядке. Автор сперва описывает здания, потом промышленность, нравы народа и так далее, посвящая каждую главу на особый предмет, о котором он уже не имеет нужды говорить в других главах своей книги. Эта форма имеет свою выгоду и свою хорошую сторону, представляя читателю ряд отдельных и целых картин. Если она теряет в калейдоскопической живости описания, зато делает безопаснее личность автора от неприятного впечатления на читателя».⁵¹ Следует признать, что современная теория не многое может добавить к тому, что сказал в свое время Белинский.

⁴⁷ Тверь 1. С. 171—240; Глинка Ф. Н. О древностях в Тверской Карелии. СПб.: тип. Мед. деп. Мин-ва внутр. дел, 1836.

⁴⁸ Тверь 2. С. 127—137.

⁴⁹ Тверь 2. С. 422—435.

⁵⁰ Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1820. Т. V. Стлб. 737.

⁵¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд. АН СССР, 1956. Т. VI. С. 60—61.

2. Травелог и динамическое пространство

Мы уже говорили, что само по себе понятие текста, как оно сформировалось в структурно-семиотических исследованиях самых разных направлений, включает в качестве составляющих категории законченности и статичности. Представление о динамике текста принадлежит постструктуралистскому дискурсу и предполагает тотальную ревизию семиотико-структуральной статичности. Вследствие этого понятие *динамический текст* может быть истолковано двояко, в зависимости от того, в рамках какого направления мы строим рассуждение и свойством чего полагаем динамику.

Семиотико-структуральное истолкование текста как динамического только допускает, что текст становится в процессе его созидания и восприятия. Иначе говоря, мы не разом видим и воспринимаем весь текст «Анны Карениной», а только постепенно, по мере чтения романа; мы не одновременно видим и воспринимаем всю дорогу из Петербурга в Москву, а только по мере передвижения из одного города в другой. При этом человек стремится максимально сократить время на развертывание текста пространства и даже аннулировать его, но это пока остается научно-фантастическим проектом. Классический структуральный анализ предполагает, что текст существует сам по себе, как таковой, вне воспринимающего его сознания. Такой текст является статичным, и динамика не имманентна ему, а обеспечивается лишь описывающим и воспринимающим его сознанием. Динамику пространству сообщает время, и такое пространство сродни тому, которое описывает геометрия Эвклида. Гетерохрония же как общий принцип бытия выступает условием возможной гармонизации пространства: по мысли А. А. Ухтомского, «увязка во времени, в скоростях, в ритмах действия», а значит и в сроках выполнения отдельных элементов, образует из пространственно разделенных групп «функционально определенный „центр“». ⁵²

Постструктуралистское истолкование текста как динамического предполагает, что текст существует не сам по себе (сам-для-себя), но только в непосредственном контакте с неким внеположенным ему сознанием, что текст реализует себя только в процессе общения, диалога, поэтому динамика является имманентным свойством его. Применяя этот тезис к нашей теме, следует сказать, что кочки и впадины сами по себе динамичны, и поэтому для адекватной репрезентации пространства необходима не статическая живопись, но динамический кинематограф. Такое пространство само по себе подвижно, потому что через две точки можно провести не одну, а несколько прямых, а сами по себе точки могут принадлежать не одной, а разным плоскостям. Такое пространство динамично само по себе, без участия времени, и такое пространство аналогично тому, которое опи-

⁵² Ухтомский А. А. Доминанта. М.; Л.: Наука, 1966. С. 181—182.

сывает геометрия Н. И. Лобачевского. Впрочем, образец такого динамического пространства подобрать сложнее. Примером такого пространства мог бы стать текст, автор которого намеревался бы из Твери ехать в Торжок, но оказался бы в Старице. В известной степени примером подобного рода может служить повесть В. И. Даля «Бедовик» (1839), где помимо реальных населенных пунктов Тверской губернии мы находим вымышленный город Малинов и где герой никак не может доехать до вожделенного Петербурга.⁵³ Очень яркими примерами такого рода пространства являются путешествия, в которых автор искажает реальные пропорции и показывает далекое близким, а близкое далеким, располагает объекты в одной плоскости, тогда как они находятся на разных уровнях, и наоборот. Чаще всего такие искажения происходят в силу недоразумений, хотя они могут быть и продуктом сознательной творческой работы автора.⁵⁴

Очень важным приемом такой сознательной творческой работы автора с целью преодоления метричности культурного пространства является включение в текст путешествия разного рода зарисовок: пейзажа, портрета, интерьера. Неритмичное или ритмичное распределение их по тексту путешествия в равной степени свидетельствует о сознательности изменения пространства, поскольку те или иные картины природы, люди и помещения изображаются не потому, что именно они предстоят сейчас перед глазами путешественника, а потому, что это зачем-то необходимо автору. Включение такого рода описаний прекрасно демонстрирует, что реальное пространство в глазах самого путешественника является семантически бедным. Пространство требует структурирования и наполнения знаками. Только в таком случае оно может быть описано. Можно было бы сказать, что описывается не пространство как таковое, а те культурные знаки, которые привнесены в него. Более того, реальное пространство воспринимается как эмоционально бедное, поэтому для усиления эмоциональности путешествия используются вставные новеллы развлекательного характера. Иначе говоря, можно рассказывать о красоте гор и ущелий, по которым путешественник странствует четыре дня подряд, но это скоро надоедает; поэтому для увеличения эмоциональной нагрузки текста автор приводит историю несчастной любви, в результате которой герой (героиня) прыгнул (-а) со скалы в пропасть. Важным приемом динамизации повествования о пространстве является, как ни парадоксально это звучит, торможение. Наиболее частыми видами торможения являются этнографические жанровые сцены из народной жизни и проч., наблюдения или размышления автора внешне непространственного характера, которые принято называть лири-

⁵³ О поэтике пространства в этой повести см.: *Строганов М. В.* 1) О повести В. И. Даля «Бедовик» // Шестые Международные Далевские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Луганск, 2001. С. 97—105; 2) Мифологизированный хронотоп в повести В. И. Даля «Бедовик» // Далевский сборник. Луганск, 2001. С. 27—30.

⁵⁴ См. об этом в главе 4 исследования.

ческими отступлениями. Казалось бы, эти приемы должны привести к обнулению пространства, поскольку описание их замещает рассказ о путешествии как таковом. Но на самом деле значение видов торможения состоит в усилении переживания пространства. Это особенно заметно в тех случаях, когда один и тот же фрагмент путешествия характеризуется в тексте двумя разными способами. Например, И. Ф. Глушков упоминает в начале каждого раздела количественные параметры того или иного отрезка пути, а потом замещает описание этого пространства внешне непространственной картиной:

«Завидово — ям, дающий лошадей на 26 верст до Клина.

Любитель музыки, который слышал лучших итальянских певцов и виртуозов, поверит ли, что иногда русские ямщики одно колено песни поют 30 верст, от одной станции до другой. Это случается тогда, как судьба определит ехать с удрученным горестью, бедностью и летами ямщиком, который, вспоминая молодечество и желая угодишь езду, начинает с трясушей бодростью: “Э—эх! — да — хорошо-о-ао-ао — любить — да — дружка — ми-и-и-ла-а-ава харашо — разумнава” — и вдруг, прервав песню, погоняет лошадей: “Эй! ну ты слышишь ли!” — потом опять продолжает петь: “Эх — да — хорошо любить... Эй вы родимые! — ну! ну! пашел!” Вот с какими вариациями продолжается во всю дорогу песня.⁵⁵

Подобный прием замещения позволяет понять пространственную сущность внешне непространственной характеристики. Песня ямщика здесь — это способ временного измерения того отрезка пути, который ранее измерен в верстах. Точно так же расстояние, которое преодолевает Онегин от Петербурга до своей наследственной деревни, измеряется у Пушкина временем повествования о детстве и юности героя, составляющим первую главу романа. И еще пример. В книге А. Н. Радищева «Путешествие из Москвы в Петербург» пространство между станциями не описывается, всё время переезда занимают вставные тексты, посвященные злободневным социально-политическим вопросам современности. Книга Радищева весьма интересна как квазипутешествие: имитируя реальное путешествие и перечисляя реальные станции (ямы) по дороге из Петербурга в Москву, Радищев не изображает практически ни одной реальной «черты местности», отвлеченные социально-политические вопросы затмевают пейзаж, нравы и историю.

Наше противопоставление двух типов динамики текста необходимо дополнить противопоставлением локального текста как неизбежно статического (существует целый ряд работ, посвященных локальному тексту; укажем только работы, в которых отражена наша позиция⁵⁶) и текста путе-

⁵⁵ Глушков И. Ф. // Тверь 1. С. 170.

⁵⁶ Строганов М. В. Литературное краеведение. 2009; Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты из словаря «Русская провинция» // Лабиринт. 2012. № 2. С. 42—60; № 3. С. 33—74.

шествия как неизбежно динамического.⁵⁷ Локальный текст включает в себя перечень, набор, каталог деталей, с точки зрения автохтона тяготеющих к однородности. Ср. фразу из кинофильма «Карнавал» (реж. Т. Лиознова, 1982): «Что за город — всё горы и горы». Начать это перечисление можно с любого объекта, поэтому для описания локального текста наиболее адекватной является форма словаря. Каждая отдельная словарная статья оказывается моментальным снимком места, а в совокупности своей они представляют серию таких моментальных снимков, позволяющих воссоздать морфологию пространства и ее временные изменения. Элементы локального текста в описаниях примыкают другу к другу, но не перетекают друг в друга, как будто разделены непроходимыми границами.

Текст путешествия можно представить в качестве цепочки локальных текстов, но гораздо важнее, что путешествие фиксирует системно-синтаксические связи между этими локальными текстами. Эти системно-синтаксические связи в путешествии могут быть разных типов. Во-первых, это отношения, которые условно можно назвать отношениями сочинительного типа, как, например, аксиологическая равноценность районных центров при их громадном социальном различии в отдельных случаях. Во-вторых, это отношения подчинительного типа, и сюда относятся оппозиции столица/провинция, центр/периферия, мейнстрим/маргинальность, причем и здесь возможны нарушения и отступления от общего правила типа Вашингтон/Нью-Йорк. В-третьих, это отношения, аналогичные отношениям означаемого и означающего: реальное существование и условность границ, их реальные устойчивость и подвижность и способы преодоления, перетекание культуры одного локального текста в другой; примером этого может служить сопоставление человеческих типов, как Хорь и Калиныч, занятий и промыслов, говоров, костюмов, обычаев.

Развитие жанра травелога в таком случае можно было бы представить как движение от суммы локальных текстов, которые связаны между собой морфологическими, парадигматическими отношениями к созданию сложноподчиненного синтаксиса природного и культурного пространства и многомерной системы ориентиров. В первом случае каждому локусу, городу соответствует отдельная глава, а все они построены по одному типу, и между ними нет никакого текста-пространства. Таково, например, Путешествие Екатерины II.⁵⁸ Во втором случае путешественник видит не только статичную картину локуса, но и всё время переменяет позицию в процессе движения: позади/впереди, слева/справа, далеко/близко, высокий/низкий рельеф или горизонт, однородность/неоднородность. Таковы, в частности,

⁵⁷ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. 1) От составителей // В зеркале путешествий. С. 6—12; 2) Принципы изучения «тверских» травелогов XVI—XX веков. С. 37—43; 3) Динамический текст русской культуры: пространство в зеркале путешествий. С. 70—77.

⁵⁸ Тверь 1. С. 134—138.

путешествия Ф. Н. Глинки, 1811⁵⁹ и И. Белова, 1848.⁶⁰ В результате, отражая взгляд со стороны в динамике смены ракурсов, травелоги выявляют исторически меняющуюся семантику и аксиологическую значимость локальных объектов — те их характеристики, которые не очевидны в локальном тексте в силу статичности его оптики.

Совокупность локальных текстов создает впечатление метрической упорядоченности пространства, но не дает представления о его ритмической специфике, если брать эти понятия в значениях, аналогичных школьной метрике. Ритмическая специфика культурного пространства выявляется только в тексте путешествий. Причем природное пространство и пространство первично окультуренное всегда аритмичны, а стремящееся к регулярности чередование равных, однородных, изоморфных элементов всегда оказывается признаком вторичного окультуривания пространства, которое неизбежно противопоставлено первичному, естественному его заселению. При этом адекватные реальным потребностям проекты постоянно противостоят реальному положению дел и потому могут казаться неадекватными. Такими именно представляются проекты, созданные по «государственному заданию». Например, заданное регулярное расстояние не более 35 верст между станциями во время гужевой тяги, хотя на дороге между Петербургом и Москвой станции находились реально чаще; или размещение городов-станций по утвержденному Екатериной II плану-сетке; или размещение станций разной степени классности на железной дороге между столицами (будущей Николаевской) и целый ряд других.

При этом очень часто оказывается, что аритмия культурного пространства предопределена аритмией пространства природного. К таким элементам аритмии относятся чередование возвышенностей и низменностей, суши и воды, особенности рисунка рельефа, речных русел, очертаний водоемов, пиков гор, и специфика местной фауны и флоры. Например, в путешествии В. М. Севергина (1803) дано следующее описание: «Торопец виден уже в 19 верстах расстоянием; но должно объезжать многие озера и болота прежде достижения сего города. Он лежит при реке Торопе, впадающей в Двину. Озеро, Соломино называемое, находится близ города вправо».⁶¹

Напротив того, если культурное пространство строго метрично, оно осознается или как бездушное, или как не одушевленное присутствием человека. Например, в путешествии У. Кокса (1778):

«Дорога из Москвы в Петербург тянется 500 миль почти прямой линией, проложенной сквозь леса, и крайне утомительна: по обеим сторонам

⁵⁹ Тверь 1. С. 171—240.

⁶⁰ Тверь 1. С. 288—323.

⁶¹ *Севергин В. М.* Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оные в 1803 г. СПб. : Имп. АН, 1804. С. 147.

дороги лес вырублен на 40—50 шагов, и весь путь проходит через бесконечный лес, изредка прерываемый деревнями и небольшими обработанными полями. <...>

Деревни, встречающиеся на этом пути, очень похожи друг на друга. Они состоят из одной улицы с деревянными избами, кирпичные дома очень редки».⁶²

Попадая в такое метрически организованное пространство, путешественник начинает испытывать скуку, которое очень точно описал А. С. Пушкин в стихотворении «Зимняя дорога»:

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег.... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне...⁶³

Если же культурное пространство воспринимается как аритмичное, а всё бытовое как неорганизованное, то путешественник естественно концентрируется на переживании многочисленных физических и физиологических неудобств. Если всё вокруг оказывается проблемой: и перемена лошадей, и удовлетворение потребности в отдыхе/сне, и удовлетворение голода, — то путешественник уже не испытывает радости путешествия. Как легко понять, подобное восприятие пространства свойственно иностранному путешественнику, который воспринимает Россию как землю варварскую, неорганизованную, неупорядоченную:

«Когда мы отправлялись 1-го апреля из Москвы, то из дворца дали нам знать, что так как крестьяне на большой дороге чрезвычайно обессилены и отягчены, то чтобы мы ехали другою дорогою, взяв несколько правее, по направлению на Ладожское озеро. Эта дорога в зимнее время для проезда довольно удобна; но так как на пути нас застигла ростепель и мы должны были переправляться через двадцать и более рек, на которых не было ни мостов, ни паромов, так что мы сами принуждены были устраивать последние, и так как, с другой стороны, крестьяне в этих местах никогда не видывали подобных нам путешественников и, завидя нас, бежали от нас с детьми и лошадьми своими в леса, то это было наитруднейшее из путешествий, какие когда-либо совершал я, и бывшие между нами некоторые странствующие господа, изъездившие целые две части света, говорили, что они не помнят, чтобы переносили когда-либо такую бездну неприятностей и лишений, какие вынесли они на этой дороге» (Ф. Х. Вебер, 1718);⁶⁴

«Несказанное множество саней, беспрестанно переезжающих по снежной дороге, делают по обеим ее сторонам ухабы или ямы, и если сани

⁶² Тверь 1. С. 98, 99.

⁶³ Пушкин. Т. 3, кн. 1. С. 42.

⁶⁴ Тверь 1. С. 56.

в них попадут или когда надобно будет из них выезжать, тогда повозка получает такие удары, которые, уверяю вас, могут проломить и самую крепкую голову. Меня вываливали два раза. Из этих случаев я узнала, что кучера привыкли к таким скачкам. Они тотчас проворно слезают с лошади, поднимают и оправливают повозку, а никогда не спрашивают, не ушибся ли путешественник» (Э. Кравен, 1786).⁶⁵

В последнем примере весьма показательна реакция ямщиков, местных жителей на явления аритмии. Ямщики привыкли к ухабам на дороге, быстро устраняют возникшие неполадки и даже не предполагают, что у заморского путешественника могут возникнуть какие-либо неудовольствия по поводу такого передвижения. Здесь сталкиваются две точки зрения на одно и то же явление: с одной точки зрения эта аритмия пространства заметна, с другой она совершенно отсутствует.

Напротив того, если культурное пространство организовано ритмично, то путешественник переживает свое продвижение по маршруту как успешное и легкое, комфортное. В первую очередь такая точка зрения свойственна путешественнику-иностранцу, критично настроенному ко всему, что он встречает в «дикой» России:

«26-го <декабря 1709 г.>. <Сделав> 37 верст, прибыл в 9 ч. в Березай <с. Березай Ингерманландской губ., позже Вышневолоцкого у.>, покормил там лошадей и в 10 часов снова пустился в путь. В час приехал на 4-й ям, Хотилово — в 25 верстах <от Березая>. Снова остановился в царском доме. Из <Хотилова выехал> в 4 часа и, <сделав> 35 верст, прибыл в 8 ч. вечера на царское подворье в Вышний Волочек, где был пятый ям. <...>

Из <Вышнего Волочка> выехал в 9 часов и, <сделав> 35 верст, прибыл в час в Выдропуск, где не мог остановиться в царском доме, ибо за день до того он сгорел. Отправился оттуда далее в 3 ч. утра. <...>

27-го. <Сделав> 35 верст, прибыл в 8 часов утра в город Торжок, где был 6-й ям. <...>

Выехал я из <Торжка> в 9 ч. и, <сделав> 34 версты, прибыл в 3 часа пополудни в Медное, <где> меня снова ввели в царский дом. Покормив <лошадей>, выехал из <Медного> в 4 часа и, <сделав> 27 верст, прибыл вечером в Тверь.

Тверь — большой город с маленькою крепостью; стоит на Волге. Здесь был 7-й ям. <...>

28-го, <проехав> 32 версты, прибыл в 7 часов утра в Goretzin <Городня>, затем 30 верст, достиг в полдень Завидова, а в 5 часов вечера, 28 верст, приехал в Клин. Здесь был 8 ям. Таким образом, сделал 90 верст в 14 часов, причем еще три часа прокормил лошадей. Из <Клина> я тронулся в 6 ч. вечера и, <сделав> 45 верст, прибыл в полночь в Чашниково; оттуда,

⁶⁵ Тверь 1. С. 98.

покормив, поехал в 2 часа далее и <наконец, сделав> 37 верст, прибыл наутро в Москву» (Ю. Юль, 1709);⁶⁶

«На протяжении всей дороги находится 24 почтовые станции, или яма, как русские их называют, на расстоянии 4 или 5 миль одна от другой, и на каждой станции стоят 20 и более почтовых лошадей, содержимых особыми, приставленными для того крестьянами, кои, получая ничтожные почтовые деньги с проезжающих, освобождаются от всех других повинностей и служат только для провоза проезжающих» (Ф. Х. Вебер, 1716).⁶⁷

Аритмия культурного пространства — это извечная проблема любого путешествия. Однако ее можно практически избежать, если человек правильно соберется в путешествие или если оно должным образом организовано «принимающей» стороной: «В это мое путешествие из Петербурга в Москву я сделал следующие наблюдения. О собственных домах царя, построенных по его приказу у ямов и между ямами, где приходится кормить <лошадей>, я уже говорил. Меня постоянно помещали в эти дома; там же, где их не было, пристав, всегда ехавший с несколькими солдатами впереди, занимал силою дом, который ему больше нравился, приводил его к моему приезду в порядок, топил, выгонял из него <хозяев> и вполне завладевал всем, что там было; ибо здесь нет гостиниц, в которых можно бы за <известную> плату кормить лошадей или останавливаться. В случае поломки саней или сбруи солдаты силою отымали у крестьян всё, что было нужно, так что мне ни о чем не приходилось заботиться. В России крестьяне повсюду так привыкли к подобным <порядкам> и так боятся солдат, что охотно, без прекословий, готовы отдать добровольно всё, лишь бы избежать их побоев и неблагодарности» (Ю. Юль, 1709);⁶⁸

«Без удобства саней, употребляемых в России, иностранцу невозможно было бы вынести в дороге сильные морозы. Сани сверху и кругом крепко закрыты и укутаны, так что ни малейший ветер не может проникнуть в них, а по обеим сторонам вделываются маленькие оконца и сумки или карманы для книг, ради препровождения времени, и для съестных припасов; вверху над головою висит фонарь с восковою свечою, которую зажигают с наступлением ночи. В самых санях внутри стелется постель, в которой и лежишь день и ночь во время пути, а в ногах кладутся нагретые каменные плиты или медные фляги с горячей водой, чтобы теплее было в санях; около фляг ставится ларец с вином и водкою, для предохранения этих напитков от мороза, хотя, впрочем, при всех предосторожностях, самые горячие напитки замерзают и обращаются в лед. В такой спальне едут день и ночь, не выходя из саней, разве за надобностью, тем более что по всей дороге нет ни гостиниц, ни съестных припасов, которые бы можно было купить, кроме черствого простого хлеба и предурной водки, так что

⁶⁶ Тверь 1. С. 43—46.

⁶⁷ Тверь 1. С. 51.

⁶⁸ Тверь 1. С. 47.

всегда следует держать при себе в санях свой холодный обед» (Ф. Х. Вебер, 1716).⁶⁹

В двух последних примерах путешественники особо подчеркивают, что аритмия пространства успешно преодолевается людьми, организующими дорожное движение. Путешественник может отметить и трудности жизни тех людей, которые обеспечивают удобства проезжающих, но на фоне этих трудностей особенно выигрышно смотрится его собственный комфорт. Поездка сопровождается некоторыми неудобствами (отсутствие по дороге гостиниц и продажи съестных припасов), которые, однако, компенсируются предусмотрительностью устроителей саней как целого походного дома.

Таким образом, мы видим, что жанр травелога складывался как филиация литературного путешествия. Его специфика была обусловлена формированием массовой литературы, и травелог как типичный жанр беллетристики принял на себя функции этого явления.

Вместе с тем в рамках травелога происходило формирование и сугубо специфических форм репрезентации пространства, которые были еще мало освоены литературой. И в этом отношении травелог был новаторским жанром, опережавшим общее развитие литературных форм.

⁶⁹ Тверь 1. С. 50—51.

Глава 2

Межличностные и социальные коммуникации в событии путешествия. Проблемы типологии

1. Прагматика путешествия и типология травелогов

В настоящей главе мы намерены продолжить описание типологии путешествий. При этом нам придется учитывать в своей типологии два принципа описания материала. Первый принцип нашего описания исходит из ландшафта, технического развития эпохи и обусловленного этими причинами транспорта. В нашем конкретном случае эта типология исходит из ландшафтных особенностей Тверского края и связанных с ними транспортных возможностей путешественников в тот или иной период. Иначе сказать, речь идет о том, чем вызван тот или иной способ передвижения и выбор маршрута, а вследствие этого — и хронотоп самого травелога. Вторая типология нашего описания основана на оценке нестоличного, *провинциального локуса* (термин этот не обязателен для самих авторов травелогов) с внешней точки зрения: во-первых, в рамках социальной иерархии, а во-вторых, в моральных категориях. Ясно, что обе эти типологии пересекаются друг с другом. Оттенки пересечений и различий различны и многочисленны, поэтому описать их все нет никакой возможности и необходимости. Ясно, что многообразное варьирование этих оттенков мешает стройности типологии, но построение типологии только по одному какому-то принципу представляется нецелесообразным.

Принято считать, что событийную культуру путешествия определяет личность путешественника: кто же, как не он, определяет цель поездки, маршрут и транспорт, темп и ритм перемещения? Эту посылку нельзя принять за аксиому даже на этапе самоопределения путешественника. Например, в традиционной культуре путешествие является формой жизни для трех групп лиц: купцов, ученых и дипломатов. Однако купцы путешествуют по личной надобности и кажутся свободными от воли *другого*. Ученые же по роду своих занятий совмещают личную научную инициативу со служением *другому* — командирующей их структуре. Наконец, дипломаты и вовсе без этой структуры немислимы и потому вынуждены подчинять личный интерес интересу *другого*. На поведенческие сценарии путешествия, определяемые наличием/отсутствием *отправителя*, накладывает свой отпечаток хронотоп, ведь вопрос о том, кто кем управляет — путешественник маршрутом или маршрут путешественником — однозначно решить невозможно. Пространство и время не только физически сопротивляются намерениям, но и вовлекают в сценарий путешествия других действующих лиц. Анализ межличностных коммуникаций, возникающих в событийном плане путешествия, позволяет выделить несколько ключевых фигур в зависимости от исполняемой ими социальной роли в процессе путешествия.

Во-первых, это *путешественник* как инициатор маршрута; в традиционной культуре это деловой человек; в модернистской культуре — свободный художник, любопытствующий странствователь, турист. Во-вторых, это реализаторы маршрута: *перевозчик*, в функции которого входит корректировка маршрута, и *проводник/экскурсовод*, функцией которого является интерпретация локального текста. В-третьих, это *попутчик*, который исполняет роль случайного фактора в реализации поездки и с которым связаны неожиданные, незапланированные наблюдения и встречи. Наконец, в-четвертых, это *автохтон* — творец и хранитель локальных мифов. Разумеется, роль путешественника является основополагающей, а остальные все факультативны. Без вторых, третьих участников путешествие состоится, а без первого оно невозможно.

В допетровский период и в начале XVIII в. путешественники, оставившие свои записки (а это были исключительно иностранцы), пользовались только водным путем, поскольку сухопутных дорог на Руси в это время не было. При этом следует учитывать, что до начала XVIII в. Тверская земля находилась на пути между Новгородом и Москвой. Поэтому на территории современной Тверской области водный путь шел по рекам Волге и Тверце, и путешественники фиксировали только те объекты, которые были связаны с этим маршрутом. Иностранные путешественники С. Герберштейн, А. Кампензее, А. Олеарий, А. Мейерберг, Я. Стрейс, Э. Пальмквист и др. настойчиво подчеркивали оппозицию свое/чужое, которая вплоть до петровского времени была наиболее релевантной при описании России на фоне Европы.⁷⁰ В единичных случаях в эпоху правления Ивана Грозного в поле зрения попадала Старица, поскольку Грозный время от времени принимал здесь иностранные посольства. Следует заметить, что в таком случае Старица (но не всё Тверское княжество) воспринималась как «столица», как центр Московии, а то и как политическая соперница Москвы. Это отражают путевые записки иностранных послов XVI—XVII вв. А. Поссевино, А. Гюльденстиерне, И. Лунда.⁷¹

Во второй половине XVIII в. формируется почтовый тракт между Петербургом и Москвой, и поэтому значение водного пути падает. Новый способ передвижения был исключительно востребованным, причем не только иностранными дипломатами, торговцами и чиновниками, но частными лицами, которые по своим нуждам стали достаточно часто переезжать из старой столицы в новую и обратно. Поэтому к концу XVIII в. была осознана необходимость в создании руководств для людей, путешествующих по шоссе. Одним из первых таких путеводителей стал «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова,⁷² вслед за ним возникли специальные путеводители

⁷⁰ Литература Тверского края. С. 118—179.

⁷¹ Там же. С. 137—139, 141—146.

⁷² Тверь 1. С. 145—170.

для семейных и детских поездок.⁷³ В этих путешествиях оппозиция свое/чужое, актуальная для иностранных путешественников, сменяется оппозицией столица/провинция. И вновь, как и в иностранных травелогах, свое, столичное выступает мерой для понимания и оценки чужого и провинциального. Современного понимания альтеричности, разумеется, еще не было.

Наконец, во второй половине XIX в. была создана железнодорожная магистраль между Петербургом и Москвой, что принципиально изменило общение столиц. Это изменение замечательно отражено в комедии В. А. Соллогуба «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» (1851) как практически полное аннулирование пространства.⁷⁴ Но когда эта железнодорожная эйфория прошла, появились руководства, связанные с новым транспортным средством и новой точкой зрения. Современному человеку следует помнить, что сеть железных дорог к началу XX в. в России стала очень частой, она охватила самые дальние, самые глухие углы русской провинции. В настоящее время очень многие из этих железных дорог утратили свое значение и заглохли, некоторые просто перестали существовать. Но в начале XX в. они были весьма актуальны и воспринимались как социальное благо, а из подобных дорожников сложилась серия «Культурные сокровища России», в которой некоторым городам Тверского края посвящена книга Ю. И. и З. И. Шамуриных.⁷⁵ Само название серии говорит о возникшем внимании к русской провинции как самоценному миру, к которому неприменимы столичные мерки.

Несмотря на увлечение новыми средствами передвижения, прежние пути и средства сообщения не были забыты вообще. Однако путешественники стали использовать их не для быстреего перемещения из одной точки пространства в другую, а с исследовательскими и репрезентативными целями. В связи с организацией в середине XIX в. системы паровозного сообщения очень популярными стали путешествия-прогулки по Волге. Описания подобных поездок зафиксированы в ряде литературных путешествий, таких как известный очерк И. А. Гончарова «Поездка по Волге» (1873—1874). Но гораздо более многочисленными были травелоги второй половины XIX в., к которым относятся дневники и записки А. Н. Островского (1856),⁷⁶ рассчитанный на широкого читателя путеводитель

⁷³ *Ишимова А. О.* // Тверь 1. С. 263—281; *Белов И. Д.* Поездка на Урал // Рождественские рассказы для детей, с рисунками / изд. И. Белова и редакции «Детского сада». СПб.: тип. Департамента уделов, 1871. Вып. 2. С. 72—103.

⁷⁴ *Строганов М. В.* Язык железной дороги в русской поэзии 1840—1860-х годов // Дары природы и плоды цивилизации: экологический альманах. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 74—88.

⁷⁵ *Шамурины Ю. и З.* Культурные сокровища России. М.: Т-во «Образование», [1913]. Вып. 7: Калуга, Тверь, Тула, Торжок. С. 27—49, 61—71.

⁷⁶ Тверь 1. С. 350—409.

А. П. и Н. П. Боголюбовых,⁷⁷ научное исследование В. Рагозина⁷⁸ и др. Такой широкий спектр подходов и жанровых форм свидетельствует о желании путешественников освоить мир тверской провинции в самых разных планах и изменениях.

Как мы уже говорили, с 1830-х гг. получили развитие и русские «прогулки по губерниям», в которых на передний план выдвигалась оппозиция свое/соседнее, а путешествие становилось своеобразным пространством рекреации с целью открыть «удивительное — рядом»: таковы путешествия Ф. Н. Глинки, П. И. Сумарокова, П. И. Якушкина.

В этих травелогах Тверская земля изображается с одной из двух точек зрения. В таких травелогах, как «Путевые заметки и впечатления по Московской и Тверской губерниям» И. Белова,⁷⁹ Тверская земля изображается как пространство рекреации и ресурсный потенциал двух российских столиц. В таких травелогах, как «Очерки современной России» И. И. Кольшко,⁸⁰ это самостоятельное пространство хозяйствования. Различие между данными работами обусловлено, разумеется, временем путешествия и создания травелога. Между 1852 г. (книга И. Белова) и 1887 г. (книга И. И. Кольшко) лежит бурная эпоха буржуазных реформ. Но вне зависимости от времени путешествия и написания травелога, и в том, и в другом случае в центре внимания авторов находились не интересы региона, а интересы либо столицы, либо государства в целом, перед которыми интересы отдельной губернии отходили на самый задний план. «Удивительное — рядом» открывалось, но не в интересах самого «удивительного», а в интересах экскурсирующего путешественника.

В отдельных случаях столичные жители приезжали в Тверскую губернию и описывали ее с ангажированной, политической, заведомо обличительной целью. Таковой была, в первую очередь, книга В. А. Слепцова «Письма об Осташкове»,⁸¹ которая создавалась в 1862—1863 гг. для того, чтобы развеять популярный с конца 1850-х гг. миф о социальном преуспейнии уездного города Осташкова под благодетельным руководством купцов Савиных.⁸² Слепцов, конечно, справедливо обратил внимание на эксплуататорский характер промышленности Савиных (никаким другим он быть и не мог), но он не захотел и не смог оценить положительное влияние Савиных на общественную жизнь города. Развев буржуазный миф провинциального преуспейния, его книга сама стала мифом радикаль-

⁷⁷ Волга от Твери до Астрахани / А. П. Боголюбов, Н. П. Боголюбов; Об-во «Самолет». СПб.: Тип. Гогенфельда и К^о, 1862.

⁷⁸ Рагозин В. Волга. СПб.: Тип. К. Ратгер, 1880.

⁷⁹ Тверь 1. С. 288—323.

⁸⁰ Кольшко И. И. Очерки современной России. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1887. С. 1—240.

⁸¹ Слепцов В. А. Письма об Осташкове // Сочинения: в 2 т. / сост. К. И. Чуковский. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. С. 163—284.

⁸² Б. п. Поездка в город Осташков // Тверь 1. С. 409—415.

ной интеллигенции о застое и глухоте провинциальной России. Надо, впрочем, помнить, что, как мы уже писали, книга Слепцова «Письма об Осташкове» не является травелогом, поскольку в ней описывается только одна точка в пространстве и нет перемещения путешественника, нет движущегося пространства, необходимого условия травелога как жанра.

С конца XIX в. особый интерес начинают вызывать не магистрали, а проселочные дороги, не мейнстрим, а маргинальные явления современной жизни, поскольку эти направления движения позволяли репрезентировать жизнь, которая на самом деле уходила в прошлое, становилась маргинальной, не обязательной. Речь идет об усадебной жизни. Издания, подобные «Очеркам современной России» И. И. Колышко, представляли параллель к известному журналу «Столица и усадьба». В этих путешествиях Тверская земля оценивалась как периферия, но помещалась в центр внимания автора. В этом смысле чрезвычайно интересна книга А. Н. Греча «Венок усадьбам»,⁸³ автор которой подчеркивал самодостаточность усадебной культуры (в том числе и тверской). Однако в 1932 г., когда Греч писал эту книгу, русская усадебная культура («уходящая натура») не просто ушла в прошлое, но была ликвидирована как таковая, и восстановить ее было уже невозможно. Подобный взгляд был своего рода ностальгией по «России, которую мы потеряли».

Особое значение для построения типологии травелогов имеет целеполагание путешествий, как оно отразилось в рефлексии самих авторов. Совершенно очевидно, что степени рефлексии и форма осмысления целеполагания должны были повлиять на формы текстуализации Тверского края. Опираясь на авторские определения текстов, которые были выявлены в процессе нашей работы, мы можем выделить несколько типов травелогов.

Первый тип — это ученое путешествие. Ярким примером естественнонаучного путешествия служат очерки П.-С. Палласа.⁸⁴ К общественно-научным (историческим, культурологическим) относятся дневники археологических путешествий, подобные «Археологической экскурсии в село Кожино и города Кашин, Калязин и Углич» И. А. Виноградова⁸⁵ и путешествие в заповедник дворянской культуры А. Н. Греча. Записки Ф. Н. Глинки «О древностях в Тверской Карелии» лишь внешне имеют вид путешествия, поскольку повествуют об одном месте и не нацелены на изображение движущегося пространства.

Второй тип — это познавательное путешествие, иначе сказать развлекательная, или каникулярная, прогулка. Яркими образцами этого путе-

⁸³ Греч А. Н. Венок усадьбам / подгот. текст, вступл. и коммент. Л. Ф. Писарькова, М. А. Горячева. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. С. 98—132.

⁸⁴ Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. В 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1773.

⁸⁵ Виноградов И. А. Археологическая экскурсия в село Кожино и города Кашин, Калязин и Углич. Тверь: Типо-лит. Н. М. Родионова, 1901.

шествия являются «Каникулы 1844 года» А. И. Ишимовой⁸⁶ и «Путевые впечатления в России» А. Дюма.⁸⁷ Аналогом познавательного путешествия в современной культуре является научно-популярная литература, а в учебно-просветительском пространстве такие путешествия называются экскурсиями. Однако следует признать, что различия между этими двумя типами с культурно-исторической точки зрения очень незначительны, хотя признание этого вызывает огромное сопротивление у рефлектирующего носителя культурного наследия. Паллас, описывая пространство России, не открыл новых видов растений, животных, ископаемых, но для ученого сообщества Европы он весьма профессионально локализовал эти виды в пространстве еще не описанной страны, так что ученое сообщество могло легко оперировать этим материалом. Дюма также не открыл французам ничего нового о России, он только своим авторитетом зоркого наблюдателя подтвердил для массового читателя те стереотипные представления, которые у него были, поэтому массовый читатель мог легко сослаться на столь авторитетное мнение в своих суждениях о России.

Третий тип путешествия — это представительский вояж, имеющий двойственную цель. С одной стороны, путешествующее лицо (чаще всего это особа императорского дома или руководящее лицо страны) знакомится со страной и народом. Естественно, местные власти стремятся продемонстрировать перед этим лицом казовую, внешнюю сторону положения дел. С другой стороны, в течение представительского вояжа путешествующее лицо само представляется стране, репрезентируя реальность своего существования. И, разумеется, путешествующее лицо также стремится представить себя с казовой, благодетельной стороны. «Потемкинские деревни», которые культурная традиция прочно связала с путешествиями Екатерины II, на самом деле являются принадлежностью данной жанровой разновидности путешествия и уже поэтому не могут быть предметом оценки. Характерными образцами представительского вояжа являются «Путешествие по России с цесаревичем Александром Николаевичем» В. А. Жуковского (1837)⁸⁸ и записки «По Северу России» К. К. Случевского.⁸⁹

Наконец, четвертый тип — это живописное путешествие-обозрение, прямой предшественник современных кино- и телепутешествий. Корни такого путешествия уходят еще в народную культуру, поскольку одним из

⁸⁶ Тверь 1. С. 263—281.

⁸⁷ Дюма А. Путевые впечатления в России / пер. с франц. З. М. Потапова [и др.]; ред. Н. Жирмунская, А. Миролюбова; ист. справки С. Искюль. М.: Ладомир, 1993. Сочинения: в 3 т. Т. 3. С. 101—124.

⁸⁸ Тверь 1. С. 241—247.

⁸⁹ Случевский К. К. По Северу России: в 3 т. / СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1886—1888. Т. 1: Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 годах. 1886; Т. 3: Балтийская сторона: Путешествия их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1886 и 1887 годах. 1888.

любимых развлечений народа был раек, демонстрировавший зрительные образы российских и зарубежных городов в сопровождении комических словесных характеристик. Примером такого живописного обозрения являются «Записки моряка-художника» А. П. Боголюбова.⁹⁰ Можно было бы предположить по аналогии, существование и музыкальных путешествий, как, например, «Путешествие в Россию в 1844 году» Р. Шумана,⁹¹ однако это не так. Живопись как таковая и, соответственно, живописное путешествие имеют свои принципы репрезентации пространства, а у музыки как таковой этих возможностей нет. Путешествия музыкантов — это обычные литературные путешествия, интересные лишь их связью с интересующими нас лицами.

Совершенно очевидно, что все эти типы (мы уже невольно показали это) пересекаются друг с другом. Кроме того, каждый из них может быть назван иначе, если рассмотреть его с иной точки зрения. Например, представительский вояж был для наследника престола не только репрезентативным путешествием (будущий император представлялся России), но и ученым или познавательным путешествием, поскольку этим проектом заканчивалось его школьное обучение (и на самом деле, наследник престола изучал и открывал для себя возможные ресурсы подвластной ему страны). Вместе с тем это же путешествие можно рассматривать и как развлекательную или каникулярную прогулку, так как это путешествие находилось в конце академического курса (для сына государя Николая Павловича это было свободное времяпрепровождение). А поскольку историческая составляющая в представительском вояже наследника престола занимала немалое место, путешествие его можно с равным успехом назвать и археологической экскурсией.

2. Типология путешествий и травелогов в системе культуры

Для подготовки публикации свода путешествий вопрос их классификации имеет далеко не праздный характер, поскольку в каждом издании составитель стремится отразить не только разнообразие мест, но и разнообразие точек зрения на них. В своих дальнейших классификациях мы опираемся на свой собственный опыт, который пережили и продолжаем переживать в связи с подготовкой комментированного свода травелогов об одном внутреннем регионе России — «Тверской край в записках путешественников XVI—XX веков». В этом сказывается существующее до сих пор представление об известности и, как следствие, неинтересности внутренних территорий. По отношению к внутреннему региону России это едва ли не первый в нашей науке опыт. Весьма редкими и малоудовлетво-

⁹⁰ *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника (К 300-летию Российского Флота) / сост. и подгот. текста Н. В. Огаревой // Волга. 1996. № 2—3. С. 91—92.

⁹¹ Тверь 1. С. 282—287.

рительными являются своды путешествий и в окраинные земли России, поскольку они никогда не были исчерпывающими, а произвол составителя для науки весьма плохой помощник. Вместе с тем следует признать, что нам неизвестны аналогичные опыты и в зарубежной культуре: при наличии сводов, описывающих одно место, нет сводов, описывающих пространство в движении. Мы не можем утверждать, что наш свод исчерпал весь возможный материал, но мы, продолжая пополнять его, стремимся к его исчерпанности.

Итак, опираясь на свой опыт работы, мы предлагаем различать два вида путешествий и путешественников.⁹²

Первый вид путешествия и, соответственно, путешественника сформировался в рамках традиционной культуры, то есть в то время, когда человек предполагал существование земли неизвестной, которую можно и должно было освоить и узнать, присвоить. Сказочно богатая Индия привлекала к себе Колумбов и Афанасиев Никитиных, которые открывали, однако, вовсе не Индию, а другие пространства. Целью таких путешествий было освоение новых территорий, новых пространств и установление кратчайших траекторий между точками *a* и *b*. Путешественник подробно описывал пространство потому, что его интересовал маршрут. Он и сам снаряжался в дорогу, и его снаряжали только с целью определения маршрута, иначе бы никто и деньги не стал вкладывать в такие дорогостоящие проекты. Путешествия были на самом деле дорогими удовольствиями и для тех, кто их отправлял, и для тех, кто в них участвовал: первые тратили состояния, вторые — жизни. Утилитарно, прагматически в этом путешествии были важны точки исходная и конечная (как из Испании или Твери кратчайшим, удобным и результативнейшим путем попасть в Индию). Однако когда дело доходило до описания, всё внимание путешественника оказывалось сосредоточенным на самом маршруте, потому что исходная точка была не интересна, а конечная точка была достижимой только в ред-

⁹² Милюгина Е. Г. «Каникулы 1844 года» А. О. Ишимовой и «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова: из истории формирования русской детской литературы путешествий // Детская литература. 2011. Вып. 8. С. 209—216; она же. Образ Тверского края в «Путешествии Екатерины II в полуденный край России в 1787 году» // Вторые Конкинские чтения. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. С. 158—163; Милюгина Е. Г., Иванова А. С., Касимова А. Б. Города Тверского края в книге И. И. Кольшко «Очерки современной России» (1887) // Родная словесность. 2011. Вып. 2 (8). С. 172—178; Милюгина Е. Г., Касимова А. Б. Тверской край в книге К. К. Случевского «По Северу России» (1886) // Родная словесность. 2011. Вып. 2 (8). С. 166—172; Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Принципы изучения «тверских» травелогов XVI—XX веков. С. 37—43; Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае. Тверской край в записках путешественников XVI—XX веков. С. 18—26, 86—98; Строганов М. В. Экскурсия в системе краеведческих исследований и преподавания литературного краеведения // Родная словесность. 2011. Вып. 2 (8). С. 181—185; он же. Экскурсия как форма краеведческого исследования и преподавания краеведения // Новоторжский сборник. Вып. 4. С. 455—459.

ких случаях: Колумб в Индию не попадает вообще, а Афанасий Никитин больше времени проводит в пути, чем в самой Индии.

Второй тип путешествия и, соответственно, путешественника сформировался в культуре новейшего времени, когда оказалось труднее найти неосвоенное пространство, землю неизвестную, чем освоить их. В этом отношении весьма показательны история неоткрытия Земли Санникова и роман «Земля Санникова» В. А. Обручева. Таковы же экспедиции майора П. Г. Фоссета, проводившего топографические съемки в верховьях бассейна Амазонки, и роман «Затерянный мир» А. Конан Дойла. Когда культурное сознание смиряется перед фактом невозможности открыть землю неизвестную, появляется ее культурный суррогат типа «края непуганых птиц» (М. М. Пришвин), который в пародийном применении оказывается «краем непуганых идиотов» (Илья Ильф). Этот культурный суррогат породил в литературе XX в. мощную и сильную, хотя и не доминирующую традицию, к которой относятся К. Г. Паустовский, И. С. Соколов-Микитов, Г. А. Горышин, В. В. Конецкий, А. Г. Битов, Дж. Даррел, Ж.-И. Кусто. История чтения свидетельствует о необычайной популярности этого жанра и этих авторов. А история телевидения напоминает о необычайной востребованности передач типа «Клуб кинопутешественников» и «В мире животных».

Это разочарование в возможности открыть неизвестное приводит в самое последнее время к изменению ситуации. Человека новейшего времени привлекает к себе не неизвестное, а известное, не сказочно богатая «Индия», а хорошо известная по Интернету и рекламным путеводителям Барселона, отправившись в которую ты ни за что не попадешь в какое-то иное пространство (и именно это устраивает современного человека). Целью современного путешествия является не освоение новых территорий и установление кратчайших траекторий между точками *a* и *b* (это уже делали до тебя), а удостоверение в том, что ты бывал в этих культовых местах. Отсюда проистекает поголовное стремление запечатлеть всё видимое на свой собственный фотоаппарат («я здесь был») вместо того, чтобы приобрести хорошую профессиональную фотографию. Путешественника интересует не изображение объекта, а самодельность изображения. Поэтому же в центре внимания оказывается не маршрут как таковой, а отдельные точки на нем, места остановок, продуманные гидом и проверенные предшествующим опытом. Переживание расстояние между Россией и Барселоной становится уже не важным, а объекты, которыми насыщена эта дорога по земле, аннулируются.

Эту аннигиляцию пространства в нашем случае целесообразно проиллюстрировать следующим примером. Человек, едущий из Москвы в Петербург по железной дороге в «Сапсане», фактически не видит той русской жизни, которая находится за окном его поезда. Он не видит бедных бараков, всё еще стоящих в пристанционных поселках, он не видит боло-

тин около домов, поросших камышом, он не видит женщин с детьми, стоящих у железной дороги на переезде в ожидании, когда поезд пройдет, шлагбаум поднимется и можно будет, наконец, подойти к своему дому по другую сторону железной дороги. Человек, едущий на «Сапсане», видит окружающий его комфорт и не замечает (и не хочет замечать), что его комфорт оплачен десятками снятых с расписания электричек, которые были единственным оперативным способом передвижения внутри области. Могут ли эти бараки, болотины и местные жители стать увлекательным объектом экскурсионного путешествия? — Разумеется, могут. Но человек купил билет на «Сапсан» именно с той целью, чтобы отвлечься от всех этих объектов, это «шум» в его «канале связи».

Итак, в данном случае маршрут — это совершенно пустое, ничем не заполненное пространство между двумя точками: Москвой и Петербургом. Фактически это пустое, нулевое пространство, пространство, о котором путешествующий человек не может дать отчета. Более того, скорость и комфортабельность передвижения для того именно и созданы, чтобы человек не переживал это пространство как пространство, чтобы он вдруг оказался из точки *a* в точке *b*. Стремление к этой аннигиляции и обнулению пространства прекрасно выражено в одной советской песне:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор...

Другой пример. Известная итальянская исследовательница русской литературы Нина Каухчишвили на одной из конференций, посвященных русской провинции (Тверь, 1997), выражала радость переменами, совершенными к тому времени в России. Дело в том, что при советской власти иностранец мог посетить в России только Москву и Петербург и поэтому видел пространство России, которое соединяет (или разъединяет) обе столицы, только из окна быстро идущего ночного поезда или туристического «Икаруса». Уточним это наблюдение. В советское время иностранцы путешествовали между российскими столицами и на собственных автомобилях, и, конечно, автотурист видел больше, чем пассажир скорого поезда или Икаруса. Однако это *больше* было относительным, а свобода передвижения по стране — иллюзорной: маршрут автотуристов и места разрешенных им остановок по пути следования строго регламентировались. Мера и степень знакомства иностранных граждан с Россией находились под жестким контролем службы госбезопасности, и иностранец, мечтавший, например, вслед за У. Коксом и Л.-Ф. де Сегюром⁹³ полюбоваться красотами вышневолоцких шлюзов, вынужден был, ввиду расположенных в этой зоне секретных объектов, разглядывать шлюзы издали, с трассы. Это то же самое обнуление пространства, но обусловленное принудительно.

⁹³ См.: Тверь 1. С. 88—124.

Итальянскую исследовательницу легко поймет любой современный путешественник. И тот, чей автобус остановили около какого-то ларька с местными изделиями на двадцать минут, не доехав полкилометра до великолепного экскурсионного объекта, а он сам за двадцать минут в оба конца не сбегает и к этому объекту сам уже не вернется. И тот, кого закармливают памятниками архитектуры и не дали насладиться шопингом, а магазины-то рядом, вот они, а занудный гид всё бежит куда-то со своим флажком. Всё это принудительные обнуления пространства, с которыми душа путешественника смириться не может.

Но если он сам хочет скорее добраться до искомого места, он очень рад этому обнулению. Путешествия в таком мире естественно становятся достаточно дешевыми и доступными удовольствиями, фактически это такое же явление масс-культуры, как и все остальные: книги, фильмы, музыка. Утилитарно, прагматически в этом путешествии важны не исходная и конечная точки, которые синонимизируются как дом путешественника, а посещенные между этими двумя точками (фактически одной точкой) места, которые, однако, запрограммированы заранее. Сам переезд из точки в точку не существен, не фиксируется, обычно это воздушный перелет, осознаваемый как мгновение. Существенно и фиксируется время пребывания человека в самом процессе путешествия. При этом масс-культура общества потребления создает и имитацию путешествия. Человек, прилетевший полежать на пляже, заманивается в «путешествие» в таверну с местной кухней и напитками, в «путешествие» на охоту за местной дичью или ловлю местной рыбы. Он, вроде, и не изменил своему намерению полежать на пляже, и всё же попутешествовал и привез тысячу фотографий: «я в местной церкви», «я в местном прикиде», «я за местным столом», «я в лапах и с рыбой в руке» и т. д.

Применяя эти общие положения к нашему конкретному материалу, мы легко выявим теперь следующую ситуацию.

Самыми ранними тверскими травелогоми были записки иностранных путешественников XVI—XVII вв., которые посещали Россию с дипломатическими визитами, в связи с посольскими поручениями и поэтому бывали в Тверском крае проездом (здесь и далее мы указываем в скобках даты посещения путешественниками Тверского края). С. Герберштейн (1517), Я. Ульфельдт (1578), А. Олеарий (1634, 1636, 1639), А. Мейерберг (1661), Н. Витсен (1665), Я. Стрейс (1668), Э. Пальмквист (1674)⁹⁴ путешествовали в основном водным путем; они подчеркивали оппозицию свое/чужое, которая вплоть до петровского времени была исключительно релевантной для европейца при описании России. Именно они и составили первую часть свода.

Во вторую часть свода включены путешествия XVIII в. Одна группа текстов этого периода продолжает линию дипломатических путешествий:

⁹⁴ Тверь 1. С. 19—41; Литература Тверского края. С. 118—179.

это записки Ю. Юля (1709), Ф.Х. Вебера (1716), Ф.-В. фон Берхгольца (1721, 1723, 1724), Л.-Ф. де Сегюра (1785), Фр. де Миранды (1787).⁹⁵ Эти дипломаты перемещались по петербургско-московскому почтовому тракту, что изменило ракурсы восприятия ландшафтных реалий Тверского края; вместе с тем удлинение общего маршрута путешествия привело к осмыслению особенностей тверского его этапа на фоне петербургского, новгородского и московского фрагментов пути. Своеобразным поздним отголоском такого путешествия стала книга А. Кюстина (1839),⁹⁶ автор которой, вообще пристрастно относившийся к России и видевший всё в черном цвете, описывает тверские эпизоды в том же самом ключе. Вместе с тем пристрастное отношение к России позволило Кюстину заметить то, что ускользало от внимания других, более объективных путешественников, какими были Фр. Ансело (1826)⁹⁷ и Ф.Б. Гагерн (1839).⁹⁸

Вторую группу текстов XVIII в. составляют научные травелоги, то есть записки об ученых экспедициях. Маршруты ученых путешественников, выезжавших по поручению Императорской Академии наук из Петербурга в южные провинции России и Сибирь, в связи с неразвитостью дорог в России неизбежно проходили через Тверской край. Именно поэтому тверские земли посетили И. П. Фальк, П.-С. Паллас, С. Гмелин (все 1768), В. Ф. Зуев (1781), В. М. Севергин (1802, 1803).⁹⁹ Наблюдая природу, народную жизнь и промыслы, они неизбежно фиксировали характерные для тверитян способы хозяйствования и социальный уклад.

Третья группа текстов XVIII в. — путевые записки и дорожники, посвященные представительским вояжам. Прецедентными текстами в этом плане стали «Путешествие ее императорского величества <Екатерины II> в полуденный край России» К. И. Габлица (1786) и «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова (1801).¹⁰⁰ Вояж Екатерины II носил заведомо представительский характер, и потому назначение «Путешествия» сводилось к обозрению державы. Путешествие же, которое описано в «Ручном дорожнике», более камерное по своему масштабу, оно носит скорее частный, не-

⁹⁵ Тверь 1. С. 42—64, 107—128.

⁹⁶ Тверь 2. С. 268—278.

⁹⁷ Ансело Фр. Шесть месяцев в России. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

⁹⁸ Тверь 2. С. 143—146.

⁹⁹ Фальк И. П. Записки путешествия от Санкт-Петербурга до Томска. СПб.: Имп. АН, 1824. С. 6—8; Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: в 3 ч. СПб.: Тип. Имп. АН, 1773. Ч. 1. С. 14—19; Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб.: Имп. АН, 1771. Ч. . С. 16—26; Зуев В. Ф. Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб.: Имп. АН, 1787. С. 5—7; Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства. СПб.: Имп. АН, 1803. С. 162—168; он же. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оные в 1803 г. СПб.: Имп. АН, 1804. С. 147—148, 153—162.

¹⁰⁰ Тверь 1. С. 129—170.

жели официальный характер; и поэтому у Глушкова мы находим элементы занимательного, развлекательного характера, модифицирующие жанр представительского вояжа и придающие ему характер гранд-тура. В этом отношении его предваряют путевые записки У. Кокса (1778), посетившего Россию в качестве воспитателя лорда Дж. Герберта, и Н. Я. Озерецковского (1782), который описал свою поездку с внебрачным сыном Екатерины II князем А. Г. Бобринским.¹⁰¹ Полуофициальный статус самих путешественников и их путешествий предопределили промежуточный статус и их травелогов. Впоследствии эта традиция продолжится с акцентом на развлекательности в путешествиях А. О. Ишимовой (1844), П. И. Небольсина (1849, 1851)¹⁰² и в еще большей степени и с акцентом на представительности в представительском вояже великого князя Владимира Александровича, описанном К. К. Случевским.¹⁰³ Написанная после литературных путешествий А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина, книга Глушкова открывает новый путь развития жанра, который получил продолжение в путешествиях Ф. Н. Глинки (1816) и П. И. Сумарокова (1838).¹⁰⁴

В основе любого литературного травелога лежат путевые записки его автора, которые имеют дневниковый характер. Дело в том, что без подобных записок практически невозможно удержать всю ту разнородную информацию, которую получает путешественник в процессе движения. Но в ряде случаев автор и не стремится оформить описание своего путешествия в систематических записках, поэтому мы имеем описание путешествия в виде дневника. Таковы дневники иностранцев, путешествовавших частным образом: М. Вильмот (1803, 1808),¹⁰⁵ Р. и К. Шуман (1844).¹⁰⁶ Сюда же относятся и три русских дневника: дневники частных путешествий М. Н. Волконской (1810)¹⁰⁷ и В. Ф. Одоевского (1863),¹⁰⁸ а также дневники представительских вояжей В. А. Жуковского (совместно с цесаревичем Александром Николаевичем, 1831, 1837).¹⁰⁹ Впрочем, путешествия Жуковского выбиваются из этого ряда, и удовлетворительно объяснить их в ряду общих литературных тенденций не удастся. Самыми яркими текстами, описывающими частные путешествия, являются травелоги А. Т. Болотова (1770)¹¹⁰ и А. М. Петропавловского (1852),¹¹¹ поскольку они ад-

¹⁰¹ Тверь 1. С. 88—106; Тверь 2. С. 21—22.

¹⁰² Тверь 1. С. 263—281, 324—349.

¹⁰³ *Случевский К. К.* По Северу России: в 3 т. / СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1886—1888.

¹⁰⁴ Тверь 1. С. 171—240; Тверь 2. С. 127—137.

¹⁰⁵ Тверь 2. С. 66—72.

¹⁰⁶ Тверь 1. С. 282—287.

¹⁰⁷ Тверь 2. С. 73—81.

¹⁰⁸ *Одоевский В. Ф.* Из дневника. 1863 / подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е. Г. Милюгиной, Л. В. Бойко // В зеркале путешествий. С. 252—260.

¹⁰⁹ Тверь 1. С. 241—254; Тверь 2. С. 119—126.

¹¹⁰ Тверь 1. С. 65—87.

¹¹¹ Тверь 2. С. 303—400.

ресованы исключительно узкому кругу лиц и не предполагали публикации. Кроме того, травелог Петропавловского только имитирует форму дневника, но совершенно ясно, что он был создан по памяти и задним числом (возможно, на основании предыдущих заметок). Вместе с тем, как и другие дневники этого типа, этот травелог не предназначался для печати и имел сугубо интимный характер.¹¹²

3. Тверской край как цель путешествия

Все путешествия допетровского времени и все путешествия XVIII в. непременно проходили через Тверской край. Однако никогда Тверской край не был непосредственной целью для путешественников, а всегда только средством и пространством передвижения. Внутренние земли занимали внимание путешественника не сами по себе, а между делом. Дипломат ехал к царскому двору в столицу или сопровождал какое-то важное лицо; он, естественно, описывал мелькающие за окном кареты или наблюдаемые из лодки дорожные виды; но главная его цель состояла в описании царского двора. Натуралист, ехавший в богатые ископаемыми сибирские или южные районы страны, конечно, интересовался тем, что находил у себя под ногами по пути, но не забывал той конечной цели, во имя которой он был послан. Государи путешествовали по стране в целях ознакомления с ней. Может быть, только Екатерина любила Тверь персонально, поскольку люди обычно любят то, во что они вкладывают свои деньги и души. Однако она никогда не ездила в Тверской край, а только *через* Тверской край — по пути в полуденные края и другие места государства.

Впервые Тверской край как таковой стал целью путешествия для А. Т. Болотова (1770),¹¹³ который выбрал нетрадиционный маршрут и поехал по приземленной семейно-бытовой причине. Но в результате этого путешествия сложилось эмоциональное повествование интригующего, романтического типа, повествование интимное и в этом смысле сентиментальное, травелог на грани литературного путешествия. Травелог Болотова не был опубликован, однако типологически он непосредственно предшествует запискам Ф. Глинки (1811)¹¹⁴ — и как сентиментальное путешествие, и как познавательный путеводитель. В записках Глинки Тверской край — это цель путешествия, поскольку путешествие совершается не для достижения определенной цели, а во имя освоения неизвестного самому путешественнику пространства; Тверской край для Глинки — это пространство занимательного маршрута. А первым научным путешествием в Тверской край (одновременно естественно- и общественно-научным) стало путешествие Н. Я. Озерецковского (1814) к истокам Волги и в окрестности

¹¹² См. об этом подробнее в главе 6 исследования.

¹¹³ Тверь 1. С. 65—87.

¹¹⁴ Тверь 1. С. 171—240.

Осташкова и Селигера.¹¹⁵ В этом травелоге едва ли не впервые русская «глубинка» оказалась предметом описания.

В XIX в. ученые путешествия во внутренние губернии становятся постоянными, но они совершаются в первую очередь с гуманитарными, социологическими, а не с естественнонаучными интересами. Таковы травелоги М. П. Погодина (1841), С. П. Шевырева (1847)¹¹⁶ и А. Н. Островского (1856).¹¹⁷ Погодин и Шевырев занимались историческими и социальными вопросами в силу собственных научных интересов, а Островский принял приглашение Морского министерства (Министерства водных путей сообщения) изучить социальные условия жизни и быт приречных и приозерных жителей Верхней Волги. Разумеется, Островский как писатель интересовался и другими сторонами жизни населения, что и отразилось в первую очередь в его травелоге. Впрочем, у всех этих авторов мы находим заметки о культурной жизни края.

Внимание к внутренним губерниям как таковым породило стремление посетить не общепринятые места, а еще не изведенные, неизвестные, выбрать не традиционные, а оригинальные маршруты поездок. Естественно, когда пространство интересует путешественника не как расстояние между двумя пунктами, а само по себе, тогда начинают возникать и особые маршруты. Уже Ф. Н. Глинка выбирает маршрут, которые можно без преувеличения назвать экзотическим: по суше из Смоленской губернии в Тверскую до Ржева, а потом водой по Волге от Ржева до Твери. К сожалению, этот план не вполне удался по внешним обстоятельствам, и последнюю часть пути после Старицы до Твери путешественники совершили также по суше. Столь же оригинальны и другие путешествия, сочетавшие водную и сухопутную дороги по Волге и вдоль Волги, поскольку комбинаций здесь могло быть бесчисленное множество. Так, например, А. Т. Болотов ехал от Талдома и Кимр в Кашин, а А. М. Петропавловский совершил поездку из Твери в Кашин и обратно.

Ту же самую тенденцию мы видим и в ученых путешествиях. Например, М. П. Погодин изъездил северо-восток Тверской губернии в поисках места сражения русских с монголо-татарами на реке Сити. А исследовавший верховья Волги А. Н. Островский, помимо вполне традиционных дорог, выбрал редкий маршрут из Осташкова в Ржев. Но самым оригинальным путешественником был И. Белов (1848).¹¹⁸ За отсутствием биографических материалов мы не можем определить причины его очень сложного по маршруту и весьма длительного путешествия. Его травелог нельзя назвать ни познавательным путешествием, ни развлекательной, или каникулярной, прогулкой, поскольку места, по которым пролегал его путь, были

¹¹⁵ Тверь 2. С. 23—65.

¹¹⁶ Тверь 2. С. 279—302.

¹¹⁷ Тверь 1. С. 350—415.

¹¹⁸ Тверь 1. С. 288—349.

частью малодоступны, а частью и малоинтересны, во всяком случае Белов не стремится подчеркнуть привлекательность тех сельских местностей, которые он описывает. Смысл его описания поездки во многом не ясен. Но нельзя не восхищаться упорством этого путешественника, который проехал в таких местах, где и современный путешественник не проедет и не пройдет.

С этой переменной точки зрения иное значение приобретают и маршруты. Первый традиционный путь через Тверские земли был, как мы помним, водным и соединял Новгород и низовские города; на пути неизбежно стояли Вышний Волочек, Выдропужск, Торжок, Медное и Тверь. Позднее сформировался тот сухопутный путь, который сохранился до сих пор и является наиболее традиционным; на этом пути находятся всё те же города и вся та же культурно-историческая атмосфера. Разница между описаниями водной и сухопутной дорог состояла, таким образом, не в объектах наблюдения, а в ракурсе взгляда и в точке зрения на эти объекты. В одном случае путешественник смотрел с воды на сушу, на берег, то есть снизу вверх; в другом же случае путешественник смотрел с суши на воду, то есть сверху вниз. Ясно, что для водного путешественника стоящие на берегах реки церкви кажутся выше и величественнее, и оцениваются они именно по причине своего внешне привлекательного вида. Сухопутный путешественник смотрит, как мы сказали, на воду и на другой берег, и его видение обусловлено далекой перспективой и панорамностью картины. То есть в данном случае точка зрения — это буквально физическая точка зрения на описываемый объект.

Но потом начинаются иные перемены. В эпоху гужевого транспорта путешественник выбирал водный путь лишь в том случае, когда ехал не из Москвы в Петербург или когда иного пути просто не было. Следует заметить, что проезд по воде требовал и достаточного количества свободного времени. А в эпоху железнодорожного транспорта и пароходного сообщения, с середины XIX в., водные пути стали использоваться по преимуществу для рекреационных целей. Точка зрения определялась теперь не столько физическим положением наблюдателя, сколько его целевой установкой. В путешествии по Волге акцентируется внешняя привлекательность, неожиданность впечатлений и легкая доступность таких мест, которые ранее казались недостижимыми. Именно для этого и создаются рассчитанные на широкого читателя и обширно иллюстрированные путеводители А. П. и Н. П. Боголюбовых (1862), В. М. Сидорова (1894), Г. П. Демьянова (1898), А. Бесчинского (1903), Г. Г. Москвича (1905), В. А. Гиляровского (1908) и научное исследование В. И. Рагозина (1880).¹¹⁹

¹¹⁹ Волга от Твери до Астрахани / А. П. Боголюбов, Н. П. Боголюбов; Общество «Самолет». СПб.: Тип. Гогенфельда и К^о, 1862; Сидоров В. М. По России. Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. СПб.: Тип. А. Катанского, 1894; Демьянов Г. П. Иллюстрированный путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани. Н.

Активизация внимания к внутренним землям была вызвана, очевидно, всё той же технической модернизацией. Создание железнодорожной магистрали между Петербургом и Москвой привело к сокращению пространства: отпала необходимость останавливаться на каждой станции, тем более на длительное время. Торжок, ключевая фигура водных и гужевых путешествий, вообще выпал из дорожников, так как железная дорога прошла мимо него. Вышний Волочек и Тверь сократились как шагреневая кожа. Между двумя столицами четко обозначилась черная дыра провинции, которая вновь быстро превратилась в «землю незнаемую». И на этом фоне возникло познавательное любопытство, близкое к современному. Так в начале XX в. появилась книжная серия «Культурные сокровища России», в которой Тверскому краю посвящена уже упоминавшаяся нами книга Ю. И. и З. И. Шамуриных (1913). Само название серии говорит о понимании русской провинции как самоценного мира, к которому неприменимы унифицированные столичные мерки. Такой подход соответствовал другим процессам в изучении пространства культурной жизни России, в первую очередь усадебному буму конца XIX — первой трети XX в., но также интерес к гениям места, к провинциальной жизни и проч.

Специфической филиацией «прогулок по губерниям» стали культуртрегерские экскурсии, которые охватили самые разные слои населения, но особое методическое звучание они получили в школьной среде. Так, в частности, на рубеже XIX—XX вв. практикующие педагоги Тверского края С. А. Рачинский, Е. П. Свешникова, П. П. Чернышев¹²⁰ активно используют в своей образовательной деятельности форму учебной экскурсии.¹²¹

Культуртрегерские экскурсии стали наиболее полной реализацией путешествий, которые видели своей целью собственно Тверской край. Именно в этих экскурсиях воплотился живой, непосредственный интерес к внутренним землям России, именно в них внутренние земли были окончательно осмыслены как предмет внимания и изучения.

Новгород: тип. Губерн. правления, 1898; *Бесчинский А.* Путеводитель по Волге. М.: Тво Кушнерев и К°, 1903; *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Изд. 4-е. Одесса: тип. Л. Нитче, 1905; *Гиляровский В. А.* Волга: Путеводитель по городам России. М.: АСТ Москва, 2009; *Рагозин В.* Волга. СПб.: тип. К. Ратгер, 1880.

¹²⁰ *Рачинский С. А.* Школьный поход в Нилову пустынь. 1887 / подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е. А. Чистяковой // В зеркале путешествий. С. 261—304; Отчет Общества попечения о нуждах учившихся и обучающихся воспитанниц женской земской учительской школы им. П. П. Максимовича с его основания по 1 марта 1911 года. Тверь: тип. Губ. земства, 1911; Отчет Общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1913—1914 г. Экскурсия к истокам Волги под руководством директора гимназии П. П. Чернышева. Тверь: типолит. М. В. Блинова, 1914; Отчет Общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1915—1916 г. Экскурсия в село Кушалино и по Волге до села Кузнецова под руководством директора гимназии П. П. Чернышева. Тверь: типолит. М. В. Блинова, 1917.

¹²¹ См. прим. 23.

Глава 3

«Дух ландшафта»: русская культура в системе пространственных измерений

Тверской локальный текст как знаковая система включает описания локальных текстов находящихся в Тверском крае населенных пунктов и локальный текст дороги. Главной для Тверского края магистралью, наряду с Великим волжским путем, является Петербургско-Московский тракт. Его образ широко запечатлен в тверских травелогах, под которыми мы имеем в виду тексты, материалом которых послужил Тверской край в современных административных границах. Этим маршрутом в петровское время проследовали через Тверской край датские дипломаты Ю. Юль и Р. Эребо (1709), ганноверский резидент Ф. Х. Вебер (1716, 1718) и голштейнский дворянин Ф.-В. Берхгольц (1721, 1723, 1724), о чем свидетельствуют их путевые записки.¹²² В екатерининскую эпоху этот же путь описали в своих научных дневниках ученые И. П. Фальк, П. С. Паллас и С. Г. Гмелин (1768).¹²³ Сама Екатерина II неоднократно пользовалась этим маршрутом: в 1767 г. она предприняла поездку из Петербурга в Тверь, откуда началось ее большое путешествие по Волге; в 1785 г. пересекла Тверскую губернию с посещением Вышневолоцких шлюзов по дороге в Москву, а в 1787 г. этой же дорогой возвращалась в Петербург из своего знаменитого «путешествия в полуденный край России». В связи с последним событием был специально издан путеводитель «Путешествие ее императорского величества в полуденный край России, предприимлемое в 1787 году»,¹²⁴ о нем же повествуют записки в дневниках секретаря императрицы А. В. Храповицкого.¹²⁵

Материалом нашего исследования служат путешествия, запечатленные в путеводителях И. Ф. Глушкова¹²⁶ и А. О. Ишимовой.¹²⁷ Оба автора отразили тверской текст в составе локального текста Петербургско-Московского тракта, но в разное время: Глушков — в конце 1790-х гг. (первое издание книги вышло в 1801), подводя итоги преобразованиям Екатерины II; Ишимова — в 1840-е гг., почти полвека спустя, незадолго до открытия

¹²² Тверь 1. С. 42—64.

¹²³ *Фальк И. П.* Записки путешествия от Санкт-Петербурга до Томска. С. 6—8; *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. С. 14—19; *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. С. 16—26.

¹²⁴ Тверь 1. С. 134—138. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы и буквы Е (за исключением фрагментов, не вошедших в Тверь 1).

¹²⁵ Тверь 1. С. 129—134. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы и буквы Х.

¹²⁶ Тверь 1. С. 145—170. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы и буквы Г.

¹²⁷ Тверь 1. С. 263—281. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы и буквы И.

железнодорожного сообщения между столицами. Цель нашего сопоставления — выявить приоритеты авторов путеводителей как внешних по отношению к тверскому тексту наблюдателей, охарактеризовать способы отражения ими тверских реалий и уяснить особенности реконструируемого ими отношения столичных читателей-путешественников к провинциальному локальному тексту как предмету геокультурного паломничества, артефакту.

1. Тверской край в «Путешествии Екатерины II» (1787)

Путешествие Екатерины II, предпринятое в 1787 г. как обозрение материальных и духовных ресурсов Российской империи и описанное в книге «Путешествие ее императорского величества в полуденный край России» (1786), неоднократно становилось предметом описания в сочинениях отечественных и зарубежных историков. В конце XVIII в. оно явилось темой записок участников вояжа секретаря императрицы А. В. Храповицкого и французского посланника Л.-Ф. Сегюра,¹²⁸ составленных по свежим впечатлениям от поездки. Автором путеводителя является предположительно Карл Иванович Габлиц (1752—1821), естествоиспытатель, ботаник, путешественник, участник экспедиции Гмелина (1768—1773), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1776), вице-губернатор Крыма (1783—1802), автор первой монографии о природе Крыма «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы» (1785).¹²⁹ Следует учитывать, что описание маршрута в «Путешествии...» предшествовало самой поездке, это именно рекламный путеводитель, а не записи реальных впечатлений.

В XIX в. наблюдения и заметки разных авторов относительно представительского вояжа Екатерины II были обобщены А. Г. Брикнером¹³⁰ и Г. В. Есиповым.¹³¹ Исследователи более позднего времени в основном оперировали материалами, собранными А. Г. Брикнером и Г. В. Есиповым, и, как правило, не выходили за рамки сложившегося в их трудах собственно исторического метода. При этом внимание концентрировалось на факте

¹²⁸ Тверь 1. С. 107—112, 129—138.

¹²⁹ Об авторстве «Путешествия...» со ссылкой на исследования Вл. Широкова см.: Открыватели земли крымской: В. Ф. Зуев, К. И. Габлиц, П. И. Кеппен // Центральный музей Тавриды [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tavrida.museum.crimea.ua/library.html>. Дата обращения: 12.07.2013. Загл. с экрана.

¹³⁰ Брикнер А. Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым // Исторический вестник. 1885. Т. 21. С. 5—23, 242—264, 444—509; Брикнер А. Г. Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России в 1787 году // Журнал Министерства народного просвещения: спец. оттиск. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1872.

¹³¹ Есипов Г. В. Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1891. Т. XXXII. С. 98—118; Т. XXXIII. С. 215—231, 402—421.

посещения Екатериной II южных губерний России, которое представлялось главной и чуть ли не единственной целью путешествия; поездка же императрицы по западным и центральным губерниям фактически не была ни проанализирована, ни даже описана.

В результате выборочного подхода к материалу историческое значение путешествия Екатерины по просторам империи оказалось сниженным, а социокультурное содержание этого путешествия — искаженным. А между тем в культурной истории Европы путешествие Екатерины стало акцией, беспрецедентной по географической широте, по числу участников, по стоимости и времени нахождения в пути. Предпринятая со 2 января по 11 июля 1787 г., поездка длилась в итоге более полугода. Маршрут путешествия был следующим: Луга — Великие Луки — Смоленск — Новгород-Северский — Чернигов — Киев — Екатеринослав — Херсон — Перекоп — Бахчисарай — Севастополь — Ак-Мечеть — Карасубазар — Судак — Старый Крым — Феодосия — Геничи — Мариуполь — Таганрог — Нахичевань-на-Дону — Черкасск — Азов — Бахмут — Белгород — Обоянь — Курск — Орел — Мценск — Тула — Серпухов — Москва — Клин — Тверь — Торжок — Вышний Волочек — Новгород — Санкт-Петербург; всего на 5657 верст, в том числе 446 по воде.¹³² Екатерину II сопровождали придворные, представители иностранных дипломатических миссий, которые были приглашены в путешествие, и прислуга. На границе каждой губернии кортеж встречал и провожал до границы следующей губернии губернатор и чиновники. На каждой станции царский поезд ожидало от 500 до 600 свежих лошадей.¹³³

Представленные в «Путешествии...» материалы, касающиеся посещения Екатериной II самых разных российских городов и провинций, требуют специального изучения и в связи с современными процессами регионализации России. Сегодня мы становимся свидетелями преобразования социокультурного пространства России из монокультурного в поликультурное, гетерогенное. Этот процесс основан на внимании к уникальности и самобытности составляющих страну регионов и их истории. Регионы становятся объектом пристального внимания исследователей разных специальностей: экономисты занимаются хозяйственно-экономической спецификой региона, географы — административно-территориальной, краеведы — историко-культурной, культурологи — культурно-цивилизационной и т. д. Однако литературные образы регионов на сегодня практически не исследованы.

Книга «Путешествие ее императорского величества...» представляет собой оригинальный путеводитель, изданный специально для участников путешествия Екатерины II. В предисловии отмечается цель книги: «Всех

¹³² Брикнер А. Г. Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России в 1787 году. С. 2—3.

¹³³ Там же. С. 7—8.

городов, знаменитых рек, местечек и достойных замечания урочищ, через путешествие сие последовать имеет, предполагается здесь географическое и историческое краткое описание».¹³⁴ Таким образом, описания представителю вояжа Екатерины по России, представленные в «Путешествии...», дают богатейшие социокультурные и этнографические материалы для исследования литературных образов российских регионов. Это касается и литературного образа Тверского края.

Маршрут путешествия Екатерины и ее свиты, возвращавшихся из «полуденных краев» России в Санкт-Петербург, проходил через Тверь, Торжок и Вышний Волочек. Эти города и описаны в «Путешествии...».

Описание Твери открывается общим очерком города, включающим и его градостроительную характеристику: «Главный город Тверского наместничества в 566 верстах от Санкт-Петербурга, стоит при реке Волге, при впадении в нее с левой стороны реки Тверцы; а с правой Тьмаки. Расположен он по ровному и красивому месту, в длину простираясь на 4, а поперек на 2 версты, и разделяется омывающими его реками на четыре части: Городовую, Затьмацкую, Заволжскую и Затверецкую, из коих первая заключает в себе крепость, из земляного вала состоящую, и наилучшее строение» (Е., с. 134).

Приведенная далее статистика позволяет читателю реконструировать в своем воображении образ Твери конца XVIII в.: город «регулярно выстроен и по большому числу каменных домов, может похвастаться из лучших российских городов. Сверх двух монастырей и 39 церквей, из коих две только деревянные, находятся в нем: Императорский дворец, губернаторский, вице-губернаторский, архиерейский и комендантский дома, семинария, гостиный двор, дворянское училище, градская школа, сиротский дом и множество каменных домов, частным людям принадлежащих» (Е., с. 134—135).

Справка об истории возникновения города сопровождается описанием его современной жизни, занятий и промыслов: «Купечество сего города весьма зажиточно. Главный торг их состоит в закупке пеньки и хлеба в низовых и украинских городах, которой они отправляют водой на барках к Санкт-Петербургскому порту; а притом в самом городе торгуют разными товарами» (Е., с. 136). Главная мысль этого описания — включенность Твери в экономическую и социокультурную жизнь России — чрезвычайно важна для XVIII в. Еще более важным аргументом участия жителей Твери в социально-экономической жизни империи становится указание на великий волжский путь, который берет свое начало в Тверской губернии: «Протекающая под сим городом река Волга есть наивеличайшая по всей России. В древние времена называлась она Ра, а от татар Идел, что вообще значит большую и богатую реку, какова и в самом деле она есть в рассуждении от-

¹³⁴ Путешествие ее императорского величества <Екатерины II> в полуденный край России, предприимлемое в 1787 году. СПб.: тип. Горного училища, 1786. С. 2.

правляемого по ней водоходства и доставления сюда из отдаленнейших мест российских произведений. Она вытекает в Тверском наместничестве из-под деревни Волгино Верховье и впадает под Астраханью более нежели 60 устьями в Каспийское море. Течение ее даже до впадения в нее реки Камы простирается на востоке, а оттоле до устья склоняется к югу. Всей же долготы ее по разным излучинам будет более 4 000 верст» (Е., с. 136). Собственно целью путешествия Екатерины и было установление или активизация подобных связей между российскими провинциями, поэтому подтверждение их активного функционирования исторически важно.

В описании градостроительного решения Торжка большее внимание уделено историческому образу города, утраченному им ко времени создания книги. О Торжке говорится следующее: «Окружный город Тверского наместничества, в расстоянии 63 верст от Твери; стоит на реке Тверце, коей он и ручьем Здоровцом разделяется на три части: на Градскую, Борисоглебскую и Затверскую. Расположен по гористому и возвышенному месту и в древние времена укреплен был земляным валом, а на нем построена была каменная стена с башнями, которых развалины и поныне видны» (Е., с. 136).

Как и в случае с описанием Твери, составитель «Путешествия...» К. И. Габлиц отдает дань вкладу императрицы в строительство и возрождение из пепла обоих городов после постигших их грандиозных пожаров. Современная путешественникам статистика уездного Торжка такова, что он может быть поставлен в один ряд с некоторыми губернскими городами России: «Наилучшим из его строений почитается гостиный двор, в коем 111 лавок каменных. Сверх сего находятся в нем: два монастыря, мужеской называемый Борисоглебским, в коем учреждена школа для обучения священно- и церковнослужительских детей, и другой женский; соборная церковь, примечательная своей древностью, построенная в 1364 году; 23 приходские и градская школа для купеческих и мещанских детей» (Е., с. 136—137). Примечательно, что помимо культовых строений и помещений для торговли в обоих списках упоминаются учебные и благотворительные заведения: училища, школы и детские приюты.

Повествование об истории Торжка более развернуто, нежели краткая справка из истории Твери, что свидетельствует и об общем интересе к истории этого города: «Когда и кем город сей <Торжок> основан хотя точно определить и невозможно, однако древность его утверждается достоверным происшествием, ибо основатель Борисоглебского монастыря, в сем городе находящегося, преподобный отец Ефрем жил в начале XI века при князьях российских Борисе и Глебе, по убиении которых пришел он в Торжок, бывший и тогда уже многолюдным, и основал сей монастырь, архимандритом в нем поставлен. Торжок, состоя во владении новгородцев, был пограничным их городом и от них отдаван был разным князьям. Во времена же военные первой по смежности подвергался опасности и был осаждаем и

разоряем не только от них, но от литвы и татар, а особливо в 1238 от Батые, который, по двунедельной осаде взяв его, велел всех жителей истребить. Наконец вместе с новгородцами в 1478 году великим князем Иоанном Васильевичем покорен Российской державе и был управляем царскими наместниками» (Е., с. 137). Эта пространная историческая справка объясняется тем, что история богатого Торжка, стоявшего на важнейших торговых путях и потому бывшего всегда предметом зависти и вожделения соседей, оказывалась неразрывно связанной с историей Российской державы в целом.

История Вышнего Волочка, который еще недавно был ямом, в описании К. И. Габлица не так величественна и богата событиями. Однако и он чрезвычайно важен для империи своими историческими связями с российскими городами: «Окружный город Тверского наместничества лежит во 126 верстах от Твери при реке Цне. Место сие учреждено городом в 1772 году из прежде бывшего Вышневолоцкого яму. Наименование свое получил он оттого, что до сделания Тверецкого шлюза и канала привозимые по Тверце-реке мелкими судами и полубарками товары от пустыни Николы Столпа перевозились сухим путем и, по нагрузке в Вышнем Волочке на пригоняемые по реке Цне суда, осташевками называемые, отправлялись уже далее водой, во отвращение чего сделан канал, по имени сего города Вышневолоцким именуемый, по которому все барки, с Волги по Тверце идущие в Цну-реку, пропускаются беспрепятственно» (Е., с. 137—138).

Именно эти торгово-экономические связи и стали, по справедливому мнению составителей книги, основой для современного процветания города: «Купечество сего города богато, и некоторые из них торгуют хлебом, салом и пенькою, и хотя число в нем живущих и не весьма велико, но летом наполнен он бывает иногородними купцами и работниками, проходящими на барках к Санкт-Петербургскому порту» (Е., с. 138).

Описания, сделанные составителем «Путешествия...» для пополнения сведений высокопоставленных путешественников о посещаемых ими городах, вынужденно статичны. Другими они и не могли быть в книге 1780-х гг., когда жанр путеводителя еще только зарождался в отечественной литературе. Как известно, первый занимательный путеводитель по городам империи — «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова — вышел лишь в 1801 г. Однако статичные описания успешно дополняются заметками из «Журнала...» А. В. Храповицкого.

Так, А. В. Храповицкий подробно повествует о торжественной встрече Екатерины и ее свиты представителями Тверского наместничества на границе Московской и Тверской губерний: «В 8 верстах от Завидова, при реке Шоше, разделяющей губернию Московскую и наместничество Тверское, получил отпуск московский губернатор, генерал-майор Лопухин, и встретили всемилолюбивейшую государыню правящий должность гене-

рал-губернатора новгородского и тверского генерал-поручик Архаров, правитель Тверского наместничества генерал-майор Осипов и губернский предводитель дворянства бригадир Карабанов с уездными предводителями и тверскими дворянами» (X, с. 130). Не менее живописно изображает Храповицкий встречу императрицы с широкими массами жителей Твери: «При приближении к губернскому городу начался при церквах колокольный звон и пальба из пушек, на валу поставленных; у ворот Триумфальных стояли присутствующие губернского и городского магистрата, городской глава с купечеством и цеховые по сторонам дороги с значками их управ; у дома, училищами занимаемого, были дворянские питомцы и ученики народного училища при их учителях. Пред собором Преображения Господня вышли на встречу вице-губернатор статский советник Лазарев, все чиновники правления, палат и прочих судов. Тут преосвященный Иосаф, архиепископ Тверской и Кашинский, препровождая ее величество в церковь и отправя молебствие, говорил речь с изъяснением истинной приверженности подданных к монархине, ознаменовавшей великими делами двадцатипятилетнее царствование свое» (X, с. 130—131).

Интересно, что, по замыслу составителей и издателей «Путешествия...», подобные заметки должны были стать органической частью этой книги. Именно для них на каждом развороте имелась специальная чистая страница, где спутник императрицы мог записывать свои наблюдения.

Таким образом, текст «Путешествия...» вкуче с дополняющими его материалами «Журнала...» А. В. Храповицкого, а также других дневников, путевых записок и «заметок на полях», сделанных участниками путешествия, позволяет реконструировать образ Тверского края конца XVIII в. Само же «Путешествие Екатерины II в полуденный край России» стало прецедентным текстом жанра дорожника, специально посвященного представительскому вояжу. Развитием этого жанра в дальнейшем стал «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова, впервые изданный в связи с коронацией Александра I и посвященный супруге государя Елизавете Алексеевне.

2. «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова как феномен русского травелога рубежа XVIII—XIX веков

Книге И. Ф. Глушкова «Ручной дорожник» (1801) более двухсот лет. Она была чрезвычайно популярна в свое время, вышла в свет несколькими изданиями; и если теперь ее нельзя назвать забытым текстом, то, во всяком случае в полном объеме, она по-прежнему относится к недоступным читателю текстам. Исследователи последних десятилетий хотя и отмечали уникальность «Ручного дорожника», но обращались к нему лишь от случая к случаю и в связи с особыми задачами, не связанными непосредственно с самой книгой. Материалы книги Глушкова использовались для уяснения

идейно-художественной специфики современного ей «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, для иллюстрирования этнографических очерков русского быта конца XVIII — начала XIX в., для публицистических очерков справочного характера.¹³⁵ В обязательном порядке «Ручной дорожник» использовался в музейной практике. Однако как таковая книга Глушкова так и не была проанализирована. В самое недавнее время благодаря републикации тверской части «Ручного дорожника» (Г., 145—170) интерес к книге и ее автору повысился,¹³⁶ но специальных научных работ, посвященных книге Глушкова, по-прежнему нет.

Между тем изучение «Ручного дорожника» Глушкова представляется чрезвычайно перспективным и продуктивным в нескольких аспектах, в числе которых — пространствоведческие, темпоральные, социальные, телеологические. Они и определяют основные направления представленного далее анализа книги.

Для начала нам необходимо уяснить, в чем состоит идейно-художественная уникальность и функциональная значимость «Ручного дорожника». Решение этой задачи требует реконструкции социокультурного и литературного контекста, в котором он появился.

Прямыми жанровыми предшественниками книги Глушкова были русские почтовые дорожники, которые появились вследствие организации почтовой связи в России, в функции которой входило в то время не только — как сейчас — пересылка почтовых отправок, но и — в первую очередь — обеспечение транспортом и контроль над проезжающими. Одним из первых русских дорожников был «Всеобщий и совершенный гонец» В. Г. Рубана (1791).¹³⁷ Этот справочник содержал в себе статистические сведения о губерниях и областях Российской империи и Европы и о соеди-

¹³⁵ Милов Л. В. «Дорожник» Ивана Глушкова: К вопросу о прижизненном отклике на «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Русская литература. 1980. № 3. С. 150—160; *он же*. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОСПЭН, 1998. Очерк десятый «Забываемая одежда наших предков»; Грибков-Майский В. От дорожника к путеводителю // Тверская жизнь. 2010. 15 февр.; *он же*. Тверские вице-губернаторы: плеяда литераторов // Реноме. Тверской регион. 2010. Апрель; *он же*. Пиши на двери, публикуй в Твери: О тверских вице-губернаторах-литераторах // НГ ExLibris. 2010. 13 мая и др.

¹³⁶ Милюгина Е. Г. «Каникулы 1844 года» А. И. Ишимовой и «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова: из истории формирования русской детской литературы путешествий // Детская литература. 2012. Вып. 8. С. 209—216; Григорьева О. А., Строганов М. В. Достоверно ли путешествие как документальный жанр? И. Ф. Глушков и А. О. Ишимова // В зеркале путешествий. С. 14—32; Милюгина Е. Г., Григорьева О. А. Тверская земля в путеводителях конца XVIII — первой половины XIX века: локальный текст, провинциальный текст // В зеркале путешествий. С. 33—48.

¹³⁷ Рубан В. Г. Всеобщий и совершенный гонец и путеводитель, или Полный повсеместный российский и повсюдный европейский дорожник, исправно и верно показующий по нынешнему разделению на губернии и области всей Российской империи и прочих европейских держав почтовые пути... СПб.: ижд. В. Сопикова, 1791.

нявших их почтовых дорогах, о длине и стоимости почтовых и курьерских прогонов и многие другие данные. Более подробным и сугубо отечественным по материалу был вышедший позже «Краткий российский дорожник» (1808),¹³⁸ который и основал традицию издания дорожных статистических справочников. За этим дорожником последовали «Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи, царства Польского и других присоединенных областей» (1829), «Почтовый дорожник Российской империи с приложением нумерной карты» (1875) и др.

На этом фоне «Ручной дорожник» Глушкова выглядит совершенно исключительным явлением. Его жанрово-композиционная форма, безусловно, ориентирована на «Всеобщего гонца» Рубана: в нем так же дан перечень городов и станций с указанием расстояния между ними, а сверх того приведены характеристики географических и демографических особенностей пересекаемой местности и качества ее дорог. При всём этом «Ручной дорожник» Глушкова никоим образом не повлиял на последующие издания русских дорожников-справочников и положил начало совершенно иной традиции.

Еще одним жанровым источником книги Глушкова стали историко-топографические путеводители по городам России. Они возникли в русской книгоиздательской практике последней четверти XVIII в. как выражение общей тенденции к осмыслению современного материала в исторической перспективе. В первую очередь это были справочники по древней и новой столицам России: «Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга...» и «Описание императорского столичного города Москвы» В. Г. Рубана,¹³⁹ «Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским» Л. Максимовича,¹⁴⁰ «Историческое и географическое описание первопрестольного града Москвы»¹⁴¹ и целый ряд других. Все эти издания были адресованы самому широкому читателю, они носили информационный характер и сводились в основном к перечню улиц, мостов, ворот, башен, соборов, обывательских домов, лавок, слобод и иных объектов. Но благодаря археологическим и этнографическим изысканиям эпохи текст подобных путеводителей по мере развития жанра на-

¹³⁸ Краткий российский дорожник, означающий алфавитным порядком имена всех городов, находящихся в Российской империи, с показанием расстояния губернских городов от обеих столиц, а прочих от губернских городов... СПб.: Тип. Ив. Глазунова, 1808.

¹³⁹ Рубан В. Г. Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга от начала заведения его с 1703 г. по 1751 год... СПб.: Санкт-Петерб. Вольное экономич. общество, 1779; он же. Описание императорского столичного города Москвы. СПб.: Тип. Ч. Ф. Клеэна, 1782.

¹⁴⁰ Максимович Л. М. Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. М.: тип. В. Огорокова, 1792.

¹⁴¹ Историческое и географическое описание первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частных его планов. М.: тип. С. Селивановского, 1796.

сыщался историческими экскурсами, местными легендами, описаниями сцен народного быта, а нередко сопровождался и графическими иллюстрациями. В результате городской путеводитель постепенно превращался в познавательную книгу, среди прочего включавшую и сведения по истории национальной культуры и искусства. В Тверской губернии таковыми были «Исторические известия Тверского княжества» (1775) и «Исторические известия о городах Тверской губернии» (1778) первого тверского историка Д. И. Карманова.¹⁴²

Глушков в «Ручном дорожнике» одним из первых в российской книгоиздательской практике решил совместить воедино оба жанра — дорожник и городской путеводитель. Жанр дорожника определил композицию книги. Перечень городов и станций по маршруту движения стал оглавлением текста, а сами главки превратились в развернутые монографические повествования, причем каждое из них стало самостоятельным путеводителем по тому или иному городу, расположенному на почтовом тракте между Санкт-Петербургом и Москвой. В таком построении книги отчетливо проявилась новизна ее замысла. В путеводителе Глушкова предметом описания стали не только (и не столько) Петербург и Москва, как это было в справочниках В. Г. Рубана, Л. М. Максимовича и других авторов, но также (и в первую очередь) губернские и уездные города и ямские села, расположенные на тракте между столицами.

Прецедентным текстом в этом плане и, очевидно, главным ориентиром для Глушкова при выборе композиции повествования стала уже упоминавшая нами книга «Путешествие Екатерины II в полуденный край России» (Е., с. 134—138). Такой вывод неизбежно следует при сопоставлении целевых установок обеих книг. Как известно, путеводитель Глушкова был издан в связи с коронацией Александра I. Он был посвящен супруге Александра I Елизавете Алексеевне, которая должна была совершить поездку из Санкт-Петербурга в Москву на эту церемонию, и потому вполне справедливо трактуется как книга, предназначенная для знакомства новой царицы со страной.¹⁴³ На самом деле, вояж Екатерины II имел представительский характер, и потому назначение «Путешествия в полуденный край России» сводилось к обозрению державы и представлению царице материальных и человеческих ресурсов империи.¹⁴⁴ «Ручной дорожник» создан в иное время, после литературных путешествий А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина. Да и Елизавета Алексеевна была мало похожа на Великую Екатерину. Книга Глушкова неизбежно учитывает сентиментальный опыт эпохи

¹⁴² См.: Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края / подгот. к изд. ... Владимир Колосов. Тверь: тип. Губ. правления, 1893.

¹⁴³ Милов Л. В. «Дорожник» Ивана Глушкова: К вопросу о прижизненном отклике на «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

¹⁴⁴ Милюгина Е. Г. Образ Тверского края в «Путешествии Екатерины II в полуденный край России в 1787 году». С.158—163.

в выборе типа повествователя, манеры изложения материала, форм общения с читателем. Вследствие этого путешествие, описанное в «Ручном дорожнике», стало более камерным по масштабу и приобрело скорее частный, нежели официальный характер.

Существует давняя традиция сравнивать травелог Глушкова и сентиментальное путешествие Радищева. В русле этой традиции сделаем несколько замечаний. Радищев при создании «Путешествия из Петербурга в Москву» косвенно учел все названные выше жанры, но ни один из них не стал определяющим для его сочинения. Структурно «Путешествие» Радищева похоже на дорожник, но оно лишь имитирует дорожную книгу; содержательно ассоциируясь с «Путешествием Екатерины II», оно противопоставлено вояжу императрицы даже по направлению движения. Акцент в сочинении Радищева сделан на путешествии не в физическом, а в ментальном пространстве. Именно поэтому названия городов и сел, знакомые всем путешествовавшим по петербургско-московскому тракту, размечают новый, незнакомый им мир чувств и идей автора, а почтовые перегоны от одной станции до другой оказываются ступенями развития его идейного замысла. Свой маршрут Радищев мог разместить и в других долготах и широтах и разметить иначе, однако намерение раскрыть взаимоотношения народа и власти неизбежно привязывало его к образам столиц, поскольку они метонимически представляют монархию и монарха.

В связи с этим несправедливо говорить, «Ручной дорожник» уникален только лишь потому, что он был первым прижизненным откликом на «Путешествие» Радищева.¹⁴⁵ Книга Глушкова обладает огромной самостоятельной культурно-исторической ценностью, поскольку это был первый отечественный путеводитель по городам петербургско-московского почтового тракта, написанный для частных лиц, путешествующих не по казенной надобности, а по своей свободной воле.

В пространствоведческом отношении «Ручной дорожник» Глушкова интересен исследователям Тверского края самых разных научных профессий прежде всего потому, что значительная его часть посвящена Тверской губернии. В справочник вошли описания всех городов Тверской губернии, расположенных на тракте: Вышний Волочек, Торжок и Тверь, а также характеристики ямов и селений, где располагались почтовые станции: Выдропужск, Медное, Воскресенское, Завидово. Главные города маршрута были представлены и на гравюрах работы С. Ф. Галактионова, выполненных специально для второго издания книги.¹⁴⁶ Путеводитель получал иллюстрации, и это было еще одно новшество для своего времени, которое открывало дорогу будущим фотопутеводителям.

¹⁴⁵ Милов Л. В. «Дорожник» Ивана Глушкова: К вопросу о прижизненном отклике на «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

¹⁴⁶ Тверь 1. С. 153, 214, 243.

Подробно описывая каждый город, Глушков обращает внимание читателя на его градостроительные решения, архитектурные памятники, уникальные инженерно-технические сооружения и тому подобное. Находя в каждом населенном пункте нечто удивительное и необычное, Глушков делает это предметом особого интереса, меняя ракурсы изображения и эмоциональную окраску рассказа, а порой и передоверяя повествование разным субъектам речи.

Так, описание Вышнего Волочка открывается общим очерком города: «Проезжий сперва рассматривает здесь в близости дороги построенный из дикого камня с двумя беседками *Цнинский шлюз*, потом отдает справедливость двум площадям, украшенным каменными строениями. Первую окружают императорский дворец, ассигнационный банк и дома господские, а вторую в два этажа и с аркадами внизу — обывательские; потом примечаются каменные же: соборная церковь, другая строящаяся щедротою блаженной и вечнодостойной памяти императора Павла I, гостиный двор, присутственные места, магистрат, городнический дом...» (Г., с. 146—147). Перебирая детали, перечисляя строения, автор рисует типичный образ провинциального уездного города с его четким сословным делением на «господскую» и «простонародную» части, к которым традиционно примыкают рынок, храм и магистрат.

На фоне традиционной градостроительной схемы ярко выделены достопримечательности, наличие которых делает Вышний Волочек незаурядным и неповторимым. Одна из них — деревянный мост через Тверецкий канал: «Сей мост, называемый *Тверецкий*, весьма удивительно составлен из спирающихся один в другой брусьев и без всяких подпор висит над широким каналом так высоко, что нагруженные пенькою барки свободно под него подходят, для прочности же обшит он досками и покрыт кровлею, под которою находящаяся галерея служит тамошним лоцманам изрядною биржевою залою, где купцы заключают с ними условия о сгонке своих караванов» (Г., с. 147—148). Тверецкий мост как характерная деталь во внешнем облике Вышнего Волочка в «Путешествии Екатерины II» еще не назван; у Глушкова он появляется впервые, и с тех пор уже не сходит со страниц травелогов.

Шлюз и бейшлот, лишь упомянутые в «Путешествии», описаны здесь подробно, причем не только как часть вышневолоцкой водной системы, но и как существенный фактор городской жизни. Спуск лодок по воде в описании Глушкова напоминает городской праздник: «Нигде не бывает подобного хаоса и деятельности, как здесь в день спуска. На рассвете оно-го дня, как для известия о спуске ударят в барабан и выставят флаг, всё мгновенно приходит в движение: рабочие садятся в свои места, лоцманы изготовляют снасти, купцы делают расчеты, запасаются поспешно надобностями, все суетится, все шумит, везде работа, везде гул раздается — немного, и другая картина! — лишь обыграется спущенной воды вал и

пройдет благополучно первая барка, то все стоящие на своих местах лодчаны с рабочими людьми молятся и призывают „*Бога в помощь, а Николу в путь*“ — потом на барке, назначенной к отвалу, ударяют сильно в потеси, весьма искусно спускаются в шлюзные ворота и на быстром бегу воспевают радостные песни» (Г., с. 149—150). Благодаря этой зарисовке Вышний Волочек остается в памяти читателя как город «водных рабочих».

Если очерк Вышнего Волочка выполнен в достаточно сдержанных тонах, то описание Торжка сделано подчеркнуто эмоциональным, и здесь Глушков уверенно и смело руководит взглядом читателя: «Ежели стать у дворца в Затверецкой части, на высокой горе построенного, то каждая улица и дом видны будут в особенности. Множество церквей, гостиный двор, площади, большие и малые преспекты, набережная, на уступах стоящие слободки, сады и движущийся народ в приятнейшем разнообразии вдруг представляются: вот обширная торговая площадь, окруженная каменными, преизрядной архитектуры домами, великолепный из них есть городской магистрат, — смотрите, как величественно тут на горе стоит церковь, — от нее продолжается каменный гостиный двор, имеющий 111 лавок — это деревянные лавки, или другой гостиный двор, а это посредине стоящий столб есть бывший прежде прекрасный фонтан — посмотрите, как хороша набережная и какой крутой вал от нее начинается! Наконец взгляните на монастырь, его огромную церковь, высокие колокольни, стены, башни, сады и после всего согласитесь, что Торжок принадлежит к изрядным городам» (Г., с. 153—154).

Самые деятельные сословия Торжка, по наблюдениям Глушкова, — купцы и ремесленники: «*Купечество* новоторжское, будучи весьма богато, производит великие торги к Санкт-Петербургскому порту хлебом, нефтью, салом и другими товарами; также имеет в городе множество кожевенных, солодовенных и уксусных заводов; да и вообще все жители весьма деятельны: мужчины и женщины занимаются шитьем кожевенных товаров, а некоторые из первых — хорошие каменщики, штукатуры или черепичные мастера» (Г., с. 156).

При описании Твери автор на время уступает право повествования герою-рассказчику, что позволяет не только разнообразить текст, но и придать ему смысловой объем и полифоническое звучание (другие мотивировки такой композиции будут приведены ниже). «Тверь — один из прекраснейших российских городов — расположен на месте весьма прелестном, — читаем мы введенное в текст письмо молодой тверичанки. — ...Там из-за синих сосен проглядывает *Малицкий монастырь*, здесь в тумане блещет златоглавый *Желтиков*, недалеко на тихой Тьмаке безмолвствует убежище Христовых невест, близко, под густыми ветвями лип и кленов, окруженный шумящими каскадами, красуется *Архиерейский дом*, еще ближе на крутом берегу Волги виден воксал; вокруг же всего разбросаны деревеньки, мелькают загородные дома — и все это в один миг и на одной

плоскости представляется взорам. Посредине сей долины возвышается самый город, не гордостью пышных домов и огромных башен, но привлекательною скромностью, прелестною посредственностью и как бы милою нежностью украшенный» (Г., с. 160—161).

Тверь — центральный город губернии — представлена в «Ручном дорожнике» как город преимущественно дворянской культуры. С этим, очевидно, и связан выбор в качестве повествователя молодой тверской дворянки, которая далее в своем письме подробно описывает принятый в ее сословии образ жизни и времяпрепровождения. Следует, впрочем, напомнить, что в сентиментальной культуре роль молодой женщины, а тем более молодой женщины, выросшей в провинции, на лоне природы, была очень важной. Именно это и подчеркивает Глушков в своем описании: «В четыре часа и позже ездим в гостиный двор, или загородные рощи, публичные сады, дружеские общества, но всегда без принуждения, без пышности, а как в собственное семейство — так проводим мы почти каждый день с большей или меньшей разницей, зависящей от случаев и обстоятельств. Праздники и торжества доставляют нам особливые увеселения... В честь торжественному дню мы всегда жертвуем Всевышнему изливанием усердия в святом храме Его и научаемся в нем истинам, служителями Божьими проповедуемым» (Г., с. 162).

Таким образом, созданная Глушковым *литературная карта* Тверской губернии дает всестороннее представление о городах губернии начала XIX в., об образе жизни и промыслах разных слоев местного населения: дворянства, купечества, простолюдинов. Попутно автор описывает храмы губернского и уездных городов, украшающую их иконопись и хранящиеся в них реликвии. Углубляясь в историю того или иного города, он объясняет этимологию его названия, приводит связанные с ним местные легенды и предания.

Помимо городов Тверского края, в «Ручном дорожнике», как мы уже говорили, подробно описаны или попутно упомянуты селения и ямы. Не забыты и некоторые дворянские усадьбы, которые находились по обеим сторонам тракта. Глушков упоминает, собственно, только две усадьбы: «прекрасный дом г-жи Львовой» близ Торжка — часть усадебного комплекса Митино — Василево, который создал Н. А. Львов для своих однофамильцев Д. И. и В. И. Львовых (1790-е), и «прекрасная усадьба г-на Глебова на горе, рощами окруженная», на пути от Торжка к Медному — загородная резиденция Ф. И. Глебова-Стрешнева Знаменское-Раек, которая также атрибутируется Н. А. Львову (проект начала 1780-х, строительство 1787 — начала 1800-х).¹⁴⁷ Необходимо, однако, учитывать, что усадебный дом в Митино на самом деле можно было видеть с дороги, а усадебный дом в Знаменском находился за пять верст от дороги, и его едва ли можно было видеть за лесом. Фактически Глушков упоминает не то, что он

¹⁴⁷ Гений вкуса 5. С. 60—61; Обгоняющий время. С. 334—339.

видел, а то, что репрезентирует данную местность и представляет общий интерес. Кроме этого упоминает он и село Городня перед станцией Завидово как принадлежащее помещику Бему.

Глушков с равным интересом описывает столицы, губернские и уездные города, села и ямы. Это показывает его как сторонника культурно-антропологического метода И. Г. Гердера, изложенного в «Идеях к философии истории человечества». Изучал ли он Гердера и читал ли его вообще, неизвестно, но идеи, подхваченные просветителями XVIII в. и приспособленные к изучению российской действительности, витали в то время в воздухе, и молодой образованный человек начала XIX в. не мог их не знать. Эти идеи воодушевляли многих русских и иностранных исследователей, отправлявшихся по заданию Академии наук в ученые путешествия по России: С. П. Крашенинникова, П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, Н. Я. Озерцовского, С. Г. Гмелина, И. И. Лепехина, И. Г. Георги и других. По их отчетам нетрудно восстановить вопросники, которыми они, исходя из рекомендаций В. Н. Татищева,¹⁴⁸ руководствовались в своих изысканиях. Выявляя, описывая, показывая обнаруженный во глубине России «народ», путешественник называл его, затем локализовал в сложившейся физической и ментальной картине мира, определял его место в иерархии «народов», устанавливал границы — где один народ кончается, а другой начинается. Лишь русская нация, по мнению ученых Академии, не поддавалась типологизации, потому что в территориальном отношении русские жили слишком рассеянно, а в этническом отношении они были слишком пестрым народом, чтобы их можно было воспринимать как единый этнос.¹⁴⁹

Как известно, Императорская Академия Наук разработала принципы описания народов окраин империи: лопарей, самоедов, чухонцев, финнов, тунгусов, татар, калмыков, казахов и других. Смелость Глушкова как этнографа проявилась в том, что он применил эти принципы для описания русских как главного коренного населения Центральной России. В результате был создан едва ли не первый опыт этнографического описания русских, того народа, который до этого времени ускользал из поля зрения исследователей, при этом был сделан акцент на типологии русских, на разнообразии их типов.

Новизна этого метода выявляется в сравнении параллельных мест из «Путешествия Екатерины II» и «Ручного дорожника». Описания тверских городов, помещенные в первой книге, довольно кратки и строятся по типовому плану: местоположение, статистика, история, характеристика сословий, промыслы. В результате применения этого метода города разных губерний предстают очень похожими один на другой. Вопросник Глушкова

¹⁴⁸ *Татищев В. Н.* Общее географическое описание всея Сибири. 1736 // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Географиздат, 1950. С. 38.

¹⁴⁹ *Вишленкова Е. А.* Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 65, 74.

более детален и направлен на уяснение жизненной сути представляемого объекта: автор описывает внешний вид города с дороги, его градостроительное решение, внутренние социально-экономические и культурные коммуникации, общественные сооружения, связанные с ландшафтными особенностями и служащие городу как субъекту Российской империи, и, наконец, наиболее деятельные в этом городе сословия. Глушков в своем описании идет от дороги и располагает все описываемые объекты в связи с дорогой и коммуникациями и ландшафтом. Промыслы горожан существуют у него не сами по себе, а в зависимости от своей роли в развитии и обслуживании пути.

Переходя от географических и политических описаний к этнографическим характеристикам, Глушков детально и точно описывает костюмы жителей, прежде всего женский наряд, указывая на местные отличительные особенности. Так, вышневолоцкие женщины «носят из разных шелковых материй одежду, сзади несколько бористую, спереди пуговицами застегнутую, обложенную кругом цветными лентами, а у богатых золотыми кружевами и позументами, называемую сарафан; рубашки тонкие, кисейные, большею частью длиннорукавные, весьма морщиновато на руку набранные; головной убор — девицы золотую, широкую, иногда низанную жемчугом ленту с цветными широкими назади лопастями, а замужние ту же ленту, но уже с пришитою к ней задницею, сверх которой накрывают голову наподобие большой простыни кисейным, весьма хорошо вышитым покрывалом» (Г., с. 150). Это первое описание женского наряда в Тверской губернии, и оно дано еще нейтрально, без оценок.

Жители Торжка в своих нарядах еще более патриархальны и неизменны: «Мужчины гостеприимны, обходительны, говорят чисто, но так привязаны к старинным обычаям, что нет ни одного из них в немецком платье; женщины же еще более сохраняют седую древность во всей ее оригинальности и одеваются отлично от всех ближних селений. Главная их одежда есть весьма узкий, под шеей плотно стянутый, короткий до колена сарафан из золотой, шелковой или китайчатой материи, а больше из сукна сделанный. Рубашка всегда долгорукавная с набором. На голове низанный жемчугом или золотой кокошник (точная плоскодонная круглая чашка), имеющий сзади на ладонь шириною спуск подзатыльник. В таком наряде внучка с прабабушкой за 200 лет очень сходны, и ужасное преступление было бы сделать какую перемену!» (Г., с. 156). Глушков подчеркивает очень важную для его времени оппозицию *бабушка/внучка* и снимает ее, утверждая, что для традиционной культуры она нерелевантна.

Тверские девичьи и женские наряды парадоксально сочетают модные веяния со стремлением следовать традиции: «Каждая здешняя девица, имея тонкий стан, носит с длинным, в пол-аршина подолом, наперед застегнутое пуговицами, а назади бористое платье, называемое ферези: у которого маленькая спинка соответствует нынешним с<анкт>-петербургским

модным. Рубашка у них тонкая, кисейная, имеет пышные рукава с дорогами из кружев манжетами и обнажает прекрасную грудь, украшенную крупным жемчугом. Высокая грудь подпоясана лентой, из-под которой опускается богатый передник, а голова украшена высокою, низанною жемчугом повязкою. В таком милом наряде, в котором обозначивается стройный стан со всеми его нежностями и с такою ловкою походкою, как тверянки умеют ходить, каждая привлекательна. Платье у замужних женщин подобное же, с отличием только головного убора. Они на голове носят почти вертикально стоящую из толстой бумаги доску, вышиной в $\frac{3}{4}$ аршина, выложенную золотыми гасами и жемчугом, которой фигура вверху круглая, оканчивающаяся внизу, у ушей, прямыми углами. Сей тягостной, как сами они признаются, убор называется кокошник» (Г., с. 167). Как видим, костюм новоторок и «тверянок» описывается эмоционально и оценочно. В научном травелогге или даже в таком, каким был популярно-этнографический изобразительный травелог Ф. Г. Солнцева,¹⁵⁰ такой принцип был бы недопустим. Но в представительском вояже популярного типа такая позиция даже необходима, поскольку она присоединяет точку зрения читателя к точке зрения автора и дает сторонний взгляд на описываемый объект.

Помимо народных костюмов жителей Тверской губернии, Глушков фиксирует в своих этнографических заметках особенности тверских говоров, что для литературы путешествий того времени было достаточно новым. Следует, впрочем, отметить, что сатирическая проза XVIII в. усиленно фиксировала диалектные особенности как отклонение от просветительской нормы, что для культуры, основанной на нормативной эстетике, было вполне очевидно.

Вышневолоцкое наречие, по мнению Глушкова, «совсем отменно от новгородского и по выговору на *a* ближе подходит к московскому, имея в отмену странные недостатки в ударении. Вышневолоцкие женщины почти поют сии слова: *жадная, жадобная, нявистушка, да покушай жа; Дядя Пантялий нынешная лита три путины схадил; Ахти, кармилица, смяриотушка мая! Дивки! пайдиоти ли вы на бясиду?»* (Г., с. 150—151). В фонетической записи речи, помимо отмеченного автором аканья, нетрудно распознать ударный [и] в соответствии с литературным [э] на месте *ĥ* и яканье. Зафиксировал этнограф и морфологическое явление, связанное с изменением грамматической формы: *лита* употреблено как существительное женского рода.

Характеристику новоторжского говора Глушков, желая развлечь читателя, сопровождает местной поговоркой: «По всей дороге слыша наречие, далеко отличное от правильного, весьма удивишься, что в одном Торжке женщины уверяют о себе: „*Нашей ричи цыци в свицы нит*“ („Нашей речи чище в свете нет“)» (Г., с. 157). Помимо иканья и ударного [и] в соответствии с литературным [э] на месте *ĥ*, Глушков фиксирует цоканье.

¹⁵⁰ Тверь 1. С. 255—258, цветная вкладка.

С морфологической точки зрения интересна форма *мни-ка*, которая неоднократно встречается в приведенном далее диалоге. В описании вышневолоцкого и новоторжского диалектов заметно то отношение к необразованному, непросвещенному человеку, которое было свойственно человеку эпохи Просвещения: с одной стороны, это понимание непросвещенного человека как «дитя природы», а с другой стороны, это отношение к нему как нецивилизованному человеку.

«Тверское наречие, — пишет Глушков, — чисто и особенно от других приметно по своей учтливой присловице *-ста*».¹⁵¹ Помимо этой особенности, в приведенном далее фрагменте отмечены еще две особенности: нерегулярное иканье (так что мы можем толковать эту особенность либо как непоследовательность Глушкова в воспроизведении диалекта, либо как «досочинение» им этнографически специфического лица) и частица *-та* (Г., с. 167). Вновь заметим, что вышневолоцкая речь просто описывается, а речь новоторов и тверитян еще и оценивается. Причины такого различия в подходе к одному и тому же явлению нам не вполне понятны. Мы можем только предположить, что Глушков воспринимает речь жителей Вышнего Волочка как еще не вполне устоявшуюся. Дело в том, что этот населенный пункт начал быстро развиваться после создания водной системы, тогда же и получил статус города, а новые рабочие приходили, как можно думать, из центральных районов России и говорили на разных диалектах, поэтому никаких определенных закономерностей в вышневолоцком говоре в это время еще не было.

Совокупность приведенных Глушковым в «Ручном дорожнике» ландшафтных, социально-экономических и этнографических описаний позволяет отчетливо представить себе внешний вид каждого из городов Тверского края, стоящих на дороге, облик и характер его жителей. Кроме того, мы можем реконструировать обобщенный образ губернии, который существовал в сознании столичного жителя того времени и предлагался читателю книги как образец истолкования тверской провинции. Как бы подводя итог своим наблюдениям, Глушков пишет: «кроткая Волга», берущая свое начало в Тверском крае, орошает «многочисленные племена и языки» (Г., с. 160). Здесь уже создается обобщенный опыт всей империи и едва ли не впервые обозначается роль Волги как реки, соединяющей разноплеменной состав Европейской России. Если это так, то прозорливость Глушкова как государственно мыслящего человека окажется удивительной, а фигура его в этом случае должна привлечь более пристальное внимание со стороны разных специалистов.

«Ручной дорожник» Глушкова чрезвычайно интересен и в темпоральном аспекте. Он был создан на рубеже XVIII—XIX вв., а рубеж веков

¹⁵¹ Об этимологии частицы *-ста* см.: Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 741—742.

всегда остро переживается человечеством как время кризиса, перелома, перехода от старого к новому. В России рубеж XVIII—XIX вв. совпал с дворцовым переворотом, убийством Павла I и восшествием на престол Александра I. С грядущей деятельностью нового государя была связана не только судьба империи в целом, но и судьбы ее провинций. Это хорошо понимал автор «Ручного дорожника». Посвящая свой труд супруге нового императора, Глушков брал на себя, таким образом, функции путеводителя, руководителя ее в поездке на коронацию — функции человека, который представляет новой государыне подданную ей империю как пространство благоденствия. Нам не известны подробности служебной биографии Глушкова, но следует признать, что Глушков достиг определенного результата, поскольку через некоторое время он получил должность тверского вице-губернатора. Но связь этих двух явлений: издания книги и повышения Глушкова по служебной лестнице — еще следует изучить.

Описывая свой родной Тверской край, Глушков каждый из населенных пунктов губернии изображает с позиций историзма. Упоминая о славном прошлом того или иного города (при описании ям и сел Глушков обычно не дает исторические легенды), автор отмечает его роль в современной социально-экономической жизни России и обозначает ресурсы для перспективного успешного развития. Например, настоящее и будущее Вышнего Волочка в системе российской экономики Глушков связывает с его водными коммуникациями: «Город сей сколько по малолюдству и строению неважен, столько водами, его окружающими, знаменит и для доставления в Санкт-Петербург съестных припасов необходим» (Г., с. 148); «...малейшая точка Вышний Волочек сближает отдаленнейшие края юга, востока и запада с севером». Город и его окрестности богаты и людскими ресурсами: в дни спуска лодок «многолюдство здесь бывает чрезвычайное, все площади, улицы и дома наполняются народом, ибо, кроме обыкновенных водолеев, коренных и необходимых барочных служителей, приходят еще из отдаленных краев артели сходочных и лоцманов» (Г., с. 149).

Иное промышленное лицо у Торжка, товары ремесленников которого пользуются спросом по всей России: «Новоторжская знатность есть хорошие козлиные кожи, тюфяки, чемоданы, портфели, маленькие бумажники и всякой кожевенной товар» (Г., с. 156).

Тверское купечество отличается большой и разнообразной торговлей, сплавливая товары по воде в столицу империи: «Купцы тверские весьма зажиточны и отправляют знатным количеством в Санкт-Петербург на барках хлеб, пеньку, сало, масло и другие товары» (Г., с. 166).

Можно сказать, что Глушков в своей книге подводит итог тому, что Тверская губерния как социокультурная составляющая государства прожила, в «веке минувшем» и прогнозирует перспективы ее развития в наступающем «веке нынешнем», определяя, таким образом, функции подсистемы в общей имперской системе. Трудно сказать, насколько это намерение

было осознанным, но травелог Глушкова выглядит как социокультурный трактат, не взирая на то, что он оснащен весьма живописными отступлениями.

Наконец, травелог Глушкова дает весьма интересный материал и для социокультурных наблюдений и заключений. Хронотоп дороги, определяемый жанром дорожника и положенный автором в основу повествования, санкционирует знакомство читателя с жизнью разных сословий — более того, в этом отчасти и состоит цель самого травелога. Ситуационное сближение представителей разных классов и состояний создает иллюзию растворения, временного снятия сословных границ, незыблемо между ними существующих. Этот воображаемый непосредственный контакт властителей и подданных позволяет писателю выявить или художественно смоделировать те чувства, которые испытывает каждая сторона при встрече со своей противоположностью в системе социальной иерархии. При этом даже неважно, представлен ли этот диалог властителей и подданных в тексте вербально или же он просто подразумевается; гораздо важнее то, что в нем формулируется проблема эмоционального здоровья нации и государства, и в данном случае с точки зрения истории интересен авторский вариант ее решения.

В связи с этим представляется необходимым уточнить и действительную цель написания и издания «Ручного дорожника». Как уже говорилось, традиционно эта книга трактуется как средство знакомства новой царицы со страной, однако отождествление цели книги с целью описанного в ней путешествия представляется не вполне корректным. Об ограниченности такого заключения говорит уже и тот факт, что «Ручной дорожник» был в России неоднократно переиздан, а в 1805 г. даже напечатан на немецком языке. С одной стороны, публикацию на немецком языке можно толковать как дальнейшее развитие представительского вояжа, поскольку императрица Елизавета Алексеевна была из одного из германских княжеских домов. Но, с другой стороны, переиздания книги на русском языке, безусловно, выходят за пределы задачи знакомства властителя с империей и представительского вояжа.

Сам факт выхода немецкого издания «Ручного дорожника» наводит на мысль, что ее автором руководило желание представить Российскую империю не только будущей императрице, но и Европе, которая рукоплескала коронационным торжествам. Это издание, конечно, не было таким подносным даром, каковым был рукописный альбом Н. А. Львова и Дж. Кваренги «Опыт о русских древностях в Москве 1797 года»,¹⁵² подготовленный ими к коронации Павла I. Однако известно, что и Львов собирался опубликовать свой труд в качестве путеводителя по московским древностям, то есть предполагал познакомить с ними и европейского, и широкого

¹⁵² См.: *Львов Н. А.* Опыт о русских древностях в Москве 1797 года апреля в 1 день // *Обгоняющий время.* С. 53—81.

русского читателя, как в свое время труды А. Палладио и И. Винкельмана познакомили его самого с древностями Европы. В этой же логике вторичная публикация «Ручного дорожника» в сопровождении гравюр С. Ф. Галактионова была призвана познакомить европейского читателя с культурой столичных и провинциальных городов России и привлечь к ней внимание зарубежных гостей.

Всё это определяет и ракурс изображения действительности, и его тон. В отличие Радищева, который написал «уязвляющую душу» картину, Глушков в своей книге создал идеализированный портрет державы накануне коронационного торжества. Конечно, ни император, ни императрица в тексте книги не упоминаются, но по отношению к самому торжеству коронации «Ручной дорожник» выглядит как пролог. Кроме того, в книге впечатляюще представлены народы, которые готовы радостно принять власть нового монарха и трудиться во благо монарха и России. Разумеется, дорога из Санкт-Петербурга в Москву не так длинна, как путь Екатерины II, которая объезжала «полуденные края» своей империи, а писать портреты коленопреклоненных лопарей, самоедов, чухонцев, финнов, тунгусов, татар, калмыков и прочих окраинных народов на пути из Петербурга в Москву нарушало бы достоверность этнографической картины России. Однако отсутствие окраинных народов успешно восполняется избыточно детализированной костюмированностью и подчеркнутой диалектной многоголосицей «Ручного дорожника»: три города Тверской губернии — три разных говора. Эти приемы создают впечатление присутствия в тексте всех народов России: все они — дети империи, все они — ее богатые внутренние ресурсы.

Глушков искренне верит в счастливое будущее России и особенно в счастливое будущее самого сердца ее — Тверского края: «Чем более въезжаешь во внутренность России, там многообразнее и привлекательнее покажутся окрестности. Нигде не заметишь дикой, ни к чему не способной земли или болота, но везде увидишь обработанные поля, зеленеющие муравую луга, очищенные рощи и хорошо выстроенные помещичьи дома» (Г., с. 151).

Заложенные Глушковым в «Ручном дорожнике» традиции литературного путешествия определили дальнейшее активное развитие жанра русского травелога в XIX—XX вв.

3. Образ города и локальный текст

Для понимания новаторского характера книги Глушкова, который выразился и новом построении локального текста, представляется продуктивным сравнить книгу Глушкова с путешествием Екатерины II, ближайшим по времени и задачам его предшественником. Екатерина ехала из Москвы в Петербург, что не мешает нам сопоставить описания лежащих

на тракте городов Тверского края, представленные в этом путеводителе, с теми характеристиками, которые им дали Глушков и Ишимова.

Вот описание Вышнего Волочка в путеводителе Екатерины: «Окруженный город Тверского наместничества лежит во 126 верстах от Твери при реке Цне. Место сие учреждено городом в 1772 году из прежде бывшего Вышневолоцкого яму. Наименование свое получил он оттого, что до сделания Тверецкого шлюза и канала привозимые по Тверце-реке мелкими судами и полубарками товары от пустыни Николы Столпа перевозились сухим путем и, по нагрузке в Вышнем Волочке на пригоняемые по реке Цне суда, осташевками называемые, отправлялись уже далее водой, во отвращение чего сделан канал, по имени сего города Вышневолоцким именуемый, по которому все барки, с Волги по Тверце идущие в Цну-реку, пропускаются беспрепятственно» (Е., с. 137—138).

Составляя проспект предстоящего путеводителя Екатерины II, К. И. Габлиц счел необходимым представить читателю и сведения информационного, историко-статистического характера о дате учреждения города, о его местонахождении, о составе населения и его основных промыслах. И вполне естественно, что художественный образ из этого статического, информационно замкнутого, точного по заданию описания не возникает.

Иначе строит описание города Глушков: «Вышний Волочек — уездной город Тверской губернии, лежащий при реке Цне и многих каналах, — виден еще издалека по соборной церкви. Проезжий сперва рассматривает здесь в близости дороги построенный из дикого камня с двумя беседками Цнинской шлюз, потом отдает справедливость двум площадям, украшенным каменными строениями. Первую окружают императорской дворец, ассигнационный банк и дома господские, а вторую — в два этажа и с аркадами внизу обывательские; потом примечаются каменные же: соборная церковь, другая строящаяся щедротою блаженной и вечнодостойной памяти императора Павла I, гостиный двор, присутственные места, магистрат, городнической дом и деревянной чрез Тверецкой канал механической <Тверецкой> мост» (Г., с. 146—147).

При всей информационной насыщенности, описание Глушкова нельзя назвать статическим. Стремясь представить пространство в движении, каким оно и открывается путешественнику, писатель использует приемы приступа и смены планов. Сначала он рисует открывающийся внешнему наблюдателю с тракта общий вид города с его архитектурной доминантой — монументальным пятиглавым Казанским летним собором (1759—1771, разрушен в 1935), затем воссоздает панораму, развертывающуюся перед путешественником, вошедшим в городское пространство. Начало осмотра — Дворцовая (Садовая) площадь, с которой видна историческая часть города (впоследствии названная Островом), находящаяся между Цной и Цнинским каналом: ее окружают императорский путевой дворец

(1779), банковская контора (1773), казначейская палатка, дома городничего и казначея (1770-е). Следует напомнить, что Глушков не упоминает церковь Петра и Павла, поскольку она была возведена в камне только в 1813 г. (взорвана в 1930-е). Второй точкой обзора становится Торговая площадь с Казанским собором, откуда обзревается расположенная между Цнинским и Тверецким каналами, Садовой улицей и Московским шоссе Градская часть с главной ее достопримечательностью — первыми торговыми рядами (1787, перестроены в 1836—1837). В создании образа города автор использует художественные принципы *ведуты* — жанра перспективного городского пейзажа, столь популярного в XVIII в.

Познакомив читателя с общими принципами градоустройства, Глушков акцентирует в городской панораме достопримечательности Вышнего Волочка, наличие которых делает его незаурядным и неповторимым. Одна из них — деревянный мост через Тверецкий канал: «Сей мост, называемой Тверецкой, весьма удивительно составлен из спирающихся один в другой брусьев и без всяких подпор висит над широким каналом так высоко, что нагруженные пенькою барки свободно под него подходят, для прочности же обшит он досками и покрыт кровлею, под которою находящаяся галерея служит тамошним лоцманам изрядною биржевою залою, где купцы заключают с ними условия о стонке своих караванов» (Г., с. 147—148). Мост в устье Тверецкого канала — первый в России мост, построенный с применением деревянных ферм (сгорел в 1801 г., вновь построен в 1808 г., перестроен в 1845—1846 гг.; инженеры П. И. Лосев, К. Кейзер, руководитель работ А. А. Шатилов). Эта деталь впервые появляется в вышневолоцком тексте у художника Ж. Б. де ла Траверса (Вышний Волочек. 1786. Акварель. ГМИИ),¹⁵³ однако современник Траверса Габлиц опускает эту деталь: очевидно, потому, что видел назначение путевода в том, чтобы передавать статистические сведения, а не описывать художественные красоты. Глушков же обращает внимание читателя на это сооружение, в котором органично сошлись красота и польза; во втором издании книги Глушкова изображение этого моста появляется и на гравюре С. Ф. Галактионова.¹⁵⁴

Глушков подробно описывает и шлюз и бейшлот, лишь упомянутые в путешествии Екатерины, причем они представлены не только как часть Вышневолоцкой водной системы, но и как существенный фактор городской жизни. Еще большее внимание уделяет им Ишимова, у которой описание Вышневолоцкой водной системы составляет главную, чуть ли не единственную характеристику Вышнего Волочка, вытесняя прочую информацию о городе: «...от Валдая до Вышнего Волочка видно много воды то на одной, то на другой стороне дороги, а иногда и на обеих в одно время. Заметно, что приближаешься к месту главных водяных сообщений на-

¹⁵³ Тверь 1. С. 138. Ср.: Иванов М. М. Вышний Волочек. 1786. Акварель. ГРМ

¹⁵⁴ Тверь 1. С. 243.

ших»; Вышний Волочек «служит местом соединения двух отдаленнейших морей наших — Балтийского и Каспийского, соединения, которого первое начало сделано было еще бессмертным Петром нашим. Предназначив Петербургу быть одним из главнейших портов в свете, он видел, что для успеха внутренней торговли необходимо соединить его с теми внутренними губерниями, из которых можно в изобилии получить всё, что нужно для продовольствия многолюдной столицы. И это соединение сделалось Вышневолоцким каналом — первым из каналов русских» (И., с. 263—264).

Таким образом, многие достопримечательности провинциального города, расцветшего в конце XVIII в. благодаря финансовой поддержке Екатерины II, не нашли отражения в путеводителе Габлица потому, что находились еще в стадии создания. В тексте Глушкова они в силу своей новизны стали главным предметом описания. Но для поколения Ишимовой они утратили свою ценность вместе с новизной. Опуская их как несущественные, преходящие, Ишимова стремится запечатлеть вневременные ценности локального текста. В данном случае это водная система, давшая жизнь городу и обеспечившая его былое процветание, а в настоящее время являющаяся его главной достопримечательностью.

Еще более убедительно сопоставление описаний Торжка. У Габлица оно построено по той же индексирующей действительность схеме, что и описание Вышнего Волочка, поэтому приводить его здесь нет необходимости. Глушков, в отличие от Габлица, стремится передать общую концепцию города. Нарисованная им картина Торжка на первый взгляд сродни гравюрам XVII—XVIII вв., которые представляли городское пространство концентрированно и из-за стремления к художественной цельности нарушали топографию. Таковы виды Твери и Торжка в путешествиях С. Герберштейна (1517), А. Олеария (1630-е), А. Мейерберга (1661), Н. Витсена (1665).¹⁵⁵ Однако, рисуя читателю целостный образ города, Глушков разворачивает его в живую панораму архитектурных памятников. Описывая одну из главных святынь Торжка — Борисоглебский собор, Глушков характеризует его архитектурный облик, интерьер и храмовые росписи: «... огромный храм, одному только или двум по превосходной архитектуре в России уступающий, построенной на иждивение Великия Екатерины и граждан собственными новоторжскими художниками, по плану архитектора Буци. Он, четверугольною фигуурою возвышаясь, при четырех входах странам света противоположенных, имеет дорические колонны, весьма прилично поддерживающие украшенный карниз и фронтоны — обширной круглой свод с греческими окнами облегается на главных стенах и превышает еще четыре меньших купола; открытые входы с трех сторон вводят во святилище сие — отворяют врата, и небесной свет преизобильно повсюду блистает — не златая пышность тяготит там стены и столбы; но одна священная простота важное украшение составляет» (Г., с. 154).

¹⁵⁵ Тверь 1. С. 22, 28, 35; Литература Тверского края. С. 174, 178.

На самом деле новоторжский архитектор Ф. И. Буци только руководил строительством Борисоглебского собора.¹⁵⁶ Автором же проекта, как известно, был Н. А. Львов, что подтверждается двумя документами. Во-первых, гравюрой самого Львова «Борисоглебский собор в Торжке» (1785. НИМРАХ. № 630–631. Бумага, тушь, акварель¹⁵⁷), а во-вторых, его письмом к А. Р. Воронцову от 26.06.1785: «...изволила государыня закладывать в Торжке соборную мою церковь и тут при закладке удостоила меня своим разговором несколько слов».¹⁵⁸

Следует также учесть, что 37 икон для иконостаса Борисоглебского собора были написаны в 1795 г. не новоторжскими художниками, как утверждает Глушков, а В. Л. Боровиковским.¹⁵⁹ Из этих картин сохранились две: «Притча о девах мудрых и неразумных» и «Богоматерь „Всех скорбящих радость“» (1790—1792, ТОКГ).¹⁶⁰ Львов, новотор по рождению, был к тому времени широко известен как архитектор: в Петербурге он построил Невские ворота (1780—1787), Почтовый стан (1782—1789), Троицкую церковь в с. Александровском (1785—1787), дом Г. Р. Державина на Фонтанке (1790-е). Достаточно известным был к тому времени и Боровиковский — академик живописи (1795), портретист петербургской знати.

Трудно поверить, чтобы Глушков, составляя свой путеводитель, не располагал этими сведениями и не пытался установить имена создателей этих произведений. Это обстоятельство наводит на мысль о своеобразной тенденциозности писателя: он представляет архитектурное и живописное убранство собора как творение новоторов, причем не столько как местную диковинку, сколько как феномен, который не имеет аналогов в столицах и ради которого стоит потратить время и силы на путешествие в Торжок.

Особую ценность Борисоглебскому собору придает то обстоятельство, что с ним связаны деяния святых подвижников церкви и деятельное участие монархов: «В правой и левой стороне алтаря на богатых пьедесталах хранятся орудия, десницею бессмертных Екатерины при заложении храма сего употребленные, — кирка и лопатка серебряные — а в светлой нише, на возвышенном из белейшего мрамора помосте почивает в серебряном, драгоценными камнями украшенном гробе святой Ефрем. Неугасаемый пред ним огонь есть доказательство непрерывного излияния

¹⁵⁶ *Илиодор, иеромонах*. Историческо-статистическое описание новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861. С. 32.

¹⁵⁷ *Гений вкуса* 1, 49–50, 55–62; *Гений вкуса* 5, 27, 68, 81; *Обгоняющий время*. С. 305, 330.

¹⁵⁸ *Львов*. С. 326; Тверь 1. С. 111.

¹⁵⁹ *Илиодор, иеромонах*. Историческо-статистическое описание новоторжского Борисоглебского монастыря. С. 32—33.

¹⁶⁰ «...Красоту ее Боровиковский спас»: Владимир Лукич Боровиковский. 1757—1825. К 250-летию со дня рождения художника. М.: М-Сканрус, 2008. Ил. 148; Владимир Лукич Боровиковский. 1757—1825. Религиозная живопись. СПб.: Palace Editions, 2009. Кат. № 2. С. 97. Ил. 4; Кат. № 3. С. 97. Ил. 3.

усерднейших сердец» (Г., с. 155). В Борисоглебском соборе покоились мощи преп. Ефрема Новоторжского (обретены в 1572), а под спудом собора — мощи его ученика преп. Аркадия Новоторжского (обретены в 1677). В связи с закрытием монастыря в июле 1931 г. раки с мощами святых были перенесены в Благовещенскую (Михаилоархангельскую) церковь, где находились до 1936 г. Дальнейшая судьба мощей неизвестна. В 1785 г., во время проезда из Москвы в Петербург через Торжок, Екатерина II заложила основание Борисоглебского собора. Специально изготовленные медные посеребренные молоточки и лопатка хранились в соборе и демонстрировались путешественникам.

Ишимова, отдавая должное истории Торжка, не столь увлечена его архитектурными и живописными святынями. Созданный ею образ города скорее домашний, бытовой, патриархальный: «В строениях городских заметно, что торговля, а с нею и богатство были всегда принадлежностью Торжка <...> В январе и сентябре бывают здесь ярмарки, на которых продается одних крестьянских изделий на 60 000 руб. По этому можно судить о торговых способностях жителей Торжка» (И., с. 265—266). Вряд ли Ишимова руководствовалась желанием не повторять сказанное предшественниками, — скорее та художественная информация, которая вызывала восторг у Глушкова, младшего современника Екатерины, для поколения Ишимовой уже утратила свою актуальность.

А что актуально для самой писательницы и ее окружения? Образ, впервые возникающий в литературной панораме Торжка, — это недавно построенная гостиница Пожарских, единственное в городе сооружение в стиле ампира. Именно это здание и посещают путешественники Ишимовой.¹⁶¹

Описания Твери, сделанные Глушковым и Ишимовой, по составу архитектурных достопримечательностей в целом схожи: помимо видов Волги, большое место в них занимают императорский путевой дворец, улица Миллионная и цепочка тверских площадей, однако способ подачи этого материала и его исторический колорит у писателей различаются. Глушков, называя эти объекты, апеллирует к имени Екатерины II и описывает в основном только что завершившееся послепожарное строительство Твери (Г., с. 163—166). Книга Глушкова как бы завершает XVIII в., подводит итоги эпохе прошедших преобразований. Главный же интерес Ишимовой связан уже не с историческими реалиями XVIII в., а с грядущими преобразованиями XIX в.: «Еще не прошло 50-ти лет после царствования Екатерины, а у нас уже не только давным-давно ездят в Москву по прекрасному шоссе, но уже скоро будет железная дорога» (И., с. 272).

Нетрудно заметить, что главным отличием путеводителей Глушкова и Ишимовой от книги Габлица является векторность изображения. Ракурс восприятия пространства у Габлица не выражен; у Глушкова же и Ишимовой он диктуется маршрутом путешествий. Этот ракурс, в свою очередь,

¹⁶¹ См. о нем подробнее в главе 4.

определяет особенности пространственного образа города у обоих авторов. Вторым параметром, по которому различаются образы города, является аспект временной. Во временном отношении для образа города важно не только то, когда этот образ создан, то есть какую реальную действительность он отражает, но и то, к какому времени принадлежит писатель, в какую эпоху он сформировался как личность (Глушков принадлежит XVIII в., Ишимова — XIX в.) и какими интересами он увлечен. При всём кажущемся совпадении описываемого материала Глушков и Ишимова руководствуются при выборе объектов и ракурсов описания разными системами ценностей и создают в результате неповторимые образы городов. Оригинальность этих образов связана с индивидуальными особенностями писателей: одни и те же материальные предметы насыщены в их путеводителях разными ассоциациями, разной памятью, и авторы спешат передать это ассоциативное переживание образа пространства своим читателям.

Глава 4.
«Дух времени»:
динамика исторического образа России в зеркале путешествий

В настоящей главе мы предполагаем рассмотреть жанровые особенности двух путеводителей: И. Ф. Глушкова¹⁶² и А. О. Ишимовой.¹⁶³ Первый из них мы уже назвали представительским вояжем, то есть путешествием, представляющим лицевую сторону репрезентируемой местности. Вторым путеводителем является описанием развлекательной каникулярной прогулки и вместе с тем выполняет функции познавательного путешествия; на современном языке такая поездка должна быть названа экскурсионной. Разумеется, эти функции в обоих путешествиях очень часто совмещаются, пересекаются. В путешествии Глушкова мы находим элементы экскурсионной (развлекательно-познавательной) прогулки, а в путешествии Ишимовой есть элементы представительского вояжа. Вообще строгая выдержанность жанровой адресации в литературе нового времени совершенно невозможна, хотя общая тенденция каждого из этих путешествий заметна и позволяет разграничивать оба текста. А для нашего анализа именно эти жанровые особенности и оказываются релевантными.

1. Из истории русского травелога для детей

Русская писательница, педагог и переводчик А. И. Ишимова (1804/1805—1881) вошла в историю отечественной детской литературы как автор «Истории России в рассказах для детей» (1837—1840) — книги, заслужившей высокую оценку самого Пушкина. Это не единственное сочинение Ишимовой: она обладала завидной работоспособностью, а ее оригинальный талант был многогранен. Писательница издавала два ежемесячных детских журнала: «Звёздочка» (1842—1863) и «Лучи» (первый журнал «для девиц») (1850—1860). Из ее художественных произведений наиболее известны «Рассказы старушки» (1839) и книга для чтения в приютах «Колокольчик» (1849). Ишимова была также автором ряда учебных книг: «Священная история в разговорах для маленьких детей» (1841), «Первое чтение и первые уроки для детей» (1856—1860), «Рассказы для детей из естественной истории» (1877), «Рассказы из Священной истории для крестьянских детей» (1878). Ишимова много переводила с французского и английского языков: в частности, именно ей принадлежат первые переводы на русский язык приключенческих романов Фенимора Купера.

¹⁶² Тверь 1. С. 145—170. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы и буквы Г.

¹⁶³ Тверь 1. С. 263—281. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы и буквы И.

В ряду выявленных и подробно изученных к настоящему времени сочинений Ишимовой, традиционно упоминаемых в современных историко-литературных справочниках, незаслуженно забытыми оказались путевые записки «Каникулы 1844 года». В книге описывается поездка группы путешественников из Петербурга в Москву, предпринятая с познавательно-развлекательной целью. Разумеется, главное внимание уделено конечной цели путешествия — знакомству с древней столицей России и ее достопримечательностями. Однако значительную часть записок составляет описание Тверской губернии, что является чрезвычайно интересным и важным для тверского литературного краеведения.

Повествование о путешествии ведется в книге от первого лица. Дама, которая выступает основным субъектом речи, — это безусловно автобиографическая фигура, поэтому в дальнейшем мы будем называть ее Ишимовой-повествовательницей. Она путешествует с родственниками, среди которых дядюшка Николай Дмитриевич — большой знаток старины, тетушка Ольга Дмитриевна — любительница старинной культовой архитектуры и дети Лиза и Валериан. Введение персонифицированного повествователя придает запискам черты достоверности, а обращения автора к героям и читателю моделируют ситуацию непосредственной включенности реципиента в происходящее в книге.

Впечатления от поездки Ишимова изложила в форме писем повествовательницы к своей сестре. Поэтому может показаться, что «Каникулы 1844 года» носят сугубо частный характер и написаны лишь по случаю. Однако это впечатление обманчиво: в одном из писем повествовательница делает принципиально важную оговорку: «Я описываю тебе, милая сестрица, все города, которые мы проезжаем, с такою подробностью, что я думаю: журнал мой может служить твоим детям вместо географического урока» (И., с. 265). Следовательно, по замыслу автора, «Каникулы 1844 года» представляют собой не что иное, как *рассказы для детей из географии и истории*.

Напомним, что творческая биография Ишимовой неразрывно связана с ее педагогической деятельностью. Книга «Каникулы...» (рассказы для детей из географии) логично следуют за книгой «Рассказы для детей из истории России» и продолжают «Рассказами для детей из естественной истории». Примечательно, что вкупе с изданными позднее «Рассказами для детей из Священной истории» они составляют своеобразный комплект учебных книг, написанных в занимательной художественной форме и адресованных юным читателям.

Источник для книги Ишимовой «Рассказы для детей из истории России» хорошо известен — это знаменитая «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Это заставляет нас предположить, что у *рассказов для детей из географии* также должен существовать некий литературный источник, успешно апробированный к 1840-м гг. во взрослом чтении и по-

служивший основой для создания его облегченной детской версии. Самым популярным у путешественников первой трети XIX в. был «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова, и наличие параллельных мест в «Ручном дорожнике» и «Каникулах 1844 года» убеждает в том, что именно эта книга стала источником путевых записок Ишимовой.

Информационная насыщенность и занимательная форма «Ручного дорожника» Глушкова способствовали его небывалой популярности уже с первого издания (1801). Его брали в дорогу и те, кто ехал по казенной надобности, и те, кто совершал образовательное турне, и те, кто отправлялся в развлекательное путешествие вместе с детьми во время каникул. Таким образом, «Ручной дорожник», не являясь собственно детской книгой, постепенно становился частью детского и семейного чтения по географии России: изучение его предвляло каникулярную поездку из Санкт-Петербурга в Москву и сопровождало ее. Это было тем более необходимо, что книг для собственно детского чтения было в то время еще очень мало. Поэтому решение Ишимовой написать по материалам Глушкова аналогичный занимательный дорожник для детей было проектом вполне оправданным и востребованным русским обществом того времени.

Выбор Ишимовой «Ручного дорожника» в качестве источника рассказов для детей из географии связан не только с его популярностью, но и с уникальностью его структуры и жанровой природы. В «Ручном дорожнике», как мы уже говорили, совместились два жанра — дорожник и городской путеводитель. Оглавлением текста стал перечень городов и станций по маршруту из Петербурга в Москву, а сами главы превратились в развернутые путеводители по городам, расположенным на почтовом тракте. В таком построении книги отчетливо проявилась оригинальность замысла. Маршрут путеводителя Глушкова включал не только столицы, как это было в непосредственно предшествовавших ему справочниках В. Г. Рубана и Л. М. Максимовича, но и губернские и уездные города, которые до того времени не привлекали внимания в качестве предмета специального описания. Единственным исключением в этом отношении был прецедентный для Глушкова текст — «Путешествие Екатерины II в полуденный край России», однако эта книга, в отличие от других, перечисленных выше, не была предназначена для широкого читателя. Для исследователей тверского пространства принципиально важно, что значительная часть справочника включает едва ли не впервые составленные отечественным литератором описания городов Тверского края, расположенных на тракте: Вышневолочка, Торжка и Твери, а также характеристики тверских дворянских усадеб, ямов и селений, где располагались почтовые станции: Выдропужска, Медного, Воскресенского, Городни, Едимонова и др. Естественно, что эти же населенные пункты представлены и в «Каникулах 1844 года» Ишимовой — ведь маршруты обоих путешествий совпадали.

Подробно описывая каждый город, Глушков обращал внимание читателя на его архитектурные памятники, уникальные инженерно-технические сооружения, народные промыслы, костюмы, нравы и говор жителей. Находя в каждом населенном пункте нечто удивительное и необычное, Глушков делал это предметом особого интереса, меняя ракурсы изображения и эмоциональную окраску рассказа, а порой и передоверяя повествование разным субъектам речи. Главные города маршрута были представлены и на гравюрах работы С. Ф. Галактионова, выполненных специально для второго издания книги (1802). Подобные же композиционно-стилистические приемы использует и Ишимова, но ее книга лишена иллюстраций, очевидно, в целях удешевления издания для большей доступности его покупателям.

Опыт адаптации взрослых книг для юного читателя у Ишимовой к 1840-м гг. уже был, и довольно успешный — «История России в рассказах для детей». Однако «История» Карамзина не требовала перелицовки и модернизации: у Ишимовой не было необходимости пересматривать концепцию русской истории, выработанную Карамзиным. «Ручной дорожник» Глушкова был книгой не столько концептуальной, сколько функциональной и за сорок лет, которые прошли со времени его создания, он заметно устарел и потому нуждался в существенной переработке. Поэтому, опираясь на материалы справочника Глушкова, Ишимовой необходимо было ввести в путеводитель для юношества современный, познавательный, развивающий личность материал.

Установление преемственности между «Каникулами 1844 года» и «Ручным дорожником» ценно не само по себе, а в связи с теми возможностями интерпретации текста, которые оно открывает.

Прежде всего, параллельный анализ текстов, посвященных одному и тому же предмету, но разделенных во времени четырьмя десятилетиями, позволяет уяснить историческую динамику описанной в них действительности. В социокультурном отношении интересно не только материальное изменение пространства, но и то, в какой мере и в каком направлении изменились за сорок лет приоритеты внешнего наблюдателя. Например: одни предметы остались в поле зрения путешественника как уникальные памятники места, а другие перестали пользоваться интересом, став привычными и обыденными, третьи же, возникнув в качестве новых объектов действительности, привлекли внимание своей необычностью.

Так, наличие водного пути между Москвой и Петербургом, которое столь удивляло современников Глушкова — недаром в «Ручном дорожнике» ему уделено несколько страниц развернутых описаний (Г., с. 146—150), остается характерной приметой Вышнего Волочка и в путевых записках Ишимовой: «Вообще от Валдая до Вышнего Волочка видно много воды, то на одной, то на другой стороне дороги, а иногда и на обеих в одно время. Заметно, что приближаешься к месту главных водяных сообщений

наших» (И., с. 263—264). Однако Глушков очень подробно объясняет читателю понятия *волок*, *илюз* и *бейшлот*, представляет историю создания вышневолоцкой водной системы и рисует подробную карту связанных ею речных маршрутов. В отличие от него, Ишимова оставляет эти сведения за рамками повествования — для того поколения читателей, которому адресована ее книга, это уже не ново, а потому и не требует специального рассказа. «Не расспрашивай меня, — пишет она сестре, — о подробностях этого важного для нас водяного сообщения: если ты знаешь, что главная цель этого канала соединить воды Невы с водами Волги, — то и этого довольно» (И., с. 264).

Обобщенная характеристика Ишимовой Торжка является по сути сокращенным пересказом соответствующего очерка Глушкова. Обзорные сведения о Торжке, его связях с городами России и товарах, которыми он торгует, необходимы для первого знакомства с городом, и потому их приходится повторить в почти неизменном виде. На фоне привычной картины города ярко выделяется новый объект, которого в год написания книги Глушкова еще не было. Это недавно построенная гостиница Пожарских — единственное в городе сооружение в стиле ампир.

Первая гостиница Пожарских (первое упоминание 1796) — это постоялый двор, со временем преобразованный в гостиницу с трактиром, построенный в конце XVIII в. ямщиком Дмитрием Васильевичем Пожарским (?–1801/1803) на углу улицы Ямской (ныне Дзержинского) и Пожарского переулка (назван по фамилии домовладельца, ныне без названия). После его смерти дело унаследовал его сын Евдоким (?–1834), с 1833 г. купец 3-й гильдии.¹⁶⁴ С 1834 г. дела вела его вдова Аграфена Сергеевна (?–1838). По завещанию матери, единственной наследницей их стала дочь Дарья Евдокимовна Пожарская (1799–1854), известная своими котлетами. В своей духовной Аграфена Сергеевна завещала всё дочери: «Всё то, что только после смерти моей окажется в содержимой мною гостинице и службах при оной <...>, равно в лавке, состоящей в оном же доме в нижнем этаже, весь сафьянный товар».¹⁶⁵ Как видим, уже к 1838 г. гостиница Пожарских находилась в двухэтажном здании. Это здание первой половины XIX в. в стиле безордерного классицизма, с эркерами на флангах фасада и характерными сандриками над окнами, — было увековечено Пушкиным в его стихотворении из письма к С. А. Соболевскому:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,

¹⁶⁴ *Лопатина Н. А.* Торжок: история города в названиях улиц. Тверь: Лилия-принт, 2002. С. 54.

¹⁶⁵ Цит. по: *Митрофанов А.* Ямщичка // Первое сентября. 2004. № 11 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ps.1september.ru/>. Дата обращения: 12.07.2013. Загл. с экрана.

Жареных котлет отведай
И отправься налегке.¹⁶⁶

В первой половине 1840-х гг. Д. Е. Пожарская построила гостиничное здание на собственные деньги на земле, которая досталась в наследство от отца (ныне ул. Дзержинского, 48).¹⁶⁷ Двухэтажное здание в стиле ампира было украшено в верхнем этаже пилястрами, лепными карнизами и двумя эркерами, внутри находился вестибюль с массивными колоннами ионического ордера и деревянная лестница с фигурными балясинами. По выражению Д. С. Лихачева, через гостиницу Пожарских прошла вся русская культура XIX в.: А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. И. Полежаев, П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов, Н. В. Станкевич, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Марко Вовчок и др. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» на кожаном диване в гостинице Пожарского Пьер Безухов вел беседу с представителем масонов.

Это здание и посещают путешественники Ишимовой. Его экстерьер и интерьер, с их претензией на столичный изыск и лоск, петербургские гости оценивают достаточно критически: «Вообрази, милая сестрица, высокие и огромные залы, с окнами и зеркалами такого же размера, с самой роскошной мебелью; все диваны и кресла эластически мягки, как в одной из лучших гостиных петербургских, столы покрыты цельными досками из цветного стекла, занавесы у окон кисейные с позолоченными украшениями. Но хозяйка не выдержала до конца характера изящной роскоши, какой хотела придать своим комнатам: всё это великолепие окружено стенами, не только не обитыми никакими обоями, но даже довольно негладко вытесанными. Такая беспечность имеет в себе что-то оригинально русское» (И., с. 266). Однако путешественники отдают должное пожарским котлеткам — кушанью, которое прославило гостиницу по всему петербургско-московскому тракту: «Быть в Торжке и не съесть пожарской котлетки кажется делом невозможным для многих путешественников. <...> Мы все нашли, что они достойно пользуются славою: вкус их прекрасный» (И., с. 266—267). Традиция при посещении Торжка непременно съесть пожарскую котлету и купить изделие новоторжских золотошвей была еще неизвестна Глушкову: она возникла позже, в пушкинское время, и потому для путешествия 1844 г. оказывается исключительно актуальной.¹⁶⁸

В описании Твери, помимо видов Волги, большое место занимают Императорский дворец, улица Миллионная и цепочка тверских площадей. Эти объекты называл и Глушков, но в связи с именем Екатерины II, которая после пожара 1763 г. много способствовала возрождению города. Те

¹⁶⁶ Пушкин. Т. 3, кн. 1. С. 34.

¹⁶⁷ Салимов А. М., Салимова М. А. В поисках пушкинской гостиницы. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2003.

¹⁶⁸ См. об этом подробнее в главе 5.

же самые объекты упоминает и Ишимова, но главный интерес ее описания связан уже не с прошедшим XVIII в., а с текущим XIX в., и даже с недалеким будущим — ожидаемым строительством железной дороги, которая свяжет для путешественников две столицы — древнюю и новую.

Время начинает двигаться с поражающей скоростью, и вчерашнее прошлое Ишимовой буквально на ее глазах становится достоянием истории: «...я не могла не подивиться, как глубока бездна прошедшего. Как быстро скрывается в ней всё, что поглощает она, и как незаметно и самые свежие жертвы принимают в ней один образ с теми, которые уже давно-давно лежали на мрачном дне. Не чудно ли, что великая княгиня Екатерина Павловна, которой прелесть еще памятна для многих, живущих ныне, и император Александр, о котором вся Европа еще говорит как о своем недавнем спасителе, и, наконец, Карамзин, еще, можно сказать, живут среди нас красноречивыми страницами своей истории, что они — еще так недавно живые и современные нам — в неумолимом прошедшем стоят в такой же дали от нас, как и те, которые расстались с землею за несколько столетий прежде них» (И., с. 273). Описываемые в путеводителе Ишимовой материальные предметы не только изменили свой вид и статус — они насыщены теперь иными ассоциациями, иной памятью, и писательница спешит передать эту переживание истории своим юным спутникам.

Еще одно очень важное различие между травелогом Глушкова и Ишимовой заключается в их целевой установке. Дело в том, что материал, отобранный Ишимовой для детского чтения, демонстрирует определенные педагогические установки предлагаемой в книге системы образования и воспитания, выявляя ее познавательные, нравственные и эстетические ориентиры, — однако это, разумеется, не входило в задачи Глушкова. Поэтому сравнение книги, написанной для детей, с текстом-источником позволяет выявить применяемые Ишимовой методы и приемы адаптации материала для детского чтения.

Один из приемов подачи материала, применяемый автором «Каникул 1844 года», — это структурирование текста. Каждый объект подается как бы на двух уровнях. Первый уровень — это общее знакомство с объектом, а второй уровень — это специальное знание: один вариант знания предназначается для детей, а другой — для взрослых. Так, вышневолоцкую водную систему Ишимова описывает в самых общих чертах, упоминая при этом, что обо всех подробностях этого явления можно узнать у знатока — дядюшки Николая Дмитриевича, и он тут же включается в повествование и дополняет ее лаконичный рассказ необходимыми сведениями, адресованными в первую очередь для детей.

Другой прием — введение в повествование занимательных этнографических деталей. Одной из таких деталей является описание праздника в честь славянского языческого бога Ярилы, который в описываемой форме праздновался в самом недавнем прошлом: «Праздник состоял в том, что

выбирали одного человека, украшали его разными цветами, лентами и колокольчиками, надевали ему на голову высокой колпак, также обвитый лентами, и возили с плясками по саду Тресвятскому и по берегам маленькой протекающей в нем речки Лазури» (И., с. 278). Другая деталь — описание народных костюмов и обычаев, в частности *гостьбы* — гулянья молодых подруг, следующего за свадьбой одной из них: «...около двадцати молодых женщин и девушек, в богатых платьях, замечательных по самой странной смеси старых и новых мод, шли весело, разговаривая между собою и не обращая никакого внимания на встречавшихся им» (И., с. 274). Третья деталь — наблюдение за диалектной речью: «Нас очень смешила молоденькая девушка, дочь хозяина той гостиницы, в которой мы обедали. Мы слышали, как она пела, и так уморительно выговаривала иные слова, что Валериан записал их и хочет позабавить ими Анюту, когда воротится в Петербург. Везде, где только у нас „ять“, они ставят „и“, а где „е“ — так у них „я“. И вот оттого и выходят такие слова: „бьсида“ вместо „беседа“; „дивушка“ вместо „девушка“; „лито“ вместо „лето“, а иные слова трудно понять, так она коверкает их» (И., с. 264).

Как видим, локальная культура воспринимается в целом еще не как *другая*, а как искаженная *своя*. Впрочем, в отдельных случаях, когда приобщение к локальной культуре осуществляется через предметы местного промысла, мы видим и иные оценки: «Приятная прогулка сделала чай наш необыкновенно вкусным; Николай Дмитриевич приказал приготовить нам к этому чаю, кроме булок, еще разного рода пряников, которыми славится Тверь. Сколько вкусов, столько и разнообразие форм этих пряников стоят своей славы: в иных и не разберешь, что за фигурки они представляют; в других можно видеть разных рыбок, рыжики, какие-то коронки городские, горох, крупу и наконец, просто коврижки» (И., с. 280).

Наконец, книга Ишимовой отражает специфику детского внимания и восприятия не только опосредованно, через систему установок взрослых, но и непосредственно — в репликах, поступках, эмоциональных движениях детей. Конечно, они описаны взрослым человеком, но они зафиксированы им с натуры, с установкой на документальную точность. Да и сама Ишимова проявляет необычайную чуткость к постигаемой новой культуре: «Я уже не один раз заметила во время путешествия нашего, что во всяком местечке, даже в самом неважном и, по-видимому, непривлекательном, можно найти что-нибудь интересное — стоит только искать его, а не смотреть на всё глазами равнодушными, как делает большая часть путешественников» (И., с. 279).

Принцип чуткого отношения к открываемой читателям локальной культуре и принцип эмпатии, погружения в новое, стали в середине XIX в. основой для становления русских детских травелогов (литературы путешествий). В этом ряду «Каникулы 1844 года» Ишимовой явились одним из первых опытов, реализовавших основные черты жанра детского травелога.

2. Зрительная и фактическая достоверность путешествия

Продолжая наше сопоставление книг Глушкова и Ишимовой, мы обратимся теперь к проблеме достоверности путешествия, то есть к проблеме соответствия травелога изображаемому пространству. Первое, на что следует обратить внимание, это проблема зрительной достоверности изображаемого, то есть проблема соответствия описания реально увиденному материалу.

Как мы уже говорили, путешествие является документальным жанром литературы, поэтому оно обязательно предполагает установку на документальность и достоверность. Вместе с тем, вне зависимости от желания автора, но только в силу необходимости той или иной группировки материала литературное путешествие очень часто нарушает эту установку на документальную точность и достоверность. Если читатель сам не бывал в описываемых местах, он видит их только глазами автора. Если автор почему-то не написал (забыл или к слову не пришлось), что за тем углом открывается такая-то интересная перспектива, то для читателя этого вида просто не существует. Кроме того, автор может иметь сознательную установку на создание образа места, с целью чего он группирует зрительные образы тем или иным способом. В результате этого облик местности искажается весьма существенно.

Рассмотрим пример из путешествия Глушкова. Давая общий обзор Твери и восхищаясь общей панорамой города, Глушков рисует такую картину: «Там из-за синих сосен проглядывает *Малицкий* монастырь, здесь в тумане блещет златоглавый *Желтиков*, недалеко на тихой Тьмаке безмолвствует убежище Христовых невест, близко, под густыми ветвями лип и кленов, окруженный шумящими каскадами, красуется *Архиерейский дом*, еще ближе на крутом берегу Волги виден *воксал*; вокруг же всего разбросаны деревеньки, мелькают загородные дома — и всё это в один миг и на одной плоскости представляется взорам. Посредине сей долины возвышается самый город, не гордостью пышных домов и огромных башен, но привлекательною скромностью, прелестною посредственностью и как бы милою нежностью украшенный» (Г., с. 160—161). Всё это описание является плодом генерализирующей фантазии автора, ибо «всё это в один миг и на одной плоскости» никогда не увидишь, с одной точки все эти объекты никогда не бывают доступны наблюдателю.

Николаевский Малицкий (Николо-Малицкий) мужской монастырь на берегу речки Малицы, впадавшей в реку Межурку — приток Волги, находился около села Николо-Малица на расстоянии 7 км от города, поэтому его нельзя было увидеть из Твери. Тверской Успенский Желтиков монастырь находился около села Борихино (ныне улица Борихино поле) на выезде из современной Твери в сторону Старицы, на расстоянии около 5-ти км, поэтому его тоже нельзя было увидеть из Твери. Значительно ближе к

центру Твери находится Христорожественский женский монастырь, который в настоящее время замыкает улицу Спартака (в середине XIX в. Рождественская слобода, названная так по имени монастыря); хотя от центра города до монастыря 2 км, его нельзя увидеть из центра города. Практически не просматривалась из центра даже резиденция тверских архиереев Трехсвятское с архиерейским домом, находившаяся в конце современной улицы Трехсвятской на берегу реки Лазури. Трехсвятское нельзя было увидеть даже с Восьмиугольной площади на улице Миллионной, потому что ее загораживала горка Фавор, образованная при создании прудов в русле Лазури. Наконец, и публичный сад на берегу Волги Вокзал (между берегом Волги и современной улицей Вагжанова) не был виден в перспективе Миллионной улицы, поскольку понижение почвы в этом месте скрывало его от глаз наблюдателя.

Глушков в описании Твери повторяет тот панорамный принцип, который он применил при описании Торжка: «Строение в нем отчасти каменное, а отчасти деревянное очень порядочное. Лучшее находится на правой стороне Тверцы, расположенное амфитеатром по кособогу, уступами к реке склоняющемуся. Ежели стать у дворца в Затверецкой части, на высокой горе построенного, то каждая улица и дом видны будут в особенности. Множество церквей, гостиный двор, площади, большие и малые преспекты, набережная, на уступах стоящие слободки, сады и движущийся народ в приятнейшем разнообразии вдруг представятся: вот обширная торговая площадь, окруженная каменными, преизрядной архитектуры домами, великолепный из них есть городской магистрат, — смотрите, как величественно тут на горе стоит церковь, — от нее продолжается каменный гостиный двор, имеющий 111 лавок — это деревянные лавки, или другой гостиный двор, а это посредине стоящий столб есть бывший прежде прекрасный фонтан — посмотрите, как хороша набережная и какой крутой вал от нее начинается! Наконец взгляните на монастырь, его огромную церковь, высокие колокольни, стены, башни, сады и после всего согласитесь, что Торжок принадлежит к изрядным городам» (Г., с. 153—154). Однако для описания Торжка панорамный принцип вполне подходит, поскольку город строит на высоких берегах Тверцы и на самом деле амфитеатром спускается к реке. Тверь же расположена на равнине и не имеет ни одной смотровой площадки, позволяющей любоваться ее красотами в совокупности.

Глушков прекрасно понимал фактическую несостоятельность своего описания. Он пишет, что Тверь «расположена на месте весьма прелестном. Представьте себе ровную большую возвышенность...» (Г., с. 160). Но желая дать панораму Твери, он сам же и нарушает принцип правдоподобия. Он дает совокупный образ города, очень яркий и выразительный, но не имеющий отношения к действительности. Следует кстати заметить, что Глушков в своей панораме не упоминает мужской Отрочь Успенский монастырь, который стоял в излучине, образованной впадением в Волгу

Тверцы и который на самом деле был виден с набережной правого берега Волги. То, что бросалось в глаза на левобережье Волги: Отрочь монастырь, красивый комплекс вокруг церкви Воскресения Христова (Трех исповедников) за современным памятником Афанасию Никитину, Екатерининская церковь в Затверечье, — всё это не вошло в это описание. То, что невозможно увидеть не только в совокупности, но даже и по отдельности из центра города, включено в него.

Видимо, именно для того, чтобы избежать обвинений в фактических ошибках, Глушков включает это описание в текст своего путешествия как чужое слово, чужую точку зрения. Вследствие этого вся ответственность за фактическую достоверность с автора снимается. Когда путешественник подъезжает к Твери, он пишет: «Теперь во всем великолепии открывается вид города Твери; прочтите письмо некоторой девицы, писанное оттуда в ответ, можно ли с удовольствием жить в оном городе, и узнайте справедливость ее описания» (Г., с. 159). Далее следует текст письма с приведенными цитатами.

Итак, если какой-то знаток Твери выразит Глушкову претензии за неточность описания, он возразит, что это не его описание, это одна тверская девица так написала. Но если читатель не заметит ошибки, то перед его глазами предстанет впечатляющая картина, весь город в окружении культовой архитектуры и зелени предстанет перед ним как на ладони. Глушков, возможно, потому и сочинил это письмо, что не был в Желтиковом монастыре, расположенном довольно далеко от города и в стороне от дороги из Петербурга в Москву. Едва ли посетил он и Николо-Малицкий монастырь, находящийся рядом с этой дорогой, но на подъезде к Твери, потому что путешественник, костюм которого после длительного путешествия находился в беспорядке, вряд ли хотел наслаждаться историей и стариной.

Исследователи обычно упоминают, что именно в книге Глушкова было впервые опубликовано предание об основании Отроча монастыря, согласно которому монастырь был основан отроком тверского князя Ярослава Ярославича Юрием (Георгием), после того как князь отобрал у него его невесту Ксению.¹⁶⁹ История эта после книги Глушкова стала весьма популярной в литературе и породила множество стихотворных и прозаических переложений. Некоторые исследователи достаточно основательно считают ее выдумкой самого Глушкова. И наш анализ показывает, что таких фактически недостоверных включений в документальный текст автора в книге Глушкова можно найти не одно, а, возможно, и не два. То есть такие фактически недостоверные включения в документальный текст автора являются у Глушкова осознанным приемом построения травелога. Таким образом, следует признать, что Глушков несомненно путешествовал по

¹⁶⁹ *Семячко С. А.* Повесть о Тверском Отроче монастыре. СПб.: Наука, 1994.

Тверскому краю, но так же несомненно, что его травелог не вполне отвечает реальному путешествию.

Текст Ишимовой построен в этом отношении проще. Она, конечно, не создает таких ярко противоречивых описаний, как изображение Твери глазами рассказчицы у Глушкова. Но она сокращает тверские расстояния и значительно приближает все объекты друг к другу.

Ишимова начинает свое описание города с Христорожественского женского монастыря: «Этот монастырь был почти у самого города <...>. Так как город Тверь и весь невелик (не более 4 ½ верст в длину и 3-х в ширину) и мы встретились с нашими маленькими знакомками довольно близко от того места, где была дорога к монастырю, то мы все, известные тебе любители пешеходных прогулок, решились отправиться также за ними и были прекрасно вознаграждены за это. Рождественский монастырь, о котором говорили нам девочки, прелестно лежит на берегу довольно широкой реки Тьмаки, протекающей также в Твери и впадающей в Волгу» (И., с. 276). Мы пока опустим описание монастырских построек, к которым вернемся ниже.

Далее Ишимова пишет: «Сюда бывают летом крестные ходы из Твери, и образ <Тихвинской Божией Матери>¹⁷⁰ в процессии уносится в город и потом в другой монастырь, верстах в 4-х лежащий от Рождественского и называемый *Желтиковым*, где почивают мощи св. Арсения. На эту духовную процессию съезжаются богомольцы не только из окрестностей Твери, но даже из Новгорода и Пскова» (И., с. 277). Речь идет о тверском епископе свт. Арсении, который основал Желтиков Успенский монастырь.¹⁷¹ Итак, между Христорожественским и Желтиковым монастырем, по словам Ишимовой, около 4-х верст. Это справедливо только отчасти, если считать по правому берегу реки против течения. Ишимова же пишет, что икона «уносится в город и потом в другой монастырь», из чего следует, что движение осуществляется по левому берегу. Однако современных

¹⁷⁰ Речь идет об иконе Тихвинской Божией Матери, которая находилась в посвященной ей церкви на другом берегу Тьмаки; церковь не сохранилась, о ее существовании напоминает ул. Тихвинская, уходящая вправо от моста через Тьмаку.

¹⁷¹ Успенский Желтиков мужской монастырь на левом берегу Тьмаки, на подъезде к Твери со стороны Старицы. Основан в 1394 г. архиепископом Арсением († 1409, погребен в соборной церкви; мощи обретенны в 1483, канонизирован в 1547). Первая каменная постройка — Успенский собор (1404, перестраивался в 1654 и 1713—1722). В начале XVII в. разорен польско-литовскими интервентами, но монахи успели скрыть драгоценности. Ишимова со своими спутниками не ездила к монастырю. Однако она могла бы видеть за каменной стеной с двумя угловыми башнями Успенский собор, Алексеевскую церковь (1709), церковь Антония и Феодосия (1709) с примыкавшими к ней братскими и настоятельским корпусами (1837), колокольню с въездными воротами (1833). Монастырь упразднен в 1920-е гг., полностью разрушен в годы Великой Отечественной войны. См.: *Платон, архимандрит*. Историческое и статистическое описание Успенского Желтикова монастыря. Тверь, 1852; Описание второклассного Тверского Успенского Желтикова монастыря. Тверь, 1908.

транспортных магистралей по левому берегу Тьмаки не существовало, движение в сторону Старицы шло через деревеньки, лежащие по берегам извилистой Тьмаки. Таким образом, расстояние между монастырями было значительно больше. Но мы вскоре увидим, зачем Ишимовой нужно было это сокращение расстояния.

Ишимова продолжает свое описание: «Не более как в полуверсте от монастыря Рождественского на берегах той же реки Тьмаки мы видели одно из лучших мест в Твери — *Трехсвятское*. Это местопребывание тверских архиереев, с прекрасным садом, который имеет в окружности не менее трех верст. Архиерейский дом и монастырь Рождественский стоят на возвышении и оттого окружены прекрасными видами во все стороны» (И., с. 277). Для жителя современной Твери ясно, что расстояние от конца улицы Трехсвятской, где она впадает в Тверской проспект, до Христорожественского монастыря вовсе не полверсты, не шестьсот метров, а значительно больше. Более того, строго говоря, Трехсвятское находится не на берегу Тьмаки, а на правом берегу Лазури, недалеко от впадения ее в Тьмаку.¹⁷² Это на самом деле достаточно высокое место, и с него хорошо видна пойма Тьмаки с многочисленными излучинами и островами, которых во время Ишимовой было, видимо, еще больше. Но едва ли то же самое можно отнести к Христорожественскому монастырю, который находится на достаточно высоком, но отлогом берегу Тьмаки, с которого нельзя было в то время увидеть ничего, кроме противоположного берега реки, усеянного огородами мещан и купцов. А уж в противоположную сторону от монастыря — в сторону современной Пролетарки и железнодорожной линии — нельзя было увидеть вообще ничего, кроме леса.

В дальнейшем Ишимова увеличивает свои ошибки. Завершив прогулку по Твери знакомством с садом в Трехсвятском, она заключает: «Нагулявшись в нем и налюбовавшись прелестными видами его окрестностей, мы жалели, что усталость Ольги Дмитриевны помешала нам дойти до Желтикова монастыря, которого золотые главы уже видны были из-за сосновой рощи. Там есть, кроме мощей св. Арсения, две любопытные комнаты: в них жил царевич Алексей Петрович, когда находился под справедливым гневом знаменитого родителя своего. Но как никогда нельзя надеяться

¹⁷² Спас Высокий, или Спасский Загородный Трехсвятский мужской монастырь (первое упоминание 1361) в начале XVII в. был razoren, но в 1744—1752 гг. были построены деревянные на каменном фундаменте кельи и церковь св. Троицы. Когда при пожаре Твери 1763 г. резиденция епископа на территории кремля сгорела, монастырь обратили в архиерейский дом (*Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов). О Трехсвятском и его садах упоминает в своем путешествии 1804 г. Ф. Н. Глинка (*Глинка Ф. Н.* Письма к другу / сост., вступит. ст. и коммент В. П. Зверева. М.: Современник, 1990. С. 120—128). Ср. также очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина «Наш губернский день» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Тверские страницы жизни / ред. Е. Н. Строганова. Тверь, 1996. С. 38).

видеть всё, что есть на свете примечательного и любопытного, то мы на этот раз должны были удовольствоваться тем, что видели в Твери, и отправиться в гостиницу. Было уже около 9-ти часов вечера» (И., с. 279—280). Ишимова ошибается, ибо от Трехсвятского (точнее от архиерейского дома) можно видеть главы Христорождественского монастыря, но никак не Желтикова, который находится на берегах той же Тьмаки, но, как она сама верно пишет, за 4 версты (около 5 км) от Христорождественского монастыря. На таком расстоянии вообще ничего увидеть нельзя. Чем же, в таком случае, вызвана эта ошибка? Случайна ли она или призвана с определенной художественной или прагматической целью?

Как можно судить, Ишимова вновь упоминает о Желтиковом монастыре и сетует, что не смогла его посетить, потому, что она хотела включить в описание города сведения о пребывании в монастыре царевича Алексея Петровича. Существует мнение, что Петр I предполагал заточить своего опального сына царевича Алексея в этом монастыре, однако сведений о длительном пребывании здесь царевича нет. Между тем с царевичем Алексеем в Желтиковом монастыре связывают три комнаты верхнего этажа для проживания и комнаты на первом этаже для кухни и кладовой, хотя они предназначались для царских особ вообще. Поэтому Ишимова и упоминает монастырь, «которого золотые главы уже видны были из-за сосновой рощи». И это звучит смешно: какой высоты должна быть сосновая роща, чтобы от Христорождественского монастыря можно было видеть Желтиков монастырь за 4 версты?

Итак, в чем же смысл такого совмещения объектов и такой неточности Ишимовой? Является ли это простой ошибкой, либо это специальный прием, преследующий определенную цель?

Как нам кажется, Ишимова сознательно совмещает изображаемые объекты, поскольку такое насыщение городского пространства различными объектами оказывается одним из существеннейших принципов демонстрации красоты города. То же самое мы видели и в путешествии Глушкова, из которого мы привели первое описание: оно преследует ту же самую цель. Много объектов — это хорошо, это красиво. Если же много объектов видно с одной точки зрения, с одной позиции — это еще лучше. Многочисленность объектов символизирует степень освоенности пространства, степень его окультуренности. И в принципе, такая репрезентация пространства отвечает современным эстетическим требованиям.

Говоря об ошибках в тексте «Каникул 1844 года», следует учитывать, что Ишимова, возможно, совмещает архиерейский дом Трехсвятское и архиерейскую загородную дачу, которая находилась действительно на небольшом расстоянии от Христорождественского монастыря на территории современного Дворца детей и молодежи (просп. Дарвина, 3). От этого комплекса сохранились остатки парка и каскад прудов, впадающих в Тьмаку и составляющих с ней одно целое. В таком случае большой ошибки в

определении расстояния между монастырем и дачей не будет, хотя всё равно это расстояние не равно полуверсте. Однако едва ли можно сказать, что от этого места открываются во все стороны прекрасные виды. Кроме того, в пользу Трехсвятского свидетельствуют следующие слова: «...возвращусь со всею живостью нынешних впечатлений моих к прогулке нашей по хорошенькой Твери. Сад Трисвятский был окончанием ее» (И., с. 279). Город, как известно, заканчивался Трехсвятским садом в конце современной Трехсвятской улицы, за Лазурью находились пригородные усадьбы. Таким образом, Ишимова дает точное название архиерейскому дому, но это окончательно разрушает и достоверность в измерении расстояний, и достоверность зрительской картины города.

Наконец, отметим еще один очень важный момент. Говоря о близости и как бы о взаимной видимости Христорожественского монастыря и архиерейского дома, Ишимова не упоминает, что между ними в пойме Тьмаки находится весьма красиво расположенная Покровская церковь. Если бы рассказчица на самом деле стояла на берегу Тьмаки в саду около архиерейского дома в Трехсвятском и пыталась бы разглядеть за деревьями на другом краю излучины Тьмаки монастырь, она не могла бы не увидеть прямо у своих ног эту церковь. Но она о ней не говорит. Можно предположить, что поскольку с Покровской церковью не были связаны определенные исторические предания, постольку она и не вызывала никакого интереса со стороны путешественников.

Совершенно по иным причинам не входит в панораму Твери и Отрочь монастырь в книге Глушкова. Стремясь зрительно насытить текст города различными значимыми объектами, Глушков, как мы уже сказали, проходит мимо очевидного и видимого. Причина того, что он не включает в панораму города Отрочь монастырь, заключается в том, что Отрочь монастырь связан в его сознании с легендой об отроке Юрии и дочери священника села Единоново Ксении. Поскольку Единоново лежит по дороге из Твери на Москву, постольку и рассказ об Отроче монастыре переносится на более позднее время.

Таким образом, можно говорить, что достоверность изображаемых автором травелога картин зависит не только от стремления создать репрезентативный текст города, но и от намерения автора распределить информацию по всему тексту более или менее равномерно.

Итак, хотя травелог как документальный жанр имеет установку на достоверность сообщаемых фактов и сведений, эта достоверность во многих случаях может быть поставлена под сомнение. В принципе, литературный травелог можно написать, не выходя за пределы своего кабинета и пользуясь справочниками, описаниями, изобразительными материалами (в предыдущем разделе главы мы говорили как раз о том, что Ишимова широко пользовалась книгой Глушкова). Разумеется, при таком методе работы известные погрешности в описании могут и даже должны появиться.

Если при таком описании автор пользовался фотографиями Эйфелевой башни со стороны Елисейских полей, то он напишет о ней нечто одно; если же он имел фотографию той же башни, но с противоположного берега Сены, его описание будет иным; наконец, если он видел ее только на фотографии от церкви Сен-Кёр (в панораме сверху вниз), то описание будет третьим. Но даже если человек сам побывал на определенной местности, он не обязательно сформирует стереоскопическое представление об объекте. То есть фактическая достоверность описания не обязательно обусловлена самим фактом путешествия.

Хорошо известно, что литературные источники активно формируют у любого человека, а тем более у писателя образ пространства. Например, образ Крыма формировался у поэтов 1820—1830-х гг. под мощным воздействием поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Следующие за Пушкиным поколения русских поэтов видят в Крыму преимущественно то, что уже назвал в своей поэме Пушкин; и если он что-то не увидел или ошибся в том или ином наблюдении, то его незнания и ошибки повторяются потом из стихотворения в стихотворение.¹⁷³

Следует напомнить, что в построении образа пространства Ишимова опирается не только на чужие, но и на свои собственные тексты, в частности на материалы своей книги «История России в рассказах для детей» (1837), которая, впрочем, восходит к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.¹⁷⁴ Позднее некоторые сюжеты из истории России она вновь пересказывала в своем журнале «Звездочка», а в путешествии прямо ссылается на это издание. Вот фрагмент истории великого князя Михаила Ярославича Тверского из путешествия Ишимовой: «Для Лизы же и Валериана всё интересно в Твери: им сказал Николай Дмитриевич, что здесь скончалась бывшая прежде царевна татарская, а потом супруга великого князя Георгия Даниловича Кончака-Агафия. Они давно уже знали историю этой Кончаки из одной небольшой книжечки, которую давала Лизе читать одна маленькая приятельница ее». Тут Ишимова делает примечание: «Кто любопытствует узнать эту историю, тот может прочесть ее в № 2 „Звездочки“ 1842 года». И продолжает: «Известно, что эта замечательная в истории нашей царевна или великая княгиня умерла скоропостижно в Твери, где княжил тогда в<еликий> к<нязь> Михаил Ярославич, прозванный *отечестволюбом*. Георгий Данилович, племянник Михаила, князь хитрый и честолюбивой, женившийся на татарской царевне, сестре тогдашнего хана Узбека, только для того, чтобы достичь до престола великокняжеско-

¹⁷³ Струганов М. В. «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» (и не только Пушкин) // Крымский текст в русской культуре: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 4—6 сентября 2006 г. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. С. 72—88.

¹⁷⁴ Ср.: Ишимова А. И. История России в рассказах для детей. СПб.: Тип. Имп. АН, 1837. Ч. 2. С. 1—9; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4, гл. VII.

го, который в те времена отдавался тому или другому из князей русских единственно по воле хана, — Георгий Данилович воспользовался неожиданною смертью супруги своей и поехал в Орду объявить Узбеку, что она умерла от отравы, данной ей по приказанию великого князя. Молодой, неопытный хан поверил словам клеветника, потребовал к себе Михаила и отдал его на суд вельмож своих, которые все были преданы Георгию как зятю своего государя. Разумеется, несчастный князь не мог оправдаться перед судьями, столь несправедливыми, и умер как мученик в Орде. Это было в 1319 году. Он признан Церковью нашей святым, и тело его, привезенное тогда же из Орды в Москву, а потом по просьбе супруги его в Тверь, почивает в здешнем Преображенском соборе. Вот нам всем очень хотелось помолиться этим мощам, и мы, полные воспоминаний о Кончаке, которой всю историю Лиза подробно рассказала нам, отправились в собор. Он особенно примечателен своею древностью: первоначально его построил этот святой великий князь Михаил Ярославич, который теперь почивает в нем» (И., с. 270—271).¹⁷⁵

Как видим, Ишимова использует свои собственные исторические тексты для знакомства читателя с достопримечательностями Твери. При этом она не скрывает вторичности материала и даже отсылает читателя к первоисточнику. Вообще пользование вторичными материалами, которое принято безоговорочно осуждать, может во многих случаях принести пользу. Отправляясь в путешествия, путешественники обычно знакомятся с литературой, посвященной той местности, куда они направляются. Это позволяет им лучше сориентироваться на местности и выявить те объекты, которые следует осмотреть. Вместе с тем справочники и путеводители, к которым обращается путешественник за предварительной информацией, определяют взгляд путешественника, организуют его восприятие по известным клише и формулам, от которых невозможно избавиться даже в том случае, если путешественник получил сильное зрительское впечатление на месте.

В этом случае встает вопрос о том, на самом ли деле путешественник был свидетелем того или иного события, видел того или иного человека,

¹⁷⁵ Юрий (Георгий) Данилович (1281—1325), князь московский (1303—1325), великий князь владимирский (1318—1322), князь новгородский (1322—1325). Кончака (в крещении Агафья, ?—1318), сестра золотоордынского хана Узбека (ок. 1283—1341). Михаил Ярославич (1271—1318), князь тверской (1282/1285—1318), великий князь владимирский (1305—1318; у Ишимовой ошибка), св. блг. (канонизирован 1549). Мощи обретенны в 1632 г. и находились в Спасо-Преображенском соборе до 1936 г. Ныне фрагмент мощей хранится в храме Михаила Тверского (2002); рака, хранившаяся в Христорожественском монастыре, перевезена в Крестовую церковь в честь 12 апостолов Тверского архиерейского дома (Михаил Тверской. Тексты и материалы / сост., вступ. ст., переводы, подгот. текстов, прим. М. В. Строганова, О. М. Левша. Тверь: Золотая буква, 2005; Тверская епархия [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tver.eparhia.ru/>. Дата обращения: 12.07.2013. Загл. с экрана).

тот или иной объект, либо заимствовал материал из другого описания. Вот описание Глушкова шлюзов на плотинах Вышневолоцкой водной системы: «Хотя и положено накапливать к спуску в вышневолоцких каналах не более 300 судов, однако ж, располагая по благополучной воде, вмещается их иногда до 900, не считая лодок. В то время многолюдство здесь бывает чрезвычайное, все площади, улицы и дома наполняются народом, ибо, кроме обыкновенных водолеев, коренных и необходимых б́арочных служителей, приходят еще из отдаленных краев артели сходочных и лоцманов. Полагая на каждое судно по нужде до 15 человек, возрастает иногда надобность в работниках до такой необходимости, что женщины вступают в сию должность. Нигде не бывает подобного хаоса и деятельности, как здесь в день *спуска*. На рассвете оногo дня, как для известия о спуске ударят в барабан и выставят флаг, всё мгновенно приходит в движение: рабочие садятся в свои места, лоцманы изготовляют снасти, купцы делают расчеты, запасаются поспешно надобностями, всё суетится, всё шумит, везде работа, везде гул раздается — немного, и другая картина! — лишь обыграется спущенной воды вал и пройдет благополучно первая барка, то все стоящие на своих местах лоцманы с рабочими людьми молятся и призывают *Бога в помощь, а Николу в путь*, — потом на барке, назначенной к отвалу, ударяют сильно в потеси, весьма искусно спускаются в шлюзные ворота и на быстром бегу воспевают радостные песни» (Г., с. 149—150).

Сравним с этим описание шлюзов Вышнего Волочка у Ишимовой: «...говорят, что надобно посмотреть Вышний Волочек весною и в начале лета, в дни спуска в каналы судов. Тогда делается во всём городе величайшая суматоха: народ толпится не только по берегам каналов, но даже на всех площадях и улицах, во всех домах и лавках. Каждому есть какое-нибудь дело до отправляющихся судов: иной спешит с ящиком, другой с письмами, третьему надобно получить деньги с отъезжающих купцов, четвертому — отдать их какому-нибудь приятелю. Одним словом, шум, крик, суета на каждом шагу. И эта суматоха начинается на рассвете дня, в который объявят с барабанным боем о спуске и выставят флаг. С приближением решительной минуты город начинает походить на галерею подле вагoнов железной дороги: все рабочие и лоцманы спешат на свои места, все купцы и расстающиеся спешат договорить последние прощанья. Как скоро шлюзные ворота отворятся, все рабочие начинают молиться и призывать *Бога в помощь, а св. Николу в путь*; — в минуту же прохода в ворота на всём быстром бегу барок поют радостные песни» (И., с. 264).

Ишимова и ее выдуманный персонаж Николай Дмитриевич, разумеется, читали дорожник Глушкова и на его основе строили свои экскурсии. Но если начальные эпизоды сравниваемых фрагментов сходны лишь тематически, то финальные части родственны уже и фразеологически, так что текст Ишимовой можно считать прямой цитатой из Глушкова:

...все стоящие на своих местах лоцманы с рабочими людьми молятся и призывают *Бога в помощь, а Николу в путь*, — потом на барке, назначенной к отвалу, ударяют сильно в потеси, весьма искусно спускаются в шлюзные ворота и на быстром бегу воспевают радостные песни. *Глушков*

...все рабочие начинают молиться и призывать *Бога в помощь, а св. Николу в путь*; — в минуту же прохода в ворота на всём быстром бегу барок поют радостные песни. *Ишимова*

Даже в том случае, когда путешественники самостоятельно описывают или толкуют явления, модели этих описаний или толкований совпадают до мелочей. Создается впечатление, что автор второго путешествия как бы ссылается на своего предшественника, но говорит: логика построения его верна, но факты в истории подобраны неверно, следует изложить ситуацию так...

Сравним, как объясняют оба автора происхождение старинного названия города Торжка — *Новый Торг*, которое сохранилось в исторических памятниках и в речевой практике (в прилагательном *новоторжский* и в названии жителей *новотор*, *новоторка*). Глушков пишет: «Когда и кем построен он, неизвестно, однако древность его доказывается тем, что некто преподобный *Ефрем*, бывший прежде в службе у российских князей Бориса и Глеба, по смерти их пришед в начале XI века в сей город, нашел уже его многолюдным; по летописям же новгородцев видно, что он был пограничный город их владений и подвергался много раз первой разорениям от великих князей российских, татар и литвы, а особливо в 1238 году от татарского хана *Батыея*, который, разорив его до основания, жителей всех истребил. Но как место сие по положению реки Тверцы весьма удобно к торговле, то на развалинах города прежние жители с приезжавшими из других селений и производили оную, отчего место сие назвалось *Новый Торжок*, а жители возобновленного вскоре потом города стали именоваться *новоторжцами*» (Г., с. 152).

А вот текст Ишимовой: «*Торжок*. <...> Он очень старинный: летописи наши говорят о нем еще в XII веке. Первую церковь и монастырь построил в нем в 1015 году конюший князей Бориса и Глеба, так несчастно окончивших жизнь свою. Много несчастий перенес в древности и самый Торжок, и всё более за связи свои с гордым Новгородом, который называл себя то *братом* его, то *властителем*. Пять раз он был разорен почти до основания. В последний раз это было в 1606 году. Имя его доказывает, в чем состояла главная слава его, но после разорения 1606 года это доказалось еще гораздо более. После страшного разорения, которому подвергся тогда Торжок от поляков, в нем оставался только монастырь св. чудотворца Ефрема. Вот бедные, разоренные жители начали сходиться торговать с теми поселянами, которые приезжали в церковь монастырскую помолиться Богу. Торги эти шли так удачно, что разоренный Торжок назван был

вскоре в воспоминание прежнего *Новым Торгом*, а жители — *новоторжцами*. Это имя осталось при нем до сих пор» (И., с. 265).

Современные исследователи совершенно обоснованно указывают, что название *Новый Торг* появилось не в XVII в., но ранее разорения города войсками Батыя и было фактически первым названием города. В Новгородской первой летописи название *Новый Торг* упоминается под 1139—1195 и 1197 гг., названия *Новый Торг* и *Торжок* чередуются в записях от 1196 и 1215 гг., а название *Торжок* систематически употребляется после 1215 г. Новым Торгом, вероятно, называлась княжеская резиденция на Верхнем городище, а Торжком — боярская часть города на Нижнем городище.¹⁷⁶ Ср. объяснение названия *Новый Торг* в путешествии И. А. Дмитриева 1839 г.: «Как пограничный город, весьма укрепленный, впрочем, при непрерывных почти ссорах у российских князей с новгородцами и с удельными князьями, Торжок отметил свое существование в нашей истории не славою, не геройством, не блеском сокровищ, но утратами и страданиями, и первый подвергался осадам и разорениям за грехи новгородцев, своих братьев-властителей, испытывал много раз всю силу и жестокость их нашествий; в особенности пять ужасных эпох его разорений и пожаров: 1) от Святослава Ростиславича в 1166 г.; 2) от Батыя в 1237 г.; 3) еще ужаснее и неслыханнее — в жестокую войну тверского князя Михаила Александровича с великим князем московским Дмитрием I Донским, во время кровавых споров за титул великого князя, в 1372 г. (летопись взятие Торжка сравнивает с разрушением Иерусалима; но великий князь Донской отомстил Михаилу Александровичу); 4) от Иоанна Грозного в 1570 г., когда крымцы, сидевшие в одной из башен пленниками, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Иоанна; и 5) от поляков в 1606 г. Но Торжок, с христианскою покорностью перенося тяжкие удары судьбы неотразимой, воскресал из своих развалин с новыми силами и юною жизнью. Разбегавшиеся от меча войны, от голода и моровой язвы, жители Торжка не хотели оставить навсегда прежних своих развалин и, понимая выгоды торговли по своему местоположению при реке Тверце, снова собирались на родные пепелища к Борисоглебскому монастырю, который по обретении мощей чудотворца Ефрема почти всегда оставался невредимым от бывших разорений: преподобный Ефрем крепко хранил и защищал свою обитель. Одна только дерзкая рука поляков в 1606 г. осмелилась посягнуть на святыню, и угодник Божий, для их собственной гибели, не остановил святотатцев. Прежние жители начали близ монастыря производить торги с приезжавшими из других селений для промышленности, а потом и селиться на развалинах старого города. С этого времени Торжок, в воспоминание бывших разорений, нового здесь поселения и торгов полу-

¹⁷⁶ *Малыгин П. Д.* Древний Торжок. Историко-археологические очерки. Калинин: ВООПИК, 1990. С. 17—24. Автор цитирует Новгородскую первую летопись по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000.

чил настоящее свое имя Новый торг, или Торжец, а жители именовались новоторжцами». ¹⁷⁷ Дмитриев использует ту же модель мотивирования названия города, что Глушков и Ишимова, и в этом отношении можно говорить о наследовании им не самого факта, но именно модели построения текста. Вместе с тем Дмитриев, который перечисляет большее число разорений города, чем другие авторы, связывает название Новый торг именно с польско-литовским нашествием начала XVII в., и в этом отношении текст Ишиимовой можно считать восходящим именно к Дмитриеву, а не к Глушкову. Сопоставление всех этих текстов показывает, что Ишимова шла вслед за общей моделью (Глушков и Дмитриев), но содержательно склонялась к версии Дмитриева. Это не значит, что мы ставим сам факт путешествия Ишиимовой под сомнение. Но это значит, что описание путешествия зависит от описаний предшественников, опирается на них или отталкивается от них. И поэтому документальное повествование о путешествии оказывается опытом художественного построения образа пространства.

Вообще совпадения ключевых моментов в построении образа пространства встречаются постоянно. Глушков, в частности, пишет: «*Новоторжская знатность* есть хорошие козлиные кожи, тюфяки, чемоданы, портфели, маленькие бумажники и всякой кожевенной товар» (Г., с. 156). Ему вторит Ишимова: «Теперь в числе произведений новоторжской промышленности и торговли первое место занимают изделия кожевенные: здесь можете вы найти прекрасные козловые кожи и сделанные из нее тюфяки, чемоданы, портфели, кисеты, сапоги, башмаки и туфли, вышитые золотом, серебром и шелками» (И., с. 266). Но то же самое выделяют в Торжке и другие авторы, причем не только проезжие, но и местные жители, как, например, А. М. Бакунин в поэме «Торжок». ¹⁷⁸

Многие авторы указывают на кожевенные изделия как один из главных промыслов новоторов. Однако Ишимова в данном случае следует за Глушковым прямо и непосредственно, как и при описании прохождения барок через вышневолоцкие шлюзы. Вернемся еще раз к цитированным фрагментам. Глушков пишет, что «*новоторжскую знатность*» составляют, то есть: «известность Торжку доставляют». Ишимова переводит этот текст на современный язык, усвоивший новаторские поиски Н. М. Карамзина: «Теперь в числе произведений новоторжской промышленности и торговли первое место занимают». Слово *промышленность* было введено в этом современном значении в русский язык Карамзиным, и во времена Глушкова воспринималось как семантический неологизм. В предыдущей главе мы говорили о том, что Глушков как писатель относился к школе Карамзина. Однако это вовсе не значит, что он вполне преодолел традиционные для XVIII в. архаические обороты.

¹⁷⁷ Тверь 2. С. 223—224.

¹⁷⁸ Бакунин А. М. Собрание стихотворений / изд. подгот. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 104—105.

Далее Глушков пишет: «хорошие *козлиные кожи, тюфяки, чемоданы, портфели, маленькие бумажники* и всякой кожевенной товар». Ему вновь вторит Ишимова: «прекрасные козловые кожи и сделанные из нее тюфяки, чемоданы, портфели, кисеты, сапоги, башмаки и туфли, вышитые золотом, серебром и шелками». Ишимова опять модернизирует и совершенствует текст Глушкова. Кожи *козловые*, а не *козлиные*, и эта форма закрепились в современном языке. Далее перечень изделий у обоих авторов повторяется буквально: тюфяки, чемоданы, портфели, но «маленькие бумажники» заменяются на кисеты, а «всякой кожевенной товар» расшифровывается: «сапоги, башмаки и туфли, вышитые золотом, серебром и шелками». Ишимова берет текст Глушкова и редактирует и совершенствует его, приводя в соответствие с современными литературными нормами. Мы уже говорили, что не ставим подлинность путешествия Ишимова под сомнение. (Более того, известно, что Ишимова неоднократно переезжала из Москвы в Петербург.) Но такую работу, которую она делает с текстом Глушкова, можно сделать и не выходя из кабинета, не совершая никаких поездок. Даже более того: поездка, путешествие должны мешать такой литературной работе.

Еще один пример связан с описанием обоими авторами тверской сладкой выпечки. Глушков сообщает: «Тверской продукт есть *жемки* — крупитчатые, на меду, с разными пряными кореньями, весьма вкусные и как снег белые пряники. Их есть разные виды: *коврижки* (четвероугольные), *рижки* (круглой фигуры), *стерлядки* (рыбки), *жемки* (квадратные маленькие пластинки), *горох* и *крупа*» (Г., с. 166). Ему вторит Ишимова: «Николай Дмитриевич приказал приготовить нам к этому чаю кроме булок еще разного рода *пряников*, которыми славится Тверь. Сколько вкус, столько и разнообразие форм этих пряников стоят своей славы: в иных и не разберешь, что за фигурки они представляют; в других можно видеть разных рыбок, рыжики, какие-то коронки городские, горох, крупу и наконец, просто *коврижки*» (И., с. 280).

Ишимова вновь повторяет и исправляет Глушкова. Во-первых, она отказывается от слова *жемки*, которое у Глушкова имело и родовое («пряники вообще»), и видовое значение («пряники в виде квадратных маленьких пластинок»). А во-вторых, она дает современную форму произношения одного из названий: *рыжики* вместо *рижки*. В-третьих, поскольку это положено самим принципом ее повествования, описание конкретизировано указанием на определенных лиц и ситуацию и таким образом приближено к читателю. И вся эта литературная правка вновь не предполагает, что знания Ишимова были получены в непосредственном путешествии. Напротив, получается нечто прямо противоположное. Кажется, что Ишимова не была в Твери, но прочитала описание Глушкова и не поняла: то ли он запутался в родовых и видовых названиях пряников, то ли это на самом деле так, и сняла слово *жемки*. Ишимова не знала, как произносят в Твери на-

звание одного из видов пряников, и исправила его на литературный лад: *рыжики*. Повторим: Ишимова не один раз бывала в Твери проездом из Москвы в Петербург и обратно. Конечно, она не всякий свой приезд ходила осматривать монастыри города, но лошадей на станции приходилось менять постоянно, следовательно, приходилось и чай пить с местными пряниками. Но свой рассказ она строит так, как будто чай она не пила, а только Глушкова читала.

Последний пример касается описаний вышневолоцкого и тверского говоров. При этом нас интересует не степень адекватности описания диалектных особенностей той или иной местности (лингвистические знания эпохи не позволяли еще описывать диалектные особенности вполне адекватно), а приемы этого описания.

Описание вышневолоцкого говора у Глушкова имеет этнографический характер. Автор сначала отмечает акающий характер говора и весьма справедливо сближает его с московским: «*Наречие* совсем отменно от новгородского и по выговору на *а* ближе подходит к московскому, имея в отмену странные недостатки в ударении». Далее Глушков отмечает напевность женской речи и произнесения ударного [и] на месте литературного [э]: «Вышневолоцкие женщины почти поют сии слова: *жадная, жадобная, нявистушка, да покушай жа; Дядя Пантялий нынешняя лета три путины сходил; Ахти, кармилица, смяриотушка мая! Дивки! пайдиоти ли вы на бясиду?»* (Г., с. 151). Ишимова дает резкую оценочную картину: «Нас очень смешила молоденькая девушка, дочь хозяина той гостиницы, в которой мы обедали. Мы слышали, как она пела и так уморительно выговаривала иные слова, что Валериан записал их и хочет позабавить ими Анюту, когда воротится в Петербург. Везде, где только у нас *ђ*, они ставят *и*, а где *е* — так у них *я*. И вот оттого и выходят такие слова: *бясида* вместо *беседа*; *дивушка* вместо *девушка*; *лито* вместо *лето*, а иные слова трудно понять, так она коверкает их» (И., с. 264—265). Ишимова отмечает то же самое, что и Глушков (произнесение ударного [и] на месте литературного [э], яканье, напевность), даже примеры Ишимова берет у Глушкова: «*бясида* вместо *беседа*; *дивушка* вместо *девушка*» (у Глушкова *дивки*); «*лито* вместо *лето*» (не совсем верно: у Глушкова *лета* женского рода). Но Глушков описывает эти свойства нейтрально, а Ишимова отличие от литературной нормы воспринимает как едва ли не сознательное «коверканье» слова, имеющее «уморительный» эффект.

Воссоздавая тверской говор, Глушков рисует следующую сценку: «Тверское *наречие* чисто и особенно от других приметно по своей учтивой присловице *-ста*. Тверянки разговаривают:

Л. Красная девица! Дома ли ста матушка твоя?

Д. Нету-ста — она-ста ушла в ряд с подсадою.

Л. Чай, вы-ста взбогатели от рассады да огурцов, вить, кажитца, у вас-ста большой огород?

Д. Недрянна-ста велик, однако-ста Бог послал нонича рублей на со-роковину-ста кой рассады, кой ботвиньи-ста.

Л. Да сколько-ста вас у матушки-та?

Д. Троичка-ста.

Л. Ну прости-ста — скажи-ста матушки-та, что Лукишна-кокошница приходила.

Д. Нешто-ста.

Такая повсеместная учтивость доказывает благонравие. Некоторые проезжие заметили, что она простирается до смешной тонкости. Однажды сидевшая до того в молчании с матерью красавица говорила:

Д. Матушка-ста!

М. Ась-ста!

Д. Кошечка на пирашках-ста.

М. Так сгонь-ста.

Д. Ин брысь-ста!» (Г., с. 167—168).

Если еще разговор о рассаде имеет какую-то бытовую мотивировку, то разговор о кошке — это чистой воды анекдот, который вставлен в текст травелога для «отдохновения», как говорили на рубеже XVIII—XIX вв. То есть функция этого разговора имеет не собственно прагматическое, утилитарное, а преимущественно эстетическое значение.

Ишимова свой рассказ о специфике тверского говора строит следующим образом: «Чуть было не позабыла рассказать тебе, милая сестрица, какой смешной разговор вели мы во время прогулки нашей по городу. Мы встретили двух девочек лет по 13-ти, которые куда-то шли за город. Николай Дмитриевич хотел показать, нам, как здесь говорят, и завел с ними разговор: „Куда вы это идете, девочки?“ — „По грибы-ста“. — „А разве вы любите грибы?“ — „Как же, барин, любим-ста“. — Мы не могли понять, что за *-ста* они прибавляют к каждому ответу, и узнали, что это у них такое словцо, которое они из учтивости прикладывают к другим словам своим, как у нас говорят еще многие *да-с*, *нет-с*. Николай Дмитриевич не удовольствовался двумя вопросами, но продолжал их еще далее. И ты знаешь его способность перенять всякую речь? Вот чтоб позабавить нас, начал он говорить, как настоящий тверитянин: „А что-ста, красненькие девочки, я чай, вы много-ста в нынешнее лето грибов набрали?“ — „Нешто-ста, барин“. — „Да что-ста вы делаете из них?“ — „Да нонича-ста так варим да идим, а на зиму-ста шусим“». К этому месту делается примечание: «В тверском наречии произносят иногда *с* вместо *ш*, *ц* вместо *ч*, и наоборот: где надобно сказать *ш*, так часто *с*, и *ч* вместо *ц*». И завершение разговора: „И много нашусили-ста?“ — „Живет-ста“» (И., с. 275).

Как видим, Ишимова вставляет в свое путешествие разговор с девочками на правах анекдота («смешной разговор»), и в этом отношении следует за Глушковым. Между тем язык девочек, в принципе, соответствует тогдашней литературной норме и мало чем отличается от московского, лег-

шего в основу литературного языка. Характеризуя его как особый диалект, Ишимова опирается на современные ей исследования. Так, в год поездки Ишиловой с детьми П. А. Плетнева в Москву в «Русском историческом сборнике» М. П. Погодин напечатал материалы диалектической экспедиции З. Доленги-Ходаковского (1822), который писал: «В трех <областях> вокруг Новгорода и в целом краю оного диалект не имеет ничего особенного и есть один с кривичами. Заглянем в сторону от столбовых дорог, от городов, и услышим домоседов, женский пол и детей разговоры с малою разницею против окрестных жителей Изборска, Полоцка, Вильна, Гродна, Минска, Пинска, Чернигова и озера Селигера. Разница сего диалекта в сравнении с мерицким (т. е. суздальским, ближайшим к письменному) состоит в прибавлении *з* после *д*, изменении *ш* на *ц*, выговаривая *г* не греческою гаммою, но латинским *h* — иногда употребляя *у* вместо *в*, *и* вместо *ђ*. В тверском же и весьском наречии произносится еще *с* за *ш* — *ц* за *ч* — и наоборот, где следует говорить *ш*, то произносят *с*, и *ч* вместо *ц*. Сии изменения около Твери слышны также и в Торопце».¹⁷⁹ Как видим, Ишимова буквально повторяет З. Доленгу-Ходаковского: «в тверском наречии произносят иногда *с* вместо *ш*, *ц* вместо *ч*, и наоборот: где надобно сказать *ш*, так часто *с*, и *ч* вместо *ц*» (И., с. 275). И в качестве примера она приводит разговор маленьких девочек, которые как деревенские жители выступают носительницами диалектных особенностей, исчезнувших в городской среде.

Самая характерная особенность тверского говора, которую подчеркивают Глушков и Ишимова, — это частица *-ста*. Как показывают современные историки русского языка, эта усилительная частица сохранилась, например, в слове *пожалуйста*. Вне зависимости от ее этимологии,¹⁸⁰ это общерусское и достаточно архаичное явление; хотя оно воспринимается как устаревшее и как признак народной речи, оно не было собственно диалектным.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что травелог как документальный жанр всегда ориентирован на представление реальных фактов и ситуаций. Вместе с тем образ пространства в травелоге не обязательно адекватен реальному пространству. Повествователи искажают пропорции, расстояния, изымают из пространства некоторые объекты, чтобы приблизить другие объекты, наиболее значимые для него. На построение текста путешествия (травелог) большое влияние оказывают предшествующие путешествия по тем же самым местам, так что последующие путешествия кажутся пересказом и литературной обработкой предшествующих. В итоге

¹⁷⁹ Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского. Из Москвы 13-го липца 1822 // Русский исторический сборник. М.: Универ. тип., 1844. Т. VII. С. 27.

¹⁸⁰ *Фасмер Макс*. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 741—742.

складывается впечатление, что автор последующего путешествия вовсе даже и не совершал это путешествие, а просто, сидя в своем кабинете, компилировал и излагал своих предшественников, учитывая, конечно, новые знания, которые накопило человечество за истекшее время.

Глава 5
«Дух экзотики»:
русская культура в системе межкультурных коммуникаций

1. Культура повседневности Тверского края в травелогах XIX века

До начала XIX в. традиционная культура и этнография Тверского края фактически не привлекала внимания русских путешественников. Это особенно заметно при сравнении русских дорожных текстов с путевыми записками иностранных путешественников. Травелоги иностранцев начиная с XVI и вплоть до конца XVIII в. пестрят разнообразными замечаниями об образе жизни тверитян, их обычаях, верованиях, праздниках и повседневности. Именно такие заметки составляют большую часть путевых дневников и записок, лишь изредка перемежаясь краткими сведениями географического и статистического характера.

Так, Сигизмунд Герберштейн и Августин Мейерберг, путешествовавшие водным путем, пишут о разных типах рыбацких лодок и способах организации речных переправ,¹⁸¹ Якоб Ульфельдт — о передвижении посуху.¹⁸² Вынужденные остановки во время путешествия побуждают путешественников фиксировать факты культуры повседневности и проявления ментальности автохтонов. Августин Мейерберг параллельно с дневником ведет альбом эскизов, где, помимо ландшафтных характеристик пути, отмечает факты социальной жизни тверской провинции: сухопутный и водный способы передвижения, используемые крестьянами типы судов, архитектурный облик жилых и культовых строений, состояние дорог, лугов и пашен.¹⁸³ Николас Витсен во время остановки в Торжке зарисовывает новоторжские строения (Борисоглебский монастырь, церковь Вознесения), фиксирует традиции новоторжской кухни, особенности местного костюма, социальные нормы поведения, подробно описывает святки в Торжке и праздник Крещения Господня в Городне.¹⁸⁴ Юст Юль и Расмус Эребо запечатлели представление скоморохов в доме тверского коменданта, оставив довольно редкое свидетельство о форме бытования карнавальная культуры в Тверском крае XVIII в.¹⁸⁵ Фридрих Вебер обращает внимание на религиозные обычаи тверитян, делает лингвокраеведческие наблюдения, исследуя взаимодействие карело-финской и русской диаспор.¹⁸⁶ Иначе сказать, иностранцы замечают, видят специфику культуры и этнографии Тверского края.

¹⁸¹ Тверь 1. С. 19—25; Литература Тверского края. С. 160—162.

¹⁸² Тверь 1. С. 26—29.

¹⁸³ Литература Тверского края. С. 171—179.

¹⁸⁴ Тверь 1. С. 33—41.

¹⁸⁵ Тверь 1. С. 45—46.

¹⁸⁶ Тверь 1. С. 54—56.

Понятно, что иностранные путешественники той поры воспринимают жителей Тверского края как носителей *чужого*, чуждого им традиционного сознания и культуры. Эта несхожесть культур провоцирует одновременно острый интерес к чужой традиции и, как правило, столь же острое ее отторжение. Так, в связи с отказом тверитян дать ему лошадей Ульфелдт делает далеко не лестное заключение о русском менталитете: «они достаточно упрямы, непокорны и склонны ко всякого рода порокам»,¹⁸⁷ хотя речь идет о попытке русских крестьян сохранить от расхищения свое скудное добро, а эта черта свойственна людям всего мира (и не только беднейшим слоям населения), поэтому вряд ли она может быть связана с национальным менталитетом. Юст Юль и Расмус Эребо, в тяжком похмелье после радушного пира у тверского коменданта, осуждают склонность русских к обильным возлияниям, хотя на пиру, судя по последствиям, не отставали от русских.¹⁸⁸ Витсена шокирует свободное до разнузданности поведение новоторов во время святок,¹⁸⁹ хотя у него на родине святочное поведение было не менее вольным. Это волное поведение запечатлели, например, ранние жанровые сценки Адриана ван Остаде «В кабачке» (1631, Лувр), «Драка» (1637, ГЭ), «Сельский концерт» (1630-е, П Prado), которые, при всей своей гротескности, написаны на основе реального впечатления от действительности. Таковы же его сцены из жизни современной Витсену Голландии: «Деревенский праздник» (ок. 1652, ГМИИ), «В деревенском кабачке» (1660, Дрезден, Картинная галерея старых мастеров), «Веселый пьяница» (1659), «Таверна» (1662, обе — Гаага, Маурицхейс). Вообще веселый пьяница — это традиционный тип голландской живописи XVII в., о чем свидетельствуют картины Юдита Лейстера «Веселый пьяница» (1629, Гарлем, Музей Франса Халса), одноименная работа Франса Халса (1628—1630, Лувр) и некоторые другие. Что же касается женских типов, иронически сниженно описанных Витсеном, то в один ряд с ними можно поставить образы Ф. Халса: «Малле Бабе» (ок. 1629—1630, Берлин, Государственные собрания), «Цыганочка» (ок. 1628—1630, Лувр) и др.

В этой модальности интереса-непрития у иностранных путешественников возникает тенденция к составлению *каталога наблюдений*. В этом каталоге зачастую соседствуют такие разнородные и в принципе несопоставимые по рангу и масштабу явления, как, например, праздник Богоявления и русский мат (у Витсена). Однако и в этих стихийных каталогах отражаются основные элементы, составляющие традиционную культуру тверитян: зависимость менталитета от погодных условий, циклическое восприятия времени (сезонные циклы), патриархальность семейно-бытовых отношений, культура праздников и культура повседневности.

¹⁸⁷ Тверь 1. С. 29.

¹⁸⁸ Тверь 1. С. 45—46.

¹⁸⁹ Тверь 1. С. 36—37.

В этом смысле именно иностранные травелоги являются одним из первых источников сведений о тверской традиционной культуре и этнографии, как и о русской традиционной культуре и этнографии в целом. Это обстоятельство позже, во второй половине XIX в., побудило русских исследователей, членов Императорского Общества изучения истории и древностей российских, обратиться за свидетельствами об отечественных древностях, наряду с русскими, к иностранным источникам. В этом смысле показательно, что записки датских посланников Андрея Роде (1659) и Юста Юля (1709) были напечатаны на русском языке раньше, чем на языке оригинала,¹⁹⁰ — для русских они были важнее, чем для датчан.

В первых собственно русских травелогах, появившихся на рубеже XVII—XVIII вв., информация о русской традиционной культуре отсутствует. Русские просто не воспринимали русскую культуру как объект для описания. На протяжении всего XVIII в. русский травелог бытовал, за редкими исключениями, в трех жанрах: гранд-тур, ученая экспедиция и представительский вояж. Если в этих жанрах и фиксируется традиционная культура, то непременно культура чужая — народов Европы, Святой Земли или окраинных народов Российской империи.

Культура народов Европы описывается обычно в иностранных травелогах русских дворян¹⁹¹ — эти описания субъективны и стихийны.

¹⁹⁰ Впервые на рус.: *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г., составленное посольским секретарем А. Роде / пер. по рукописи с нем. и предисл. В. Кордта // *Голос минувшего.* 1916. № 7/8. С. 359—398; *Записки Юста Юля*, датского посланника при Петре Великом / извлек из Копенгагенского государственного архива и перевел с дат. Ю. Н. Щербачев // *Русский архив.* 1892. Т. 3, 5, 7, 8, 9, 10, 11. Ср.: «Записки» Юста Юля на языке оригинала впервые напечатаны годом позже: *En rejse til Rusland under tsar Peter; dagbogsoptegnelser af viceadmiral Just Juel, dansk gesandt i Rusland 1709—1711, med illustrationer og oplysende anmaerkninger ved Gerhard L. Grove.* Kobenhavn, 1893.

¹⁹¹ См., например: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697—1699 / изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1992; Записка путешествия генерал-фельдмаршала российских войск графа Б. П. Шереметева в европейские государства, в Краков, в Вену, в Рим и на Мальтийский остров. М., 1773; Журнал путешествия по Германии и Италии в 1697—1699 гг., веденный состоявшим при великом посольстве русском, к владетелям разных стран Европы // *Русская старина.* 1879. Т. 25. Вып. 5. С. 101—132; *Куракин Б. И.* Дневник и путевые заметки // *Архив кн. Ф. А. Куракина.* СПб., 1890. С. 101—204; *Русский путешественник прошлого века за границей: собственноручные письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 г.* // *Русская старина.* 1897. Май. С. 408—423; Июнь. С. 619—632; *Шмурло В. Ф.* Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // *Сборник Русского института в Праге.* 1929. Т. 1/2. С. 5—46; *Ошанина Е. Н.* Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века // *Советские архивы.* 1975. № 1. С. 105—108; *L'ovov N. A.* *Italienisches Tagebuch: Ital'janskij dnevnik* / Hrsg. und kommentiert von K. Yu. Lappo-Danilevskij. Übers. aus dem Russischen von Hans Rothe und Angelika Lauhus. Köln, Weimar; Wien: Böhlau, 1998 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, Neue Folge, Band 13).

Культура Святой Земли отражается в дневниках паломников¹⁹² — здесь субъективный взгляд обусловлен религиозным канонем.

Культура окраинных народов Российской империи становится предметом научного исследования ученых Императорской Академии наук: С. П. Крашенинникова, И. П. Фалька, П. С. Палласа, С. Г. Гмелина, В. Ф. Зуева, И. И. Лепехина, И. Г. Георги.¹⁹³ Шведы, русские, немцы, работая по плану Академии наук, сообща выработали механизм описания чужой традиционной культуры как предмета специального внимания. В своих записях они пользовались вопросниками, которые были составлены с учетом рекомендаций В. Н. Татищева.¹⁹⁴ Выявляя, описывая, показывая обнаруженный «народ», путешественник называл его, затем локализовал в сложившейся физической и ментальной картине мира, определял его место в иерархии «народов».

Однако русские исследователи на протяжении всего XVIII в. не замечали, не фиксировали и не отслеживали факты русской традиционной культуры и этнографии. По мнению ученых Академии наук, русский народ не поддавался типологизации потому, что в территориальном отношении они жили слишком рассеянно, а в этническом были слишком пестрым народом, для того чтобы быть воспринятыми как единый этнос.¹⁹⁵ Однако

¹⁹² Путешествие из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору находящегося при российском посланнике, графе Петре Андреевиче Толстом, священника Андрея Игнатъева и его брата Стефана в 1707 г. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1873. Кн. 3, отдел 5; Путешествие в Святую Землю старообрядца, московского священника Иоанна Лукьянова в царствование Петра Великого (1711) / изд. С. А. Соболевского. М., 1864; Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую Гору, Святую Землю и Египет. 1766—1776 гг. // Православный Палестинский сборник. СПб., 1891. Т. XII. Вып. 3 (36); *Григорович-Барский В. Г.* Путешествие по святым местам в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное. СПб., 1778; Путешествие во Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 годах. М., 1800. См. об этом: *Кобищанов Ю. М.* Встреча христианских цивилизаций в святых местах Палестины и Египта (глазами русских паломников XV—XVIII веков) // Богословские труды. М., 1999. № 35. С. 197—204; *Балдин К. Е.* Русские в святой земле: паломнические дневники как источник // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №2. С. 45—52.

¹⁹³ *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.: Эксмо, 2010; *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи; *Зуев В.* Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году; *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества; *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб.: Тип. Имп. АН, 1771—1805; *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: Тип. Имп. АН, 1799 и др.

¹⁹⁴ *Татищев В. Н.* Общее географическое описание всея Сибири. 1736 // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Географиздат, 1950. С. 38.

¹⁹⁵ *Вишленкова Е. А.* Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» //

главной причиной было, видимо, то, что этнография этого времени еще не имела необходимой оптики для описания не экзотического, а обыденного материала.

Едва ли не впервые в качестве специального предмета внимания и описания русская традиционная культура и этнография возникает в путеводителе И. Ф. Глушкова «Ручной дорожник» (1801). Разумеется, уже в дневниковых записках А. Т. Болотова (1770) были замечания об этнографии и культуре Тверского края, но это был домашний дневник, не предназначавшийся для печати и публичного чтения, поэтому он и не мог оказать никакого влияния на публику. Другое дело книга Глушкова, которая в первом издании была адресована супруге Александра I Елизавете Алексеевне, дочери маркграфа баден-дурлахского Карла-Людвига, которая отправлялась в поездку из Петербурга в Москву на церемонию коронации. Таким образом, импульсом для возникновения этнографической составляющей в русских путеводителях явилась необходимость познакомить *иностранку* с русской культурой. Не случайно позже в расчете на широкого иностранного читателя путеводитель был переведен на немецкий язык, и столь же не случайно первый крупный представительский вояж был совершен Екатериной II, а зарубежные представительские вояжи начались с Петра I. Представительский вояж связан, как можно судить, с просветительскими тенденциями XVII—XVIII вв. Идеальной моделью такого путешествия была книга аббата Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» (1788). Вообще представительский вояж трудно вписывается в собственно русскую традицию, и изображение А. С. Пушкиным сына Бориса Годунова Феодора за изучением «чертежа земли московской» отражает западноевропейское влияние.

При переиздании в 1802 г. книга Глушкова становится фактом русской массовой литературы — путеводителем для широкого читателя, и цель ее по сравнению с той, которую она имела в первом издании, меняется. Отныне она объясняет русскому читателю то, что он сможет увидеть и услышать по дороге из Петербурга в Москву.

Нам пока не удалось выявить ни прямых источников книги Глушкова, ни современных ему прецедентов в этом роде. «Путешествие Екатерины II в полуденный край России» (1786), составленное К. И. Габлицем,¹⁹⁶ в этнографическом отношении с ней несравнимо. Современное наше знание приводит нас к убеждению, что Глушков был первым русским путешественником, который составил историко-культурную и этнографическую карты петербургско-московского тракта, то есть главной дороги между новой и старой столицами. Понимание этого позволяет вполне оценить труд

Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 65, 74.

¹⁹⁶ Тверь 1. С. 134—138.

Глушкова и его огромный вклад в формировании российской национальной идентичности.¹⁹⁷

Глушков описывает традиционную культуру и этнографию четырех губерний, лежащих на петербургско-московском тракте: Санкт-Петербургской, Новгородской, Тверской и Московской, справедливо уделяя самое большое внимание Тверскому краю, поскольку только в Тверском крае путешественник проезжает не только через губернский, но и через два уездных города, меняя лошадей на восьми станциях. Смелость Глушкова-этнографа проявилась в том, что для характеристики жителей Центральной России он применил разработанные Академией наук принципы описания народов имперских окраин: лопарей, самоедов, чухонцев, финнов, тунгусов, татар, калмыков, туркмен и др.

Содержательной разметкой этого картографирования стал принципиально новый вопросник. Если замечания ранних стихийных этнографов — иностранных путешественников XVI—XVIII вв. — носили случайный характер, то здесь мы видим логически упорядоченную программу, ориентированную на целостное представление читателю традиционной культуры и этнографии Центральной России. Программа описаний включает характеристику культуры повседневности, нравов и обычаев, промыслов и «знатности», костюмов и речевого поведения. Именно по этим параметрам читатель Глушкова отныне мог и должен был различать, например, Вышневолоцкий, Новоторжский и Тверской уезды.

Так, в Волочке живут водолеи и лоцманы, в Торжке — купцы, каменщики и штукатуры, в Твери — купцы и дворяне.

Вышневолоцкий продукт — тонкий лен и холсты, новоторжский — чемоданы, портфели и бумажники, тверской — хлеб, пенька, сало и масло.

Вышний Волочек славен рыхлыми булками-валенцами, Тверь — пряниками.

Вышневолоцкие девушки любят поседки с ухажерами до трех часов ночи, новоторжские девушки любят гуляния по крепостному валу, тверские — прогулки по публичным садам и в гостиный двор.

Волочанки носят сарафан, кисейные рубашки и ленту, низанную жемчугом и прикрытую покрывалом; новоторжки носят сарафан, рубашку, стянутую под шей, и кокошник; тверитянки же носят фerezи, спереди застегнутые на пуговицы, рубашку, обнажающую грудь, жемчуга и кокошник.

Волочане акают и якают: *жадная, жадобная, нявистушка*. Новоторы произносят [и] ударный на месте литературного [э] и цокают: «„*Нашей ричи цыци в свицы нит*“ („Нашей речи чище в свете нет“)). Тверитяне говорят чисто.¹⁹⁸

¹⁹⁷ См.: Милюгина Е. Г. «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова в контексте русской литературы путешествий рубежа XVIII—XIX веков // Новоторжский сборник. Вып. 4. С. 445–454.

¹⁹⁸ Тверь 1. С. 145—170.

Разметка этой этнографической карты совпадает с разметкой Петербургско-Московского тракта, потому что именно этим путем следовал массовый путешественник. Именно на этом пути Глушков-этнограф учил своего читателя видеть и слышать. В это же самое время и несколько позднее другие инициативные путешественники, как современник Глушкова Ф. Н. Глинка,¹⁹⁹ осваивали другие пути и делали собственные наблюдения, однако они более индивидуальны и менее поддаются типологизации. Поэтому мы предпочитаем проследить дальнейшее развитие этнографического картографирования Тверского края на материале травелогов Петербургско-Московского тракта.

В 1810 г. этим трактом едет в Петербург М. Н. Волконская, будущая мать Л. Н. Толстого. Главные ее дорожные впечатления — завидовские котлеты, Волга в Твери и новоторжская сафьянная сумочка.²⁰⁰ В этом ряду впечатлений примечательны два рассказа. Один из них — рассказ сторожа Казанской часовни близ Вышнегo Волочка об обретении иконы Казанской Божьей Матери. Рассказывая путешественникам о чуде, сторож, как передает его речь Волконская, подменяет дату обретения образа (70 лет назад) возрастом иконы (около 200 лет), вольно или невольно увеличивая ее возраст и, соответственно, святость в глазах верующих; эта деталь позволяет отнести рассказ к разряду легендарных. Второй текст — устный рассказ «добренькой старушки» о якобы гостившем у нее Александре I. Созданный под свежим впечатлением от пребывания императора в начале июня 1810 г. в Твери у великой княгини Екатерины Павловны,²⁰¹ рассказ хоть и основан на реальных фактах, но подает историю «домашним образом». Эта модальность свидетельствует о фольклоризации событий рассказчиком. Позже образ Александра I обрстет в тверском локальном тексте и другими полумифическими сюжетами: о «пожарских» котлетах, отведенных императором то ли в Осташкове, то ли в Торжке и чрезвычайно ему понравившихся, о катаниях по Твери с принцем Ольденбургским на запятках, о посаженном в тверском парке Вокзал дубе и др.²⁰² Очевидно, всё это фольклорные тексты, однако в качестве фактов народной культуры они в это время еще не осмысляются.

В 1821 г. этим же путем из Москвы в Петербург следует писатель Г. В. Гераков. Самые яркие его впечатления от путешествия — дорожный рябчик в Твери, новоторжский сафьян на подарки и «российский Жиль Блаз» в Выдропужске.²⁰³ Пообедав рябчиком, захваченным из Москвы, Гераков по скудости средств воздержался заказать «с пармезаном макарони» и потому не включился в создание гальяниевского мифа, продуцированно-

¹⁹⁹ Тверь 1. С. 171—240.

²⁰⁰ Тверь 2. С. 73—81.

²⁰¹ См.: Тверь 2. С. 85—103.

²⁰² Там же.

²⁰³ Тверь 2. С. 109—118.

го позднее Пушкиным; зато он успешно поддержал миф о новоторжском сафьяне и, более того, русифицировал (точнее, тверифицировал) мифологему Жиль Блаза.

В 1822 г. диалектологическая экспедиция З. Доленга-Ходаковского уточняет наблюдения Глушкова 1801 г., отмечая чоканье, цоканье, замены с/ш в тверских говорах.²⁰⁴ Однако массовый путешественник, как мы это видим из путевых записок, ни того, ни другого не слышит — он слишком занят кухней, сафьяном и трогательным мифотворчеством местных жителей.

В 1826 г. этой же дорогой едет Пушкин (впрочем, он не доезжает до Петербурга и сворачивает в Псковскую губернию). В известном письме к С. А. Соболевскому от 9 ноября 1826 г. Пушкин предлагает свой путеводитель по тракту:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке.
Жареных котлет отведай (имянно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжелбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарашит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели, -
Влей в уху стакан Шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая. — В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет

²⁰⁴ Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского. Из Москвы 13-го липца 1822. С. 27—28.

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.²⁰⁵

Пушкин описывает путешествие по тракту как кулинарное. Этнографическая разметка здесь сменилась гастрономической, причем с ориентацией в основном на авторскую кухню: Тверь — макарены по итальянскому рецепту Гальяни, Торжок — котлеты по индивидуальному рецепту Пожарской, Яжелбицы — форелевая уха неизвестного повара, и лишь Валдай остался простонародным — с сельдями и баранками.

С одной стороны, эта замена вполне объясняется здоровыми потребностями здорового путешественника, для которого макарены и котлеты и на самом деле важнее дворцов и соборов. С другой стороны, это не любые макарены и котлеты — и потому в кулинарном травелоге Пушкина можно видеть развитие идей Глушкова, который в своей этнографии неизменно отмечал народный локальный продукт. Наконец, это мужской травелог, а для дамы — княгини Вяземской — Пушкин не забывает в той же поездке купить новоторжские шитые золотом шелковые пояса: «Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры...» (ноябрь 1826).²⁰⁶ Казалось бы, что все эти упоминания отражают интерес жителей России к новоторжским традиционным промыслам. Однако ни Волконская, ни Герарков, ни Пушкин не вспоминают о народной традиции. Для них новоторжское золотное шитье — это просто красивые вещи, хотя пока еще этнографические: их покупают именно в Торжке, зная при этом, что в Москве они стоят дешевле.

Традицию кулинарно-сувенирной разметки тракта продолжают писатель П. И. Сумароков и чиновник М. П. Жданов (оба — 1838).

Сумароков восторгается: «Кому из проезжающих не известна гостиница Пожарских? Она славится котлетами, и мы были довольны обедом. В нижнем ярусе находится другая приманка — лавка с сафьяновыми изделиями, сапожками, башмаками, ридикюлями, футлярами и др. Женщины, девки вышивают золотом, серебром, и мимолетные посетители раскупают товар для подарков».²⁰⁷

Ему вторит Жданов: «Торжок — небольшой, но хорошо построенный город. В нем довольно каменных домов и церквей. В Торжке два предмета заслуживают особенного внимания: во-первых, сафьянные изделия, шитые золотом и серебром и развозимые по всей России. Почти все женщины среднего сословия занимаются здесь этой работой. В магазинах, находящихся при гостиницах, товар так же дорог, как в Петербурге и в Моск-

²⁰⁵ Пушкин. Т. 3, кн. 1. С. 34—35; ср.: Т. 13. С. 302—303.

²⁰⁶ Там же. Т. 13. С. 561, франц. оригинал — с. 301.

²⁰⁷ Тверь 2. С. 129—130.

ве; в других же лавках можно получить шитые сапоги, башмаки и прочие вещи гораздо сходнее. Второй предмет относится до гастрономии: в гостинице Пожарской приготавливаются очень вкусные котлеты; они делаются из курицы и тают во рту: советую всем проезжающим чрез Торжок покушать их. Порция, или две котлетки, стоят только рубль. Кстати, хоть и поздно немного, сказать, что на станции Померанье угощают славными вафлями, а в Яжелбицах — форелью».²⁰⁸

Локальный текст города в восприятии этих (да и многих других) путешественников 1830-х гг. сужается до локального текста гостиницы. Котлеты привязаны к гостинице Пожарских уже не по авторству, как у Пушкина — «у Пожарского», а по месту — «в гостинице Пожарских», там же, где сапоги. Значит, котлеты в это время воспринимаются путешественниками как этнографизм — такая же часть местной народной традиции, как и сапоги. В процессе этой фольклоризации пожарские котлеты обрастают легендами, которые привязывают историю их изобретения к разным локасам: Франции, Петербургу, Осташкову, Торжку — и к разным эпохам: Александра I, Николая I и даже Михаила Романовых. Наиболее примечательно возведение «родословной» котлет к князю Пожарскому: существование рецепта на протяжении якобы двухсот лет делает котлеты неоспоримым фактом традиционной культуры, утверждает их в качестве *вечного атрибута* Торжка.

Итак, локальный продукт (*сапоги и котлеты*,²⁰⁹ то есть кушанья и сувенирные изделия местных промыслов) вытесняет из поля зрения путешественника другие факты народной культуры. Глушков в свое время советовал наблюдать во время переездов и прогулок по городу обычаи, нравы, костюмы, речевое поведение, но всё это не входит в «репертуар» гостиницы Пожарских.

Как видим, уроки Глушкова, ориентированные на путешественника, который стремится с помощью путешествия повысить свое образование, по сути дела провалились. Дело в том, что реальный путешественник не слышит и не хочет слышать эти уроки. Продукт местной промышленности как метонимия народной культуры становится предметом своеобразной моды. Эти продукты необходимо было знать, их следовало отведать, их рекомендовалось купить в подарок. «Скажи княгине, — пишет Пушкин 9 ноября 1826 г. П. А. Вяземскому, жене которого он купил в Торжке поясы, — что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы».²¹⁰ Собственно, он говорит о красоте, отвлеченной, оторванной от этнографических корней.

Проблема распада народной традиционной культуры и утраты народных корней была осознана в 1830—1840-е гг. И тогда на государствен-

²⁰⁸ Тверь 1. С. 259—262.

²⁰⁹ Небольсин П. И. 1849 // Тверь 1. С. 326.

²¹⁰ Пушкин. Т. 13. С. 305.

ном уровне возникает идея увековечения российских древностей, которая входила в реализацию государственной политики, основанной на известной уваровской триаде «православие, самодержавие, народность».²¹¹ Ф. Г. Солнцев во время художественно-археологической экспедиции по старинным городам России посещает Вышний Волочек, Торжок, Осташков, Ржев, Тверь, Корчеву и в цикле акварелей запечатлевает тверскую этнографию 1830-х гг.²¹² Эти материалы были опубликованы в издании «Древности Российского государства» (1849—1853), осуществленном при поддержке Николая I. Солнцев готовил рисунки, а подготовку текста осуществили А. Ф. Вельтман и И. М. Снегирев. Значительно больше тверских материалов вошло в альбом Солнцева «Одежды Русского государства» (1869). Консервационный и консервативный характер этого проекта очевиден, как всех других проектов, направленных на «сохранение и возрождение» народных традиций. Но историко-культурное значение проекта представляет нам несомненным, хотя исполненные Солнцевым работы имеют в существенной степени декоративный характер.

Следующий этап освоения этнографического материала в путешествиях по Тверскому краю связан с книгой И. А. Дмитриева, который в своем путеводителе 1839 и 1847 гг. повторяет и дополняет уроки Глушкова для широкого читателя.²¹³

Другим автором, который шел по тому же пути, была А. О. Ишимова. Опираясь на книгу Глушкова, она создает путеводитель для детей (1844).²¹⁴ В нем в адаптированном виде описаны те же явления традиционной культуры, что и у Глушкова. Предполагалось, что дети освоят эти традиции, как и рекомендовал Глушков, во время неспешной прогулки по городу — наблюдая повседневную жизнь простолюдинов, разглядывая их наряды, слушая народные говоры, а вернувшись в гостиницу, в порядке закрепления урока скушают пожарскую котлетку и тверской печатный пряник.²¹⁵ Очевидно, предполагалось, что эти действия взрослых должны заложить в сознании ребенка представления о ценностях народной культуры.

²¹¹ О разных формах реализации этой политики см.: *Песков А. М.* «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М.: О.Г.И., 2007; *Строганов М. В.* 1) «Наше всё». Причины и предпосылки формирования мифа о Пушкине // Искусство поэтики — искусство поэзии: к 70-летию И. В. Фоменко: сб. науч. тр. Тверь: Лилия Принт, 2007. С. 418—428; 2) «Наше всё»: предпосылки и причины формирования мифа о Пушкине // Литература. 2009. № 11. 1—15 июня. С. 26—33; Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы. Тверь: СФК-офис, 2012.

²¹² Тверь 1. С. 255—258, цветная вкладка.

²¹³ Тверь 2. С. 147—267.

²¹⁴ Тверь 1. С. 263—281.

²¹⁵ См.: *Милюгина Е. Г.* «Каникулы 1844 года» А. И. Ишимовой и «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова: из истории формирования русской детской литературы путешествий // Детская литература. 2012. Вып. 8. С. 209—216.

Однако уроки Ишимовой оказались столь же недостаточно убедительными для детей, что и уроки Глушкова для взрослых. Среди детей, которые выросли на книгах Ишимовой и были ровесниками ее подопечных в этом путешествии, был педагог И. Д. Белов (1830—1886). В числе его работ по родиноведению и отечествоведению есть и детский травелог «Поездка на Урал».²¹⁶ Герой этого травелога мальчик Володя отправляется вместе с матерью из Петербурга на Урал. Они делают остановку в Твери, Володя мечтает о тверских пряниках (духовные ценности он во всяком случае не упоминает), но мать не покупает ему пряники, объясняя свое решение его непослушанием. По педагогической системе Белова выходит, что знакомить с традиционной народной культурой через общение с ее артефактами следует лишь послушных детей.

Однако это уже эпоха железнодорожных путешествий, которая заставляет считаться с другими скоростями и законами. Так, Т. Готье по пути из Петербурга в Москву в 1858 г. посещает лишь одну станцию — Бологое. Его наблюдения сделаны в бологовском ресторане: тропические растения, рейнские и бордосские вина, марки английского пива, кроме этого Готье почти ничего не видит. Ничего собственно русского, а тем более собственно тверского здесь нет. И получается, что путешественник не видит тверской провинции, не понимает тверской специфики. На этом фоне совершенно неудивительно, что изделия из новоторжского сафьяна Готье называет тульским саше.²¹⁷ Впрочем, подобную ошибку в то время мог сделать и русский путешественник. Дело в том, что вещь, оторванная от места своего производства, от породившей ее культуры, перестает восприниматься в контексте традиции и становится просто сувениром, данью моде. Артефакты традиции превращаются в предметы массовой культуры.

Как известно, «традиционность культуре дает не вещественный субстрат, а сознание ее носителей»²¹⁸. Строительство железной дороги и дальнейшие технические новшества не разрушили традиционной культуры и сознания ее носителей, но способствовали тому, что она сместилась на периферию внимания стороннего наблюдателя, практически выпала из его поля зрения. Формирование этой тенденции отметил еще Пушкин в своем шутовском кулинарном травелоге, об этом же в середине XIX в. писал Небольсин. Было всё это еще до пуска железной дороги, поэтому причина такой переоценки ценностей кроется не в техническом прогрессе, а в сознании путешественников.

²¹⁶ Белов И. Д. Поездка на Урал // Рождественские рассказы для детей, с рисунками / изд. И. Белова и редакции «Детского сада». Вып. 2. С. 72—103.

²¹⁷ Тверь 2. С. 404.

²¹⁸ Тимошук А. С. Онтология и аксиология традиционной культуры // Журнальный клуб «Интелрос»: Ориентиры. 2006. № 3 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/>. Дата обращения: 12.06.13. Загл. с экрана.

2. Провинциальное глазами столичного жителя

Локальный текст, составляющий содержание путеводителей, декларируется в них как вневременная ценность. Это объективно обусловлено и понятно: не обладай он такой ценностью — незачем было бы отправляться в познавательное путешествие. Однако наряду с априорным признанием локального текста вневременной ценностью авторы путеводителей, как это ни парадоксально, постоянно дают ему историческую (временную) и социокультурную оценку. Впрочем, это тоже понятно: автор как живой, непосредственно воспринимающий пространство человек оценивает всё, что видит и чувствует, с точки зрения своей эпохи, людей своего сословия, круга своих культурных интересов, и эти оценки находят выражение во всём, о чем он пишет. В этом смысле анализируемые травелоги не только содержат уникальную информацию о Тверском крае первой половины XIX в., но отражают и систему представлений о статусе и взаимоотношениях столицы и провинции, характерные для той эпохи.

Прежде всего, *провинция изображается как идиллия*. Если города в описании Глушкова и Ишимовой неповторимы (у Габлица они разнятся главным образом статистическими показателями), то этого нельзя сказать о ямах. Сравним описания этих населенных пунктов, приводимые Глушковым: «Хотилово — многолюдный, хорошо выстроенный ям, в котором находится посредине главной улицы на квадратной площади каменная, изрядной архитектуры церковь с колокольнею и в особом месте деревянный императорский дворец»; «Выдропуск, весьма большой, хорошо выстроенный, имеющий славных лошадей ям, стоит по обеим сторонам реки Тверцы, через которую переезжают по плавучему мосту. На правой стороне сего яма в особом месте находится каменная, хорошей архитектуры церковь, а при выезде на высокой горе — императорской двухэтажной каменной дворец, из которого во все стороны прекрасные видны картины»; «Медное, небогатое село, стоящее по обеим сторонам реки Тверцы, имеет изрядную церковь и против ее каменной императорской дворец; отсюда до Твери 30 верст»; «Воскресенское — новая станция, на которой берут лошадей до Завидова на 31 версту. За сим селением примечательно хорошее помещичье село г. Бема Городня с каменною церковью и императорским дворцом» (Г., с. 146, 151, 158, 168).

Описания ямов у Глушкова типичны: церковь, путевой дворец, благоденствующие крестьяне и ямщики; вследствие этого они практически неразличимы. Характеризуя ям по этим параметрам, автор не всегда точен: так, старый деревянный путевой дворец в Хотилове ко времени написания книги был снесен, а на его месте построена церковь Михаила Архангела (1764—1767, арх. С. И. Чевакинский); новый же каменный путевой дворец (1760-е) в описании не вошел.

Возможно, автор хотел компенсировать недостаточную точность описания ямов картинами народного быта, например, того же Хотилова: «Нет ничего интереснее для городского жителя, как в праздничный день, проезжая мимо какого-нибудь селения, видеть деревенские веселости. Все тогда на улице: ребяташки в белых рубахах толпами прыгают и резвятся — прелестные девушки в красных сарафанах то рядами прогуливаются по селу и поют дышащие чистой любовью песни, то веселятся на качелях, то, составя кружок, под звон скорой русской песни резво пляшут; с ними разделяют веселье щеголивые крестьяне, умильно взглядывают на своих любезных и, будучи награждены благосклонною улыбкою, со всею живостью продолжают игры — а несчастные в любви, удаляясь под тень кудрявой липы, томно выражают в чувствительных песнях тоску огорченного сердца своего — недалеко оттуда пожилые крестьянки любят на легкую резвость дочерей своих, между тем как румяные молодушки нежно переглядываются с мужьями, которые под навесом клетки богатого старосты разговаривают с почтенными сединою старичками, — словом, все тогда веселятся, радуются от чистого сердца и многоразличными, но невинными шутками разгоняют свои годовые заботы и печали» (Г., с. 146).

Бесспорно, читатель запомнит эту картину лучше, чем описанный дворец, в реальности ныне уже не существующий. Но существовала ли эта картина на самом деле? И характеризовала ли она именно Хотилово, а не ям вообще? Автор стремится к тому, чтобы представить благоденствующую, процветающую российскую провинцию: «Чем более въезжаешь во внутренность России, тем многообразнее и привлекательнее покажутся окружности. Нигде не заметишь дикой, ни к чему неспособной земли или болота, но везде увидишь обработанные поля, зеленеющие муравую луга, обчищенные рощи и хорошо выстроенные помещичьи дома» (Г., с. 151).

Подобные интонации восхищенного умиления заметны и в тексте Ишимовой, однако, как и у Габлица, они связаны не с сельским, а с городским текстом: «Кроме многих каналов, в Вышнем Волочке есть еще и река. Зовут ее Цна. В городе есть много красивых строений и 9 000 жителей»; «В 65-ти верстах от Вышнего Волочка явился перед нами прехорошенький городок Торжок <...> В строениях городских заметно, что торговля, а с нею и богатство были всегда принадлежностью Торжка: дома, церкви, гулянья, гостиный двор, большие площади, набережная, сады — всё это богато не по уездному городку, во всём видно, что деньги щедрою рукою сыпались на это устройство. Приятная картина довершается живою деятельностью народа, попадающего на улицах: кажется, все здесь заняты делом, а это так приятно видеть!»; «Торжок отделяется от Твери только 58 верстами. <...> Места по дороге также изменяют вид свой по мере приближения к Твери: они теряют свою возвышенность и делаются плоски и болотисты. Но у самой Твери они вдруг делаются красивы по-прежнему и, можно сказать, еще красивее, потому что оживлены самою величествен-

ною из рек нашей Европейской России — Волгою» (И., с. 265, 265, 267—268).

Порой идеализация провинциальных видов приводит Глушкова к утверждению превосходства провинции над столицей. Впрочем, эти утверждения звучат не из уст автора, а от лица вымышленных персонажей: «Оставляя наружность города, надобно сказать о его здоровом климате, благорастворенном воздухе, тех умеренных летних днях, тихих и светлых ночах, которые здесь целыми месяцами продолжаются, и, прибавя к тому во всём дешевизну, честность нравов, распространяющееся просвещение, незастенчивое обхождение и другие отличности, без пристрастия могу назвать этот прелестный город единственным, несравненным!» (Г., с. 161). Ишимова в этом отношении более сдержанна.

Провинция как ресурс столицы. Представления о богатой и мирной жизни провинциальной России укрепляют авторов путешествий в мысли, что провинция живет только ради того, чтобы обеспечить столицы. Именно так, вслед за Габлицем, трактует Глушков назначение Вышнего Волочка: «Город сей сколько по малолюдству и строению неважен, столько водами, его окружающими, знаменит и для доставления в Санкт-Петербург съестных припасов необходим. <...> Все произведения России начиная от Астрахани, отдаленнейших краев Сибири и из других губерний доходят без помехи до Твери» (Г., с. 148). Глушкову вторит Ишимова, рассказывая о деятельности Петра I: «Предназначив Петербургу быть одним из главнейших портов в свете, он видел, что для успеха внутренней торговли необходимо соединить его с теми внутренними губерниями, из которых можно в изобилии получить всё, что нужно для продовольствия многолюдной столицы. И это соединение сделалось Вышневолоцким каналом — первым из каналов русских» (И., с. 264).

Характеризуя богатый Торжок, Глушков также не упустил случая зачислить его по ведомству материальных ресурсов Петербурга: «Купечество новоторжское, будучи весьма богато, производит великие торги к Санкт-Петербургскому порту хлебом, юфтью, салом и другими товарами; также имеет в городе множество кожевенных, солодовенных и уксусных заводов; да и вообще все жители весьма деятельны: мужчины и женщины занимаются шитьем кожевенных товаров, а некоторые из первых — хорошие каменщики, штукатуры или черепичные мастера» (Г., с. 156). То же читаем и у Ишиимовой: «Надобно сказать, что в этом отношении большим пособием для них <новоторов> всегда было положение их города при судоходной реке Тверце, по которой мимо Торжка проходит каждый год до 4 000 барок. Это доставляет им возможность торговать с Петербургом, Москвою, Малороссиею, Нижним Новгородом и, одним словом, со всеми местами, которые лежат по берегам рек, имеющих сообщение с Тверцою и Волгою, куда впадает Тверца» (И., с. 266).

Аналогичный характер имеют и рассуждения, которые мы находим в главах, посвященных Твери. У Глушкова: «Особливо при въезде в него <город Тверь> из Петербурга встречаете живописную картину. Вы видите в проспекте извивающуюся Волгу, по берегу ее расположена обнесенная валом крепость, потом продолжается в удивительном равенстве и симметрии набережная, из-за нее возвышаются верхи домов, купола церквей, шпицы колоколен; а наконец всё оканчивается темным лесом мачт барочного флота, несущего из отдаленнейших краев России несметные богатства в могущественную столицу Севера»; «Купцы тверские весьма зажиточны и отправляют знатным количеством в Санкт-Петербург на барках хлеб, пеньку, сало, масло и другие товары...» (Г., с. 161, 166). Ишимова этот пассаж о практическом значении Твери для обеспечения столиц замечает обширным эмоциональным рассуждением о значении Волги: «Какое огромное пространство воды, когда подумаешь о всех этих реках и особливо об этой Волге, протекающей чрез восемь губерний на расстоянии 3 350 верст! Как не сказать, что это самая приличная река для нашего величественного отечества?» (И., с. 280).

Объективно правильные и по сути бесспорные, подобные заключения Габлица, Глушкова и Ишимовой настойчиво утверждают, что людские и природные ресурсы провинции обязаны обслуживать столицу. Вследствие этого невольно возникает вопрос: чем же столица оплачивает провинции свою материальную обеспеченность?

Провинция как младшая сестра столицы. Если провинция выступает для столицы как сырьевой ресурс, то столица для провинции является ресурсом духовным. Речь идет и о финансовой поддержке провинции со стороны монархов (Петр I и Екатерина II), благодаря которой процветает культура провинции, и о тех образцах архитектуры, живописи, скульптуры, которыми столица снабжает провинцию. Так, Глушков, описывая императорский путевой дворец в Твери, говорит особо о церкви святой Екатерины, «в которой великолепной алтарь, окруженной 16-ю коринфского ордера колоннами, есть точное подобие алтаря церкви Императорского кабинета в Санкт-Петербурге. Здесь поставлена аллегорическая картина, представляющая благодарную Тверь в выразительном положении к милосердию Екатерины Великой» (Г., с. 163—164).

Речь идет о Екатерининской церкви (1770—1778), которая была устроена в западном павильоне путевого дворца. Живописные работы для этой церкви выполнил Д. А. Крюков, лепнину — Карпов, проект иконостаса — Ф. Ф. Штенгель, а иконы написал В. Л. Боровиковский. Полотно аллегорического содержания, которое составляло часть декора Триумфальных ворот (1787), находится в собрании Тверской областной картинной галереи.²¹⁹ Императорский кабинет, с алтарем церкви которого Глушков

²¹⁹ Горбунова А. Триумфальные ворота в Твери // Тверская жизнь [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/20538.html>. Дата обращения:

сравнивает алтарь Святой Екатерины, был создан в 1704 г. как личная канцелярия Петра I; с 1801 г. — придворное хозяйственное учреждение, ведавшее Кабинетными владениями и имуществами в Сибири и на Алтае, Императорским фарфоровым и стеклянным заводами, Императорской шпалерной мануфактурой, Петергофскими гранильной и бумажной фабриками, Царскосельскими бумажной и обойной фабриками. Сравнение с ним, по мысли Глушкова, должно было послужить высшей похвалой памятнику провинциальной культуры. Отметим еще раз, что в создании последнего принимали участие не только тверские мастера (Штенгель), но и художники российского уровня (Боровиковский). Не принимая в расчет этой информации и противореча себе, еще недавно утверждавшему самоценность провинциальных артефактов, Глушков заявляет, что провинциальное не может встать на одну ступень со столичным, даже если и то и другое сделано руками одного мастера.

Точно ту же информацию повторяет Ишимова — с той лишь разницей, что приписывает ее Спасо-Преображенскому собору: «Императрица Екатерина желала также участвовать в украшении этого знаменитого древностью храма: она построила великолепный алтарь в соборной теплой церкви его во имя св. великомученицы Екатерины. Он походит на алтарь церкви Императорского кабинета у нас в Петербурге. Здесь замечательна аллегорическая картина, на которой представлена олицетворенная Тверь, изъявляющая благодарность свою государыне, оказавшей ей столько благодеяний после пожара» (И., с. 272).

Мы привели эту суждение Ишимовой, чтобы еще раз подчеркнуть, что представление о духовном окормлении столицей провинции устойчиво держалось на протяжении всей первой половины XIX в. Оно выразилось не только в описании памятников искусства, но даже в информации о качелях на Почтовой площади Твери: «На этой площади строят ныне на Святой неделе качели для увеселения народа. Вот еще небольшое сходство с Петербургом. А лет за сорок назад здесь стояли великолепные Триумфальные ворота, поставленные в честь императрицы Екатерины Великой по случаю возвращения ее из южных областей России» (И., с. 272). Описание Триумфальных ворот Ишимова, в отличие от Глушкова, не приводит, однако само упоминание о них выполняет здесь ту же функцию — всё это знаки социокультурного первородства столицы, культурные артефакты, подаренные темной и невежественной провинции щедрой и высокоразвитой столицей. Тексты путеводителей пронизаны подобными сравнениями. В результате возникает впечатление, что их авторы полагали целью путешествия столичных жителей в провинцию не желание найти там нечто новое и неизведанное, но намерение обнаружить кусочек родного, хорошо знакомого — элемент культуры столицы, ее осколочное, миниатюрное отражение.

Помимо этого, провинциальное изображается как *странное*. В свете последнего рассуждения все отклонения от столичного образца, которые невозможно интерпретировать как идиллическое или ресурсное, представляются Глушкову и Ишимовой как явление странное (у Габлица подобные субъективные оценки отсутствуют). Реакция на это странное может быть разной — от удивления до иронии и открытого неприятия: всё зависит от ситуации. Так, замечание Глушкова: «Платье женское у замужних странно; но у девиц весьма прелестно, особливо когда они одеты по-домашнему» (Г., с. 167) — позволяет по-разному рассматривать и оценивать один и тот же артефакт в зависимости от системы сопровождающих его деталей.

Провинциальное признается удивительным, если оно не похоже на столичное и не подпитано им, но непонятной столичному жителю самобытностью превосходит столичные образцы. Именно так Глушков оценивает пение русских ямщиков, сопоставляя его с итальянским бельканто: «Любитель музыки, которой слышал лучших итальянских певцов и виртуозов, поверит ли, что иногда русские ямщики одно колено песни поют 30 верст, от одной станции до другой. Это случается тогда, как судьба определит ехать с удрученным горестью, бедностью и летами ямщиком, который, вспоминая молодечество и желая угодишь езду, начинает с трясущейся бодростью: “Э—эх! — да — хорошо-о-ао-ао — любить — да — дружка — ми-и-и-ла-а-ава харашо — разумнава” — и вдруг, прервав песню, погоняет лошадей: “Эй! ну ты слышишь ли!” — потом опять продолжаешь петь: “Эх — да — хорошо любить... Эй вы родимые! — ну! ну! пашел!” Вот с какими вариациями продолжается во всю дорогу песня» (Г., с. 170).

Это отнюдь не характеристика народного пения вообще — оценки последнего могут быть различными. Если мужское пение Глушков признает своего рода естественным искусством, то женское оценивает иначе: «Первейшее удовольствие мужчин и женщин состоит в песнях, которые мужчины поют громко, но стройно; женщины ж тихо, согласно и весьма жеманно» (Г., с. 150). Ишимова вновь идет вслед за Глушковым, но дополняет его наблюдения конкретным примером: «Вообще вышневолоцкие жители охотники до песен и хорошо поют их: мужчины лучше, нежели женщины, которые очень жеманятся во время пения. Нас очень сместила молоденькая девушка, дочь хозяина той гостиницы, в которой мы обедали. Мы слышали, как она пела и так уморительно выговаривала иные слова, что Валериан записал их и хочет позабавить ими Анюту, когда воротится в Петербург» (И., с. 264). Речь идет о диалектных особенностях речи, естественных для молодой жительницы Вышнего Волочка, не слышавшей иной речи и не имевшей возможности научиться правильному литературному произношению. Но поскольку манеры провинциалки представляются столичным жителям неестественными, жеманными, то и эти особенности речи списываются на жеманность девушки, усиливая иронически сниженную ее оценку.

С той же высокой столичной меркой Ишимова подходит к оценке здания гостиницы Д. Е. Пожарской, построенного в начале 1840-х гг. Петербургские гости достаточно критически оценивают его экстерьер и интерьер, претендующие на столичный изыск и лоск: «Вообрази, милая сестрица, высокие и огромные залы, с окнами и зеркалами такого же размера, с самую роскошною мебелью; все диваны и кресла эластически мягки, как в одной из лучших гостиных петербургских, столы покрыты цельными досками из цветного стекла, занавесы у окон кисейные с позолоченными украшениями. Но хозяйка не выдержала до конца характера изящной роскоши, какой хотела придать своим комнатам: всё это великолепие окружено стенами, не только не обитыми никакими обоями, но даже довольно негладко вытесанными. Такая беспечность имеет в себе что-то оригинально русское» (И., с. 266). В связи с последним тезисом писательницы следует подчеркнуть, что оригинально русское она находит именно в провинциальной культуре, не принимающей столичного органически и сохраняющей собственное свое качество при любых попытках чужеродной культуры изменить его.

Таким образом, в отличие от Габлица, описавшего тверскую провинцию вне каких-либо оценочных категорий, Глушков и Ишимова спешат применить к ней целую систему самых разных характеристик и оценок — от идиллии до элегии, от умиления до резкого неприятия на грани иронии и сатиры. За всеми этими столь разными оценками скрывается напряженный интерес этих писателей к провинциальному как чужому, неизведанному, экзотическому, т. е. по сути к этнографическому.

3. Этнографическое как экзотическое

В тексте Габлица тверская этнография отсутствует. Глушков же и Ишимова в своем интересе к культуре Тверского края показали себя сторонниками культурно-антропологического метода И. Г. Гердера, адаптированного к изучению российской действительности в работах С. П. Крашенинникова, П. С. Палласа, С. Г. Гмелина, И. И. Лепехина, И. Г. Георги и других естествоиспытателей, отправлявшихся по заданию Академии наук в ученые путешествия по России.

Смелость Глушкова-этнографа проявилась в том, что он применил разработанные Академией принципы описания народов имперских окраин для характеристики жителей Центральной России. В результате был создан интересный опыт этнографического описания русских — народа, который до того времени ускользал от внимания исследователей. Переходя от геополитических описаний к этнографическим характеристикам, Глушков детально и точно описывает костюмы жителей, их обычаи, традиционные занятия, указывает на местные отличительные особенности говора.

Так, вышневолоцкие женщины «носят из разных шелковых материй одежду, сзади несколько бористую, спереди пуговицами застегнутую, обложенную кругом цветными лентами, а у богатых золотыми кружевами и позументами, называемую сарафан; рубашки тонкие, кисейные, большею частью длиннорукавные, весьма морщиновато на руку набранные; головной убор — девицы золотую, широкую, иногда низанную жемчугом ленту с цветными широкими назади лопастями, а замужние ту же ленту, но уже с пришитою к ней задницею, сверх которой накрывают голову наподобие большой простыни кисейным, весьма хорошо вышитым покрывалом» (Г., с. 150). Женщины Торжка в своих нарядах еще более патриархальны: «Главная их одежда есть весьма узкий, под шеей плотно стянутый, короткий до колена сарафан из золотой, шелковой или китайчатой материи, а больше из сукна сделанный. Рубашка всегда долгорукавная с набором. На голове низанный жемчугом или золотой кокошник (точная плоскодонная круглая чашка), имеющий сзади на ладонь шириною спуск подзатыльник. В таком наряде внучка с прабабушкой за 200 лет очень сходны, и ужасное преступление было бы сделать какую перемену!» (Г., с. 156). Тверские девицы и женские наряды парадоксально сочетают модные веяния с намерением следовать традиции: «Каждая здешняя девица, имея тонкий стан, носит с длинным, в пол-аршина подолом, наперед застегнутое пуговицами, а назади бористое платье, называемое фезези: у которого маленькая спинка соответствует нынешним С.-Петербургским модным. Рубашка у них тонкая, кисейная, имеет пышные рукава с дорогими из кружев манжетами и обнажает прекрасную грудь, украшенную крупным жемчугом. Высокая грудь подпоясана лентою, из-под которой опускается богатый передник, а голова украшена высокою, низанною жемчугом повязкою. В таком милом наряде, в котором обозначивается стройный стан со всеми его нежностями и с такою ловкою походкою, как тверянки умеют ходить, каждая привлекательна» (Г., с. 167).

Ишимова, описывающая Тверь сорока годами позже, с горечью отмечает смешение в costume жителей русского и иностранного, традиционного и новомодного: «Жаль, что в толпе, попавшейся нам, не было уже ни одной такой: верно, она понравилась бы мне более этих смешных щеголих, разодетых в самые уморительные шляпки с огромными букетами цветов, в платья странного покроя из ярких шелковых материй; но посреди этого безвкусия вас вдруг поразит богатая мантилья, щегольской шарф, выписанные из Москвы или Петербурга» (И., с. 274).

Сожаление Ишимовой станет более понятным, если мы обратимся к российской этнографии 1830—1840-х гг. Именно в эти годы Ф. Г. Солнцев по предписанию президента Академии художеств А. Н. Оленина и по высочайшему повелению императора Николая I работал над материалами к научному труду «Древности Российского государства», описывающему основные памятники истории России. На протяжении двадцати с лишним

лет Солнцев ездил по старинным русским городам, монастырям и церквям, фиксируя памятники истории и культуры. В 1830-е гг. художник, наряду с другими губерниями России, посетил и Тверской край — Осташков, Ржев, Вышний Волочек, Торжок, Тверь. Альбомы его зарисовок и сделанных по ним позже гравюр²²⁰ донесли до нас образы и детали народных костюмов жителей Тверской земли. Появление на свет этого издания связывают обычно с развитием в XIX в. так называемой художественной археологии, родоначальником которой принято считать Солнцева. В рамках нашей темы материалы, собранные художником, можно интерпретировать как живописное путешествие, визуально представляющее наблюдения и зарисовки, впервые сделанные Глушковым и позже дополненные И. А. Дмитриевым, Ишимовой, П. И. Небольсиным и др.

Приведенный Ишимовой пример смещения традиционного и новомодного в костюмах тверичанок можно поставить в один ряд со сделанной ранее характеристикой гостиницы Пожарских — то же странное смешение всего и вся до потери вкуса. С писательницей трудно не согласиться: традиционный костюм на улице губернского города 1840-х гг., наверное, в самом деле воспринимался несовременно, неуместно, чужеродно. Иное дело — традиционный костюм в контексте народного праздника, широких народных гуляний. Такие картины приводит нам Глушков: «Славное девическое гулянье бывает в Твери после Петрова дня 3 или 4 недели сряду. Тогда каждая в прошлой мясоед вышедшая замуж молодая собирает к себе в гости прежних подружек, которых менее 12-ти редко бывает, и с ними, одетыми как можно богаче, прогуливается по улицам, крепостному валу или публичным садам. Прекрасный обряд! 12 или 20 девушек в пребогатых уборах составляют линию, которую ведут две или три молодухи, — какая благопристойность, тихость и учтивость их сопровождает!» (Г., с. 166—167). Речь идет о праздновании дня святых первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня (12 июля) — одного из важных годовых праздников, типичной чертой которого являлись молодежные гуляния.

Этот же обряд, опираясь на текст Глушкова, описывает и Ишимова, уделяя внимание не только костюмам и обычаям тверичан, но и народным танцам: «...здесь бывают по вечерам и пляски, и хороводы, и горелки, которые называются у тверитян разбежками. Есть у них и любимый танец — бланжа, которого происхождение не чисто русское, но ревельское <...> она очень походит на старинные кадрили с вальсом, только вместо вальса в бланже вертятся, держась за одну руку, и оканчивают общим кругом и шеном. Довольно странно видеть вовсе нерусский танец между такими настоящими русскими людьми, каковы тверские мещане, особливо если в

²²⁰ Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I: в 6 отд. и доп. к отд. III. Репринтное издание 1849—1853 гг. СПб.: Альфарет, 2006; Солнцев Ф. Г. Одежды Русского государства. СПб., 1869.

числе их попадутся девушки в старинном наряде тверских горожанок» (И., с. 274). Блѣнжа — это народная пляска в 8 пар, род кадрили, и указывает на тверское бытование слова.²²¹ Таким образом, здесь в очередной раз проявляется желание Ишимовой дать критическую оценку смешению стилей, традиций, нравов. В угоду этому намерению писательница готова пренебречь сведениями, которые всем известны, или исказить информацию, если она не соответствует ее системе. Согласно этнографическим представлениям Ишимовой, провинция призвана, несмотря на взаимодействие со столицей и за границей, сохранять в чистоте и неприкосновенности традиционную народную культуру. Те формы бытования народной культуры, которые во времена Глушкова не вызывали и мысли об их возможном исчезновении или искажении под влиянием чуждых культур, Ишимовой представляются вымирающими, что ее тревожит; иных же форм бытования народной культуры она, очевидно, не видит.

Помимо народных костюмов жителей Тверской губернии, Глушков и Ишимова фиксируют особенности тверских говоров, занятий жителей и местных промыслов. Так, в Вышнем Волочке, по наблюдениям Глушкова, «женщины страстно привязаны к обработке льна и холстов <...> В Вышнем Волочке славятся холсты тонкостью и белизною, также крупитчатые рыхлые булки, называемые валенцы» (Г., с. 150).

Характеризуя новоторжские промыслы, Глушков и Ишимова упоминают «множество кожевенных, солодовенных и уксусных заводов», говорят о том, что «мужчины и женщины занимаются шитьем кожевенных товаров, а некоторые из первых — хорошие каменщики, штукатуры или черепичные мастера» (Г., с. 156). Торговая связь Торжка с другими городами, расположенными по Волге, способствовала товарообмену, а он, в свою очередь, стимулировал развитие в Торжке некоторых видов производства. В городе получили развитие ремёсла: гончарное, плотницкое, кузнечное, золотошвейное, началась выработка сафьяна и заготовка кож для него. Ведущей отраслью промышленности Торжка было кожевенно-обувное производство, предшественником которого считается сафьянное дело. Торжок играл очень важную роль в изготовлении сафьяна, главным образом в заготовке сырья для него. В XVII в. здесь существовал специальный сафьяновый склад, где находились закупленные кожи. Заготовка кож доверялось только знатным людям, и они обязаны были принести присягу на честное выполнение порученного им дела. В конце XVII в. в Торжке появляются мелкие кожевенные предприятия по выработке опоек. В XVIII в. кожевенное производство Торжка расширяется, появляются относительно крупные предприятия по изготовлению юфти. К этому времени в городе увеличилось число сапожников-кустарей. Большинство из них являлись «домниками» и шили преимущественно крестьянскую обувь — цибики и частично

²²¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. С. 96.

сапоги. В первой половине XIX в. кожевенное производство в Торжке расширяется. Общее число кожевенных заводов достигает 71, из них 4 крупных и 67 мелких.

Вторым важнейшим промыслом Торжка было золотошвейное дело. Оно зародилось в Торжке, по народным преданиям, в XIII в. и являлось древнейшим видом русского народного искусства. В 1644 г. по заказу князя Куракина золотошвеи Торжка выполнили для Борисоглебского монастыря лицевое покрывало с изображением Ефрема, шитое шелком, а по краям тропарь, вышитый золотом. Открытие шоссейного сообщения между Петербургом и Москвой с остановкой в Торжке способствовало ознакомлению проезжих с искусством золотошвей, и работы их получили широкую известность и общее признание. В 1790 г. в Торжке насчитывалось до 750 цеховых мастеров-домохозяев; среди них были иконописцы, золотых и серебряных дел мастера, часовщики, сапожники, портные, булочники и пивовары. Работу торжокских мастериц запечатлели А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский, Н. В. Гоголь и др.²²²

Важной достопримечательностью Торжка являются пожарские котлеты. Говоря о гостинице Пожарских, Ишимова отмечает: «...главная слава этой гостиницы заключается не в убранстве ее; нет, ты, верно, не угадаешь в чем, любезная сестрица. В котлетках, которые известны здесь под именем пожарских. Быть в Торжке и не съесть пожарской котлетки кажется делом невозможным для многих путешественников» (И., с. 266). Пожарские котлеты с пушкинских времен и поныне являются брендом Торжка. Это отмечает не только проезжающий через Торжок путешественник Пушкин,²²³ но и новотор А. М. Бакунин:

...предметами
Лакомства барского —
Кормит котлетами
Дочка Пожарского.²²⁴

Среди промыслов жителей Твери Глушков и Ишимова выделяют производство хлеба, пеньки, сала, масла, большие торги разными товарами, рукоделье, огородничество и хождение на барках. Но главная примечательность Твери в глазах путешественников — тверской пряник. «Тверской продукт, — пишет Глушков, — есть жемки, крупитчатые, на меду, с разными пряными кореньями, весьма вкусные и, как снег, белые пряники. Их есть разные виды: коврижки (четвероугольные), рижики (круглой фигу-

²²² Суслов А. А. Город Торжок и Новоторжский район. Калинин: Книжн. изд-во, 1958; Балдина О. Д. От Валдая до Старицы. М.: Искусство, 1968; Суслов А. А., Фомин А. А. Торжок и его окрестности. М.: Московский рабочий, 1983.

²²³ См. раздел 1 главы 5.

²²⁴ Бакунин А. М. Поэмы и проза. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. С. 57.

ры), стерлядки (рыбки), жемки (квадратные маленькие пластинки), горох и крупа» (Г., с. 166). Ишимова вновь солидарна с Глушковым: «Сколько вкус, столько и разнообразие форм этих пряников стоят своей славой...» (И., с. 280).

Тверь была издавна знаменита своими пряниками. Выпекались они самых различных форм и размеров и отличались белизной и изысканным вкусом. Тверские пряничники держали свои магазины не только в Москве и Петербурге, но и в Берлине, Лондоне, Париже. Для изготовления красивого узорного пряника вырезали из дерева специальную форму. Сложные пряничные узоры рисовали иконописцы, а затем их вырезали умелые мастера. Орнамент на досках вырезался углубленный, чтобы на готовом изделии он получился выпуклым. Из-под искусных рук резчика выходили доски с теремами и двуглавыми орлами, огромные осетры и стерляди, птицы, кони, фантастические деревья, цветы, всадники, лебеди, птицы Сирины. Самыми любимыми рисунками были изображения рыб разных размеров и «стерлядь колесом». Этот древнейший пряничный сюжет связан с тем, что когда стерлядь идет на нерест, она в верховьях Волги, на мелководье, отгалкивается хвостом от песка и как бы в виде колеса проходит мелкие места.

Самой большой любовью пользовались тверские пряники, изображающие военных. Как правило, персонажем рисунка был генерал, часто верхом на коне, в треуголке с пышным плюмажем и эполетах, с руками, согнутыми «кренделем»; грудь его была украшена большим количеством звезд и крестов. Легенда связывает этот сюжет с тем, что в 1809 г. на постоянное жительство в город Тверь переехала великая княгиня Екатерина Павловна, сестра Александра I, которая отличалась приветливостью, любила веселье и давала балы, приглашая и дворян, и купцов, и военных. Часто на балах присутствовал сам император, и при нем веселья было еще больше. По Волге устраивались катания на яхте и лодках с музыкантами и песенниками, вечером зажигали иллюминацию и фейерверк. Блестящая свита императора, золотые эполеты и плюмажи генералов, модные и роскошные туалеты дам поразили воображения горожан и нашли отклик в форме пряников. Когда началась война 1812 года, в Твери было сформировано ополчение, видимо, поэтому пряники с изображением генералов назывались наполеонками.

Как видим, пряники различались по сюжетам, декоративному убранству, цвету теста, по размерам. Кроме этих крупных пряников, изготавливались и маленькие четырехугольные прянички, и пряничный горох (он продавался на вес), и фигурные пряники, и большие «почетные» коврижки, о чем и пишут Глушков и Ишимова.²²⁵

Пожарские котлеты, сафьяновые сапоги и тверские пряники — неотъемлемая часть тверского локального текста. Понятно, что в системе культурных ценностей эти артефакты повседневности несопоставимы с ар-

²²⁵ Новая игрушечка. 1999. №40. С. 47—50.

тефактами вечности — старинными храмами и чудесами новейшей инженерной мысли. Однако невозможно не заметить, что артефакты повседневности, отсутствующие в тексте Габлица, для путешественника времен Глушкова уже не менее значимы, чем артефакты вечности. А во времена Ишимовой они начинают активно вытеснять историко-художественные достопримечательности на периферию туристического внимания. Пройдет пять лет после ишимовской поездки в Москву — и путешественник Небольсина при упоминании Вышнего Волочка еще вспомнит каналы и шлюзы, но Торжок уже отождествит лишь с «котлетами и сапогами».²²⁶

Артефакты повседневности становятся такими же вехами в дорожном тексте, как и артефакты вечности. Ими размечено не только текстовое пространство путеводителя, но и локальный текст Тверского края, да и не только Тверского — вспомним знаменитые померанские вафли, яжелбицкие форели, валдайские баранки, крестецкие пироги и проч. Перед такими локальными достопримечательностями и современный путешественник не устоит.

²²⁶ Тверь 1. С. 326.

Глава 6
Ракурсы и рефлексии:
текстуализация культурного пространства России

1. Частное путешествие как документальный жанр

Среди многих типов травелогов особо выделяется тип, посвященный описанию частного путешествия. Таких травелогов в принципе не много, потому что лица, совершающие частное путешествие, обычно не создают связанных повествований о своей поездке. В лучшем случае они описывают путешествие в систематических письмах или дневниковых записях, их которых впоследствии в сознании реципиента и складывается единый текст. Таковы, например, травелоги англо-ирландской писательницы и мемуаристки Марты Вильмот, княжны М. Н. Волконской, немецкого композитора Р. Шумана и некоторых других. Следует, впрочем, учитывать, что все названные лица являются либо деятелями искусства, либо людьми, не равнодушными к слову, поэтому их тексты предполагают ту или иную степень публичности. Совершенно иной характер имеют такие травелоги, в основе которых лежит совершенно частное путешествие, не предполагающее никакой публичности.

Среди текстов о Тверском крае, которыми мы сейчас располагаем, к этому типу относятся два травелога. Первый принадлежит известному писателю, одному из основателей русской агрономической науки А. Т. Болотову. Он совершил поездку из Московской губернии в Кашин в 1770 г. для участия в разделе наследства своего покойного зятя между его второй женой и дочерьми от первого брака, племянницами Болотова. Свои мемуары Болотов адресовал «для своих потомков», то есть детям и младшим родственникам. Будучи писателем, Болотов должен был думать, разумеется, и о более широком читателе, но прямой уверенности у нас в этом нет. В этом травелогe, описывающем частное путешествие, мы находим совершенно иную точку зрения на описываемый материал. Прежде всего, это перемещение из Богородска в Кашин трудно даже назвать путешествием, это просто деловая поездка. Болотов, конечно, описывает дорогу, но он слишком сосредоточен на цели своей поездки, чтобы отвлекаться на описание процесса путешествия. Кроме того, взгляд помещика Московской губернии на помещичью и крестьянскую жизнь Тверской губернии не сосредоточен на выискивании экзотизмов и провинциализмов. Даже если Болотов и замечает таковые, он совершенно равнодушно фиксирует их и не использует их для построения объемных концепций и обобщений: «Я нашел тут дом, совсем отменный от дома г. Баклановского, и обхождение совсем другого рода. Вместо того что там было всё более по-деревенски и без дальних затеев и церемониалов, тут, напротив того, всё было по-московски, всё прибористо, щеголевато и хорошо, и все порядки и обхожде-

нии совсем инаково, нежели в том угле, где жил г. Баклановский и где всё было смешано еще несколько с стариною». ²²⁷ Болотов фиксирует, но не высказывает своих предпочтений: для него сельский дом Баклановского (впрочем, с новомодными садовыми затеями и растениями) и столичные манеры кашинского дома Колычевой равноценны. Как явствует из травелога, Болотов ранее бывал в Кашинском уезде, но это было давно, поэтому все впечатления его от встреченных мест имеют живой, непосредственный характер. Болотов по дороге в Кашин и в самом Кашине постоянно встречает людей, знавших семью его покойной сестры и ожидавших его приезда. В связи с этим Болотов замечает: «Все меня не знаючи знали, а я никого не знал и не ведал» (с. 71). Впервые посетив Кашин, Болотов дает краткое описание города, но он не на экскурсии, и в подробности вдаваться ему некогда.

Второй травелог принадлежит чиновнику Департамента путей сообщения и публичных зданий А. М. Петропавловскому, который совершил путешествие по Тверской губернии в 1852 г. с целью навестить родные места и побывать на могиле недавно умершей матери. Из самого текста совершенно не ясно, кому он адресован, между тем четкая структурированность его и внятность описания свидетельствуют, что он является результатом достаточно длительной работы. В одном месте Петропавловский замечает, что «пишет эти строки спустя уже три года». ²²⁸ На самом же деле работа над записками продолжалась до 1858 г. Однако эта тщательная обработка текста не предполагала доведения его до печати, поскольку в тексте открыто упоминаются многие лица из семьи и домашнего окружения Петропавловского, отдельные детали частной жизни, которые не предполагались к опубликованию. Таким образом, травелог Петропавловского представляет собой наиболее чистую форму частного травелога, поэтому мы будем обращаться в первую очередь к нему.

Петербургский житель Петропавловский родился и до двадцати одного года жил в Тверской губернии. Но с 1834 по 1852 г. он не бывал здесь, поэтому весь текст построен на напряженном сравнении того, что было, и того, что есть сейчас. Подъезжая из Петербурга к Твери, путешественник переезжает Волгу по мосту, который, при всех перестройках, сохранился на том же месте и в наше время: «А вот и мост, переброшенный дивно чрез широкую, быструю, величественную и неукротимую в прежние времена Волгу. На середине этого моста исчезает в настоящее время вся древняя поэзия, возвеличившая и прославившая Волгу в старинных наших песнях. Волга представляется теперь взору путешественника, въехавшего на мост, небольшой речкой» (с. 306).

²²⁷ Тверь 1. С. 80—81. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.

²²⁸ Тверь 2. С. 320. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.

Петропавловский отмечает, что технический прогресс изменяет и историко-культурную перспективу. Волга, которая ранее казалась непреодолимым препятствием для путешественника, с высоты железнодорожного моста кажется на самом деле небольшой рекой, что особенно заметно человеку, приехавшему из Петербурга, где Нева значительно шире.

Далее с железной дороги (в районе нынешней платформы Пролетарская) путешественник видит «Желтиков монастырь, заветную святыню Твери. Правее от него стоит тот же темный бор, который некогда служил рекреационным местом для тверских студентов семинарии» (с. 306). «Темный бор», судя по описанию, должен был занимать площадь от современного парка Пролетарка и до кинотеатра «Мир».

Следующий раздел своего путешествия Петропавловский прямо называет «Воспоминания о прежнем виде местоположения», подчеркивая сопоставление прежнего и нынешнего состояния пространства: «Но напрасно мы будем искать ту молодую сосновую рощу, которая красовалась некогда между монастырями, девичьим <Христорождественский женский монастырь> и Желтиковым, осеняя правый берег излучистой р. Тьмаки. Всё исчезло с лица земли: одно лишь воспоминание осталось о живописно извивающихся в роще тропинках, пересекавшихся в нескольких местах пашнями, засеянными хлебом. Теперь негде уже тверским студентам, как бывало прежде, прогуливаться при восхождении солнца и беседовать с Сократом о бессмертии души или с Платоном о высочайшем существе. Замок и шум водопада, производимого мельничною плотиною, шум, вторичный некогда эхом, отражавшимся от Желтиковского бора при утреннем куковании порхавшей в нем кукушки. Мельницы тут вовсе не существуют, а вместо ее воздвигнуто здание для подъема воды и доставления ее отсюда версты за две с половиной на Тверскую станцию железной дороги посредством подземных труб. Шагах в пятистах от Христорождественского девичьего монастыря, где прежде в густоте лесной развесистые кусты приманивали нас темно-вишневыми, спелыми, сочными и лакомыми ягодами гонобобля, или болиголова, пролегает теперь железная дорога, по сторонам которой остались одни только кочки, покрытые тощим и сухим мхом, закопченным дымом, вылетающим густыми облаками из железных труб паровозов. Свистнул свисток — соловей-разбойник настоящего времени — и поезд как вкопанный стал на Тверской станции» (с. 307). Как видим, всё описание строится на противопоставлении *тогда* и *теперь*. Впрочем, Петропавловский совершенно лишен стремления строить на этом противопоставлении какие-то концепции: либо воспевать технический прогресс, приводящий к усовершенствованию жизни человека, либо элегически оплакивать былую невинность человека, близкого к природе.

Петропавловский не идеологизирует свой травелог, и в этом его исключительное достоинство. Во время учебы в Твери он восемь раз менял жилье, и семь квартир находились в Затьмачье: «Поэтому Затьмацкая часть

и вдоль и поперек протоптана была моими следами. Прошло уже 23 года, как нога моя там не была. Туда стремилось мое желание при выходе из ворот квартиры Алексея Павловича» (с. 311). И чуть ниже: «...мне хотелось повидаться с незабвенными местами моих любимых прогулок, когда я жил в Твери; но места эти, как и люди, в продолжение 23-х лет совершенно изменились» (с. 318). Простодушие рассказчика весьма привлекательно, и читатель с удовольствием следует за ним.

По приезде Петропавловского в родной Кашин сравнительная чуткость усиливается необычайно: «Котловина перед <родным> домом казалась гораздо ниже, а косогор, идущий далее в улицу, гораздо круче, чем он был прежде» (с. 355). Самое большое впечатление производит на автора травелога кашинская церковь Петра и Павла, в которой служил его отец и которая в периоды жизни на чужбине (Тверь, Москва, Петербург) всегда зримо представлялась ему: «Церковь стоит на прежнем месте, но не имеет прежнего вида <...> Большой новой колокол на колокольне звучит громче и сильнее прежнего, но не так звучит, как прежний колокол. Всё изменилось в церкви Петра и Павла, исключая стен и ее фасада» (с. 360). И вслед за этим Петропавловский делает очень важное наблюдение для понимания структуры его травелога: «Удивительное явление в душе человеческой. С этого времени прежний вид церкви редко приходит мне на память, а новый никогда не представляется моему воображению. Затем пресеклось и томительное, на чужой стороне, чувство моей привязанности к этой церкви — чувство, которое не оставляло меня до сего времени ни в Твери, ни в Москве, ни в Петербурге» (с. 360). Приехав встретить былое, родное, любимое, Петропавловский переживает глубокое разочарование. Изменение впечатлений о Волге, изменение окрестностей Твери и самой Твери Петропавловский фиксирует достаточно равнодушно. Но изменения самого родного и любимого он воспринимает не как изменения, но как измену, как обман.

Путешественник, видящий то или иное явление впервые, удивляется ему. Путешественник, приехавший в ранее хорошо знакомые ему места, переживает радость воспоминания. Он может сокрушаться переменам: «...и отправились в свой сад. Тут истинное было для меня наслаждение: каждый кусточек осмотрел я, с каждым деревцом поздоровался; но и тут некоторых не нашел; особенно жаль мне было любимую мою яблоньку, на которой родились превосходные вкусом яблоки; за ней я преимущественно ухаживал, удабривая землю, на которой она стояла; давно, сказали мне, она пропала, верно, сучая обо мне, засохла» (с. 361). Он может радоваться неизменности: «Возвращаясь домой, рассматривал я с особенным вниманием деревянный дом, который стоит рядом с домом Сергея Тихоновича Косухина. Замечательный для меня дом находится в весьма хорошем состоянии; он покрыт и обшит новым тесом. Прежде в нем помещалось духовное приходское училище, в 1 класс которого поступил я учиться с

1 сентября 1816 года. Вся первоначальная школьная жизнь моя представилась воображению моему живою картиною» (с. 364). Но в любом случае он ценит не сам по себе предмет (ни в садовых яблонях, ни в простом деревянном доме нет ничего примечательного), а свою память о том или ином предмете. Иначе сказать, такой путешественник путешествует не столько в настоящем, сколько в прошедшем, и видит всё не столько в нынешнем, актуальном виде, сколько в былом: былой красоте, былом величии, былом простодушии и т. д.

Разумеется, с этой точки зрения описаны не все встреченные во время путешествия объекты. Да и само путешествие предполагало не только посещение мемориально значимых мест, но и знакомство с новыми местами. Дело в том, что Петропавловский со своим отцом и семьей сестры едут из Твери в Кашин через Калязин, и до Калязина они плывут по Волге. Этот путь никому из них не был известен, поскольку все они ранее при поездках из Кашина в Тверь и обратно пользовались сухопутным транспортом, так что это была для них ознакомительная рекреационная поездка. Вполне естественно, что никаких воспоминаний с новыми местами у Петропавловского не было, и в этой части его травелог весьма обычен. Особую ценность придает ему не только редкий способ передвижения — на лодке, что было сопряжено с известными опасностями, но и эта специфическая «мемуарная» точка зрения. Кажется, что даже если бы какой писатель захотел построить на этом свое произведение, он не достиг бы своей цели лучше, чем сделал это не профессионал Петропавловский.

2. Тверской край в «Очерках современной России» И. И. Кольшко

Обращение к книге И. И. Кольшко «Очерки современной России» (1887) чрезвычайно важно для тверского краеведения и отечественного регионоведения. Эти забытые страницы истории Тверского края поистине увлекательны и содержат в себе ценный исторический материал, представленный талантливым журналистом и путешественником.

Иосиф (Иосиф-Адам Ярослав) Иосифович Кольшко (1861—1938) был человеком с ярко выраженными авантюристическими наклонностями. Он пробовал себя как прозаик, драматург, публицист, критик. В сентябре 1882 г. он был причислен к Министерству внутренних дел, тогда же начал печататься в газете «Гражданин». С октября 1889 г. Кольшко является чиновником особых поручений 4-го класса, членом Совета и заведующим хозяйственным отделом Министерства путей сообщения. В 1894 г. он оставил службу из-за подозрения в вымогательстве взяток, но в начале 1900-х гг. вернулся к государственной деятельности, поступив на службу чиновником особых поручений при Министерстве финансов. Кольшко достиг заметного положения в коридорах власти, вступал в рискованные предприятия с акциями, был доверенным лицом С. Ю. Витте, участвовал в думских

играх, в 1916 г. вел малоизвестные переговоры в Стокгольме с представителями Германии о сепаратном мире. К 1930-м гг. его следы затерялись в Европе, где он и умер.

Взятое в целом, литературное наследие Колышко имеет публицистический характер, нередко со скандальным оттенком. Интересна его литературная критика, свободная от социологизирования, которым увлекались многие его современники и предшественники. Актуален для своего времени его цикл «Маленькие мысли», написанный на рубеже XIX—XX вв. с лейтмотивом: «Мы родились в дурной час и развились в переходную эпоху».²²⁹

Внимание к кризисным явлениям переходного периода отличало Колышко с юности и выразилось уже в первой его крупной работе «Очерки современной России».²³⁰ В этой книге он описал предпринятое им в 1880-е гг. путешествие по Тверской, Ярославской и Костромской губерниям. Травелог отразил живой интерес Колышко к культуре, науке, экономике и социальной жизни людей. Большое внимание в «Очерках...» уделено Тверской губернии, при этом главными объектами внимания писателя стали города: Тверь, Торжок, Ржев, Вышний Волочек, Осташков. Особое место занимает в травелоге Нилова Пустынь.

Очерки Тверской губернии у Колышко начинаются с описания артелей сыроварения Н. В. Верещагина. Николай Васильевич Верещагин (1839—1907) — российский общественный деятель, просветитель, сельский хозяин-практик — известен как «отец вологодского масла» (следует, впрочем, заметить, что при жизни Верещагина масло именовалось парижским) и создатель первых русских сыроварных и маслодельных артелей, технологий производства и доставки сливочного масла. Он был старшим братом художника В. В. Верещагина. Н. В. Верещагин проживал в с. Единонове Тверской губернии; здесь же он организовал и сыроваренное производство.

Колышко был весьма любознательным молодым человеком, и в верещагинских артелях его интересовало буквально всё — от жизни и быта крестьян до технологии производства масла и сыров. Колышко с восторгом отзывается о внешнем виде Единонова: «Избы все чистые с наружной резьбой, выкрашенные. Вид людей бодрый, одежда целая даже на ребятишках со здоровыми румяными лицами, целыми кучами со смехом и визгом отворявших нам в каждом селе ворота. Просто любо смотреть» (с. 2). Благополучие и здоровье крестьян журналист считает показателем успешности задуманного сыроделом предприятия.

²²⁹ Цит. по: Мезенцева Л. Литературный календарь // 1september.ru: Издательский дом «Первое сентября» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lit.1september.ru/>. Дата обращения: 10.11.2013. Загл. с экрана.

²³⁰ Колышко И. И. Очерки современной России. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1887. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.

Радует путешественника и прием, который оказал ему сам хозяин — Н. В. Верещагин. Описывая сыроварни и маслобойни, Колышко очень точно рассказывает о процессе производства — кажется, ни одна деталь не ускользает от его взора. Вызывают у него интерес и другие хозяйственные постройки: погребá, ледник, скотный двор, свинарник. Не осталась без внимания и коммерческая сторона дела, а поскольку Верещагин ничего не скрывал от своего гостя, вся эта информация дошла до нас в мельчайших подробностях. Отдавая должное деловой предприимчивости хозяина, Колышко ценит в нем и человеческие таланты: «Вообще, личность самого Н. В. — одна из симпатичнейших. По первому взгляду на его лицо, в его глаза, при первых звуках этого мягкого, высокого голоса, чувствуешь, что он должен быть очень и очень добр. День, проведенный в его обществе и еще в обществе его брата, знаменитого художника, показался особенно приятным. Я давно не испытывал такого отрадного впечатления. Глубокий и положительный ум одного брата и легкое остроумие, грация, художественность в речи другого — сквозили всё время в их речи, и мы болтали о многом и долго» (с. 10).

На следующий день после посещения верещагинских артелей Колышко отправился в Успенский Отрочь монастырь — один из древнейших монастырей Твери. Описав географическое положение монастыря, писатель обращается к его истории и пересказывает известную легенду об основателе обители отроке Григории, его невесте Ксении и князе Ярославле Ярославиче. Попутно Колышко приводит информацию и о значимых деятелях русской истории, имена которых связаны с Отрочем монастырем, — Максиме Греке и святителе Филиппе Московском. Очень важно, что Колышко не описывает монастырский быт и монашескую жизнь, ограничиваясь всего несколькими предложениями: «Монастырь обширен и красив, особенно с противоположной стороны Волги. В церкви Успения не сохранилось никаких более предметов старины. Живопись на стенах и иконы принадлежат уже к новейшему периоду. Иконостас очень высок и богато вызолочен» (с. 12).

Затем Колышко посетил другой древнейший монастырь Тверской земли — Желтиков Успенский мужской монастырь. Поскольку к настоящему времени от этой обители осталось лишь несколько построек, заметки, которые сделал Колышко, обретают значение важного исторического свидетельства. Колышко подробно описывает все постройки Желтикова монастыря. В частности, он приводят ряд надгробных надписей на памятниках: «Есть целые стихотворения, есть и трогательные лаконичные строчки вроде „Здесь погребены все мои надежды“, — или „Дети — матери“, — или „Прости, незабвенная“ и прочие. Читая эти простые слова, нельзя к ним остаться равнодушным; целая история страдания, слез, тоски словно проходит перед глазами; воображение рисует образы и тех, кто покоится под этими холодными мраморами и тех, кто оплакивает их, и самое весе-

лое расположение духа должно уступить место безграничной грусти...» (с. 13).

Колышко подробно рассказывает о церкви Успения Божией Матери, находящейся на территории монастыря, о ее истории, внешнем облике и внутреннем убранстве, перечисляет ее реликвии, представляющие историческую ценность. Вместе с тем он ни разу не упоминает о том, что на территории монастыря находится могила Ф. Н. Глинки, который умер совсем недавно, в 1880 г. Если Колышко осматривал кладбище, он не мог не видеть и эту могилу, но она, как это ни странно, оказывается за пределами его внимания.

Следующая достопримечательность Твери, которую посещает Колышко, — это бумагопрядильная и ситцевая фабрика купцов Морозовых. В 1880-е гг. фабрика Морозовых была одной из крупнейших фабрик вообще в России. Как и при посещении сыроваренных артелей Н. В. Верещагина, Колышко интересуется всеми деталями, начиная с внешнего облика зданий и заканчивая финансовыми вопросами. Он отмечает, как радушно его приняли на фабрике, где к его приезду подготовились довольно тщательно: «Нас встретил предупрежденный уже о нашем посещении, временно заведующий здесь хозяйственной частью, молодой человек самой симпатичной наружности. После обмена приветствиями, мы предложили ему группу вопросов по администрации и ведению дел фабрики, по условию быта рабочих, благотворительных учреждений и пр., которые он записал и обещал нам через несколько дней представить по ним самые подробные ответы» (с. 16). После теплого приветствия Колышко в сопровождении специального человека отправился на экскурсию по фабрике. Первым отделением, которое они посетили, был бумагопрядильный и ткацкий отдел: «Это первая инстанция всего механизма фабрики» (с. 17). Потом Колышко посещает механический цех, и весь процесс производства вызывает у него искренний восторг: «Эти машины, по разнообразию и смелости замысла, — просто изумительны. Железо здесь обращается в тесто, прокальваемое и прорезаемое легче яблока»; «Внизу помещаются кузни. Здесь тоже паровые молоты и молотки делают чудеса. Словом, это отделение совершенствуется до той степени, чтобы самому в скором будущем снабжать фабрику всеми машинами» (с. 18). Далее наш путешественник уделяет внимание и ткацкому, и граверному, и красильному цехам и детально описывает при этом последовательность действий при изготовлении различных тканей.

Помимо производственных процессов Колышко интересуется еще и жизнью рабочих на фабрике, ведь здесь наряду со взрослыми трудятся и дети. Он записывает информацию о том, как строится рабочий день детей, успевают ли они совмещать работу на фабрике с учебой. Ответы на эти вопросы Колышко видит на стенах школы в виде следующих объявлений: «1) Малолетние до 15 лет ходят на фабрику посменно, по 4 часа каждая

смена. 2) Работа начинается в 6 часов утра и кончается в 9 вечера. 3) Ночью малолетние не работают. 4) Всем малолетним вменяется в обязанность посещать школу в свободные от фабричных занятий часы и заниматься в ней по меньшей мере по 3 часа в день. 5) Виновные в нарушении сего правила платят штраф или подвергаются наказанию, т. е. замене одной смены тремя на фабрике» (с. 23). Следует признать, что картина, которая вырисовывается из приведенного объявления, свидетельствует о жестокой эксплуатации малолетних детей до 15 лет, работающих по 4 часа в день. Но если Колышко восторгается устройством производства, то по поводу социально-бытовой стороны жизни он избегает давать оценки. Он просто описывает учебную программу и оставляет по этому поводу содержательные заметки.

Отдельная глава в книге посвящена Вышнему Волочку. Рассказывая о своем путешествии по этому городу, Колышко представляет его гостеприимным и красивым. В начале своего рассказа он обращает внимание читателя на удачное географическое положение города на водоразделе, что до сих пор играет важную роль в его развитии: благодаря этому в городе активно развита промышленная и торговая деятельность. Кроме того, Вышний Волочек является крупным центром легкой промышленности: в городе действуют текстильная, хлопчатобумажная и другие фабрики. С проведением Николаевской железной дороги, однако, как печально замечает Колышко, Вышний Волочек он перестал быть богатым и оживленным городом: «...твердая рука Николая Павловича черкнула по карте России, карандаш соединил Москву с Петербургом, задел Волочек и точно стер его из списка живых. <...> Разом были отняты у него две силы, два источника жизни: и шоссе, и водная система. Товары и путешественники стали пролетать мимо Волочка, как „мимолетное видение“, с остановкой на станции в 5—10 минут. Много городов на Руси подверглись той же участи с нисхождением к нам паровой цивилизации; но Волочек потерял много больше других; его мать-кормилица — Вышневолоцкая система, была смертельно ранена» (с. 155—156).

Описывая городской пейзаж, Колышко восхищается его великолепием. Автор пишет о вышневолоцкой земле, по которой проходит узкий канал, соединяющий водохранилище с Цной и служащий для сплава леса из водохранилища в Цну. Благодаря прекрасным пейзажам Вышний Волочек ассоциируется у Колышко с Венецией и Петербургом: «Эта аллея так хороша, что ее даже странно здесь видеть. По чистоте и красоте деревьев, она могла бы конкурировать с аллеями Царскосельского парка. В стороне от нее есть еще несколько аллей, словом, тут целый парк, разбитый по всем правилам столичного искусства. Меня это, признаюсь, даже поразило. Существование этого парка в таком глухом месте показалось мне несколько странным. Однако, узнав, что парк принадлежит и содержится инженерским округом, я несколько успокоился. Чем дальше я подвигался,

тем больше мне представлялось, что я еду по островам в Петербурге» (с. 157—158).

Не меньшее внимание Колышко уделяет опрятности и красоте самого города, его улиц. Он говорит, что улицы в городе вымощенные, короткие, но прямые и опрятные; дома в большинстве случаев деревянные, с палисадниками, садиками и службами, по характеру более приближающиеся к деревне. В центральной части города находятся почти все присутственные места и учреждения: дума, полицейское управление, управление инженерного округа, пожарная команда, городское училище, школа кондукторов и клуб. Здесь же живет и большинство административных лиц; здесь же находится и лучшее место гуляния — березовая роща, разбитая по узкому, но длинному пространству между шоссе и каналом. Эта роща справедливо может называться украшением города, поскольку дает жителям его редкое удовольствие, особенно летом. В роще есть беседка, в которой играет откуда-то прибывающий оркестр.

Значительная часть очерка о Вышнем Волочке посвящена описанию культовых построек: монастырей, храмов и церквей Вышнего Волочка. Но как и прежде, Колышко пишет только об архитектурном своеобразии построек и о вписанности их в окружающий пейзаж: «...Казанский монастырь виден тотчас по выезде из города. Он раскинут большим четырехугольником в плоской котловине и открыт со всех сторон. За ним местность заметно подымается, и в отдалении, на склоне, красиво виднеется ограда и красные ворота городского кладбища. Это кладбище отдано городом в распоряжение монастыря. Монастырь не имеет ограды. Эту ограду заменяют все постройки монастыря, тесно поставленные по всем четырем сторонам и соединенные еще забором. Собор представляет собой очень красивое сооружение. Он почти квадратный, весь белый, с большим куполом посередине и с множеством маленьких куполов, кругом его расположенных с большим вкусом. Собор — это единственное сооружение в монастыре, стоящее внимания, хотя только извне. Внутренность его тесна и как-то странно сжата; над большей половиной храма висят хоры, производя не совсем приятное впечатление. Иконостас и вся живопись — новая, блестящая, но заурядная, без следа художественности. Все остальные постройки монастыря очень невзрачны и малы, за исключением гостиницы и будущей колокольни. В монастыре есть еще несколько часовен, раскинутых там и сям, и теплая деревянная церковь. Рядом с воротами монастыря, ведущими к большому собору, стоит круглая часовня (теперь церковь) с чудотворной иконой Божьей Матери» (с. 169—170).

Особое внимание в своих «Очерках» Колышко уделяет Осташкову, расположенному на северо-западе Тверского края, на берегу озера Селигер, в 198 км от Твери, в 400 км от Москвы. Это связано с обострением интереса русского читателя второй половины XIX в. к малым городам России. В ответ на этот социокультурный запрос в российской периодике по-

явились краеведческие публикации, среди которых большое место было уделено Осташкову — образцовому, как считали уже в 1850-е гг.,²³¹ уездному городу России: «Уже давно, с начала 60-х годов, стали появляться в печати отдельные очерки г. Осташкова, обратившего на себя исключительное внимание среди прочих городов Тверской губернии... С легкой руки пожарной команды, захолустный уездный городок, стоящий вдали от всех торговых путей, стал привлекать к себе не одних случайных туристов, вызвал заметки о себе не только случайные и отрывочные, а иногда и более и менее полные и систематичные» (с. 203).

Описывая свое путешествие по Осташкову, Колышко попутно излагает историю возникновения города. Опираясь на исторические источники, он пишет о том, что российские междоусобные княжеские «разборки» XII—XIII вв. не миновали этих мест. Новгородцы, чьи пограничные земли находились в непосредственной близости к Москве, давно стремились освободиться от власти великих князей, которые вместе с ярлыком на великое княжение приобретали и право вершить суд над жителями Новгорода по многим спорным вопросам. В ответ на это новгородцы пошли против московского князя. В результате распрей между новгородскими и московскими властями был сожжен город Кличен. Погибший город возродился на новом месте и с новым названием. Кличен можно считать родоначальником Осташковских слобод. По преданию, основателем нового города был рыбак Евстафий, единственный оставшийся в живых житель Кличена. Об этом говорит название главной улицы Осташкова — Евстафьевская.

Осташковское поселение быстро росло, и так возник новый город — Осташков. Правда, до почетного статуса города он дорос только к 1770 г. Как пишет Колышко, «Высочайшим указом 7 ноября 1775 года Осташков присоединен к тверскому наместничеству. С образованием своим Осташков получил и герб, представляющий собой щит, разделенный пополам: в верхней части, в красном поле виден до половины черный двуглавый орел, в нижнем, в голубом поле — три серебряные рыбы, три ерша, как называют их осташковцы» (с. 221).

Колышко отмечает, что Осташков исключительно богат водными ресурсами, замечая при этом сложную экологическую обстановку в городе: «Город Осташков лежит на берегу знаменитого озера Селигера (вытекает Волга), на полуострове, очень резко вдающемся в озеро, и с трех сторон окружен водой. Масса воды в Селигере и в озерах близлежащих делает климат Осташкова слишком влажным, а болотистый грунт, сверх того, развивает и небольшую сырость. Потому климат Осташкова далеко не здоров» (с. 206). Ошибка, которую допускает в данном месте Колышко, в высшей степени странна. В его время было уже достоверно установлено, что Волга берет начало не так далеко от Осташкова и Селигера, в болоте у

²³¹ Тверь 1. С. 409—415.

деревни Волго-Верховье. И почему он допускает такую ошибку, совершенно не ясно.

Исследуя Осташков и его окрестности в его геософской, ландшафтной и социокультурной специфике, Колышко описывает планировку города, своеобразие здешних улиц, домов и прочего: «Прямолинейность этих улиц — это первое, что бросается в глаза в Осташкове. Поистине такой правильной планировки города, включая в то число и столицы, нет даже в заграничных городах. В этом виде Осташков выстроился при Екатерине II. Говорят, когда спросили императрицу, как строить Осташков, она взяла лист бумаги, начертила несколько параллельных линий и несколько перпендикулярных к ним. „Вот так!“ — сказала императрица, и буквально так выстроился Осташков» (с. 207). Регулярная планировка Осташкова на самом деле резко бросается в глаза, однако в России по плану Екатерины II было перестроено подобным же образом несколько городов. Осташков же строился не на пустом месте, но статус города он до этого не имел и каменных зданий тоже, поэтому перестройка его по регулярному плану не могла вызвать больших затруднений.

Здесь Колышко повторяет тот же образ, который он использовал и при описании горестной судьбы Вышнего Волочка после постройки железной дороги: там тоже рука монарха начертала прямую линию и стерла город с лица земли. Создается впечатление, что Колышко выступает с антимонархистских позиций, хотя на самом деле это просто броский прием радикальной журналистики, неоднократно, видимо, использовавшийся и ранее. На самом же деле, и в судьбе Осташкова, и в судьбе Вышнего Волочка на определенных этапах их развития воля монархов имела решающее значение. А технический прогресс на самом деле имеет свойство уменьшать пространство и властно вторгаться в судьбу отдельных локусов, и царская воля здесь не причем. Через Торжок железная дорога не прошла, но судьба его стала от того не менее трудной.

Силуэт Осташкова во многом определяется рядовой частнособственнической застройкой (ко времени Колышко в Осташкове появились и каменные здания) и церквями с высокими колокольнями конца XVII—XVIII вв. Среди них особо выделяются Воскресенская церковь (1689), Троицкий собор (1697), Вознесенская церковь (1731—1748, перестроена в 1887—1889) бывшего Знаменского женского монастыря (основан в 1673), барочная колокольня (1789) бывшей Преображенской церкви (1762).

Колышко не оставляет без внимания и экономику города, и ремесленные промыслы его населения: «Главные роды промысла — выделка кож и сапогов, кузнечный промысел и рыболовство. Все эти три рода промыслов истекают прямо из положения города Осташкова. Окруженный громадными лесами, он имеет обилие древесной коры и каменного угля, необходимых для выделки кож и для кузнечного дела» (с. 222). Жители Осташкова, называющие себя осташами, издавна занимались рыбо-

ловством и связанными с ним промыслами: сетевязание, судостроение, шитье сапог-, „осташей“ для рыбаков. Широкое развитие получили кожевенное производство, сапожный, кузнечный, медницкий (изготавливали свои самовары) и ряд других промыслов, а также торговля. Из истории известно, что в тот период в Осташкове существовало 30 заводов и фабрик, в том числе 20 кожевенных заводов. Описывая достоинства продукции кожевенных заводов, Колышко пишет о широкой известности ее за границей, в частности в Англии, где ценилось осташковское качество выделки кожи, которое не могли достичь ни в одном кожевенном заводе Европы, и поэтому выделанная в Осташкове кожа закупалась англичанами огромными партиями.

Из истории города известно, что наиболее широкое развитие в Осташкове получило кожевенное производство, об этом пишет и Колышко: «Кожевенное производство города Осташкова известно далеко за пределами этого глухого уезда. Оно питает тысячи жителей и придает внешнему виду города известную самобытность» (с. 219). На тот период здесь их существовало в количестве двадцати. Выделка кож производилась в специальных кожевенных избах, некоторые из которых постепенно превратились в небольшие заводики с числом рабочих до десяти человек.²³² Отмечая выделку из кож как главный промысел жителей Осташкова, Колышко упоминает купеческие фамилии Савиных и Мосягина. Савины и Мосягины в большом количестве поставляли кожу в столицы. Производство сосредоточивалось в руках этих крупных предпринимателей, первое место среди которых занимали Савины. Им принадлежало несколько заводов, в том числе бумагопрядильня, черепичный завод и чугунолитейный, открытый в 1862 г. Процветание завода братьев Савиных в Осташкове способствовало развитию и росту самого города: улучшилось состояние дорог, улиц, а маленький городок в Тверской губернии приобрел широкую известность не только в России, но и за рубежом.

Колышко обращает свое внимание и на экологию города, отмечая тот громадный вред, который наносят экологическому состоянию многочисленные заводы и фабрики, в частности кожевенные заводы, существовавшие в тот период на осташковской земле: «Летом, особенно в жару, по городу царит сильное зловоние от избытка кожевенных заводов, и терпятся жителями все бедствия от неимения свежей и чистой воды. Происходит это от того, что все кожевенные заводы расположены по берегу озера кругом города, а заводчики мочат в воде сырые кожи. Весь жир, вся шерсть, словом — вся гниль и мерзость остаются в воде, а так как она в озере стоит, то и грязь, понятно, в ней стоит. В тихую летнюю погоду, говорят, нужно с полверсты отъехать от берега, чтобы выпить стакан сносной воды, без вони, без грязи и без шерсти» (с. 206). Однако замечания Колышко, повто-

²³² Города России: энциклопедия / гл. ред. Г. М. Лаппо. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 144.

ряющие во многом замечания предшествующих авторов, писавших об Осташкове,²³³ не вполне справедливы. Современные исследователи считают, что старый завод Савина работал на чистом органическом сырье и потому не нес в себе экологической опасности.²³⁴

Кроме очерка экономического развития города, Колышко приводит интересные сведения и об этнографической самобытности Осташкова, которая заключалась в особенностях костюма горожан, празднествах и обрядах. При этом он не преувеличивает степень местной самобытности оставшей: «Оригинальность костюма только и есть, что головной убор, состоящий из жемчужного кокошника, имеющего вид цилиндра, с отгибом назад и с подбором над бровями... Из сохранившихся осташковских свадебных обрядов могу указать только на сохранившийся и поныне обычай дарения невесте на стоворе денег, да на присутствие свиной головы на свадебном столе, впрочем, в весьма редких случаях» (с. 235). Следует заметить, что Колышко буквально повторяет те этнографические сведения, которые приводит в своем очерке Осташкова видный тверской статистик Н. И. Рубцов.²³⁵ Однако он вводит эти сведения таким образом, что подозрений в заимствовании у другого автора не возникает. Колышко несомненно читал очерк Осташкова, опубликованный Н. И. Рубцовым в 1863 г., но он пишет об этом так, как будто он и перепроверял эти сведения и сам был свидетелем существования этих обычаев. Поэтому читатель с полным доверием относится к множеству других интересных исторических данных о самобытности города, экономике, культурной жизни и многом другом, которые содержатся в заметках Колышко.

Образ Осташкова стал для Колышко поводом и для размышлений о русской «глубинке»: «Русь велика и обильна, и много в ней непечатых ни пером, ни лопатой, ни чем иным — углов. А в этих углах гнездится такая бездна своеобразностей, странностей и всяких „собственных“ черт, такой богатый материал и для художника, и для писателя, и для афериста, что подчас и в тупик становишься над массой самых неожиданных и разнородных впечатлений... Снаружи всё гладко, всё точно застыло под покровом общей спячки, а чуть копнешь только в глубь, просверлишь хотя самое маленькое отверстие в этой одноцветной горе, как оттуда глянет целый мир, и только успевай схватывать да наматывать на ус десятки явлений, населяющих этот мир, одно другого ярче и разнообразнее, но и бесконечно, как в калейдоскопе» (с. 204). Русская провинция у Колышко только внешне однообразна и мертва; настоящая жизнь России во всем ее разнообразии хра-

²³³ См., напр.: *Слепцов В. А.* Письма об Осташкове.

²³⁴ *Петропавловский. Б. И.* Осташков и Осташковский район: краткий исторический очерк // Тверские авторы: электронная библиотека [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tverlib.ru/trl_tvizavt.htm. Дата обращения: 10.11.2013. Загл. с. экрана.

²³⁵ *Рубцов Н.* Очерк Осташкова // Памятная книжка Тверской губернии. 1863. Тверь, 1863. Отд. 3. С. 181.

нится именно в провинции, и это весьма не традиционный взгляд на провинцию для русского интеллигента конца XIX в.

В своей книге Колышко подробно описывает святыни города: «Церквей в Осташкове четыре, монастырей два: Знаменский — женский и Житенный — мужской». Особое внимание Колышко уделяет Смоленскому Житенному мужскому монастырю, который был расположен на одном из островов вблизи Осташкова. Эта скромная, прекрасная в своей простоте обитель представляет собой один из старинных и удивительных памятников архитектуры, духовных центров Верхневолжья. Монастырь стоит в окружении вод озера Селигер. Основанный в 1716 г., он был посвящен главной высокопочитаемой местной святыне — Смоленской иконе Богоматери Одигитрии, защитнице и покровительнице Осташкова. В 1853 г. на средства бывшего в то время городского головы купца Федора Савина и на деньги, собранные среди горожан, построили широкую дамбу, соединив остров с материком. Дамбу обсадили по сторонам в четыре ряда березами. По сей день сохранилось несколько старых деревьев. По мостикам тропинка шла дальше на Кличен, где по праздникам водили хороводы. До сих пор оба эти острова остаются излюбленным местом гуляний горожан.²³⁶

Характеризует Колышко и церкви: «Самая старинная церковь в Осташкове — это Воскресенская. Построена она была в 1689 году, для крестьян Осташковской Иосифовской слободы, т. е. принадлежавшей Волоколамскому Иосифову монастырю, взамен прежней деревянной, тут же стоявшей трехпрестольной церкви этого же имени» (с. 208). Воскресенский собор, о котором пишет автор, — один из самых больших в Тверском крае. Он был построен в 1677 г., а вскоре вблизи Воскресенского собора в 1685 г. заложили Троицкий собор. Соборы были первыми каменными строениями Осташкова, по стилистическим признакам они принадлежат к ярославской школе зодчества.²³⁷ Колышко так рассказывает об этом в своей книге: «Спустя 8 лет, после постройки Воскресенской церкви, рядом с ней выстроена была Троицкая соборная церковь, и ныне обе они обнесены общою красивою оградой, состоящей из чугунной решетки на каменном цоколе, с тремя резными, готической архитектуры воротами» (с. 208).

В 30 км от Осташкова на противоположном берегу озера Селигер расположен монастырь Нило-Столобенская пустынь. Он издавна обращал на себя внимание всех посещавших Осташков. Нилова пустынь — мужской монастырь, расположенный на острове Столбном — месте, где прожил 27 лет преподобный Нил. Сам остров получил такое название (Столбный) из-за своей формы, похожей на столб, а по другой версии, на нем стоял языческий жертвенный столб. Путешествуя по городу Осташкову, Колышко отправляется на остров Столобный, где «монастырь открывается во

²³⁶ Города России: энциклопедия. С. 142. В настоящее время монастырь существует как женский Богородичный Житенный.

²³⁷ Там же. С. 144.

всём своем величии, как будто выросший среди волн, со своей высокой колокольной и огромными зданиями белого и бледно-голубого цвета... Золоченые купола, засверкали тысячами искр стекла в громадном фасаде зданий келий...» (с. 216).

Колышко обращается и к истории этой богатейшей в России обители: «В расстоянии получаса езды от города по озеру Селигеру находится знаменитая „Нилова пустынь“, вся как крепость окруженная водой» (с. 208). В рассказах Колышко подробно представлена история возникновения и создания монастыря. При ее воссоздании автор ссылается на более ранние статьи исследователей, побывавших в Осташкове. Колышко пишет: «Между 1594 и 1599 годами состоялось монашеское общежитие, находящееся под управлением иеромонаха Герасима. В 1599 году прибыли в пустынь из разных мест несколько монахов, из которых один, по имени Нектарий, своим образом жизни обратил на себя внимание всех проживавших в пустыни, приобрел их любовь и уважение, по ходатайству, около 1620 г. митрополитом новгородским назначен игуменом монастыря» (с. 210). Из рассказов писателя перед нами предстает картина создания монастыря, облик которого формировался на протяжении нескольких веков.

Богатейшую в России обитель создавали многие известные зодчие: К. Росси, А. Мельников и И. Шарлемань, А. Баттани, тверские архитекторы И. Львов и Е. Свинкин, Ф. и И. Ананьины. Колышко специально описывает архитектуру монастырского ансамбля, но он по-прежнему дает не обстоятельные характеристики всем постройкам, а только пытается передать общее настроение, общее впечатление, которое производит ансамбль: «Нилова пустынь, по устройству и богатству своему, занимает одно из видных мест в числе православных русских монастырей. Соборный храм во имя Богоявления Господня с двумя приделами, отличается обширностью и прекрасною архитектурою, как снаружи, так и внутри. Он занимает середину внутреннего двора и окружен огромными каменными корпусами, в которых помещаются: трапеза для братии и для богомольцев, настоятельская келья, кельи для братии и т. п. В наружном дворе также устроены два больших каменных корпуса с кельями для богомольцев» (с. 210). Писатель подробно описывает жизнь монастыря: совершение крестных ходов, приделы, доходы монастыря и прочего. Монастырь для него — это целый город, состоящий из построек самого разного назначения: тут и жилые строения, и хозяйственный, огромные покои для настоятеля монастыря и братии, монастырская гостиница, многочисленные амбары, погреба, кузницы и фруктовый сад. Монастырь окружен высокой каменной оградой с башнями. При этом автор ссылается на более ранние травелоги путешественников, побывавших в Осташкове. Автор изображает Нилову пустынь как неповторимую по красоте, поражающую грандиозностью своих размеров, сияющую золотым блеском куполов святыню.

Итак, мы видим две разные формы текстуализации культурного пространства. Колышко предлагает тотальную текстуализацию пространства с ориентацией на новые формы жизни, связанные, прежде всего, с новыми промышленными и пищевыми производствами. При этом культурные объекты частично отходят на второй план. Петропавловский текстуализирует пространство на мемуарной основе. Его частное путешествие оказывается не столько путешествием в реальном пространстве, сколько воспоминанием о пережитом. Вместе с тем совершенно ясно, что возможны и иные формы текстуализации пространства и что у каждого автора травелога они могут быть глубоко индивидуальны.

Заключение

Подводя итоги своего исследования и не желая повторять те выводы, которые сделаны в самой работе, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что наш проект не нарочито, не сознательно, а естественным путем связан с современными процессами регионализации России. В настоящее время мы являемся свидетелями преобразования монокультурного социокультурного пространства России в поликультурное и гетерогенное социокультурное пространство. Впрочем, это относится не только к России, но и ко всему европейскому миру, а в России как стране, близкой во многом к азиатскому миру, эти процессы идут значительно медленнее. Процесс регионализации обусловлен понимаем уникальности и самобытности составляющих ту или иную страну регионов. Регионы становятся объектом пристального внимания исследователей разных специальностей, однако литературные образы регионов на сегодня практически не исследованы. В России огромный литературный и историко-культурный материал до сих пор даже не введен в научный оборот. Как следствие — методология междисциплинарных исследований не разработана, а традиционные основы историко-культурных и литературных зон не выявлены.

Введение в научный оборот и междисциплинарное изучение тверского литературно-краеведческого материала позволяет уяснить социокультурную специфику региона, соотнести современные инновации с традиционными основами, связать перспективы развития с историческими корнями края. Исследование литературно-публицистического образа Тверского региона открывает путь к пониманию ментальности его жителей.

Наше исследование опирается на принципиально новый для отечественной науки тип материала — на полный свод тверских травелогов XVI—XX вв. В составленный нами свод входят сочинения ныне забытых авторов, книги, ставшие библиографической редкостью и недоступные научному сообществу. Учет всех этих редких текстов позволил нам исследовать образ Тверского края в исторической ретроспективе, в пространственной динамике, в движении системы ценностей. Кроме того, анализ тверских травелогов позволил нам разработать методологию исследования травелогов во временных, пространственных, социокультурных, телеологических системах координат.

В процессе нашей работы выявилось совершенно неожиданное для нас самих явление. Травелог, бесспорно, является жанром документальной литературы, литературы факта. Однако в травелогe исключительно большую роль играет переструктуризация пространства, граничащая с художественным вымыслом. Травелог является не фотографически точным снимком с действительности, а формой осмысления действительности, в которой расположение объектов оказывается приемом для создания новой картины пространства.

Кроме того, в построении травелога огромную роль играет литературная и культурная традиция. Человек смотрит на окружающий мир не наивно открытыми глазами, а сквозь спектры уже существующих текстов. Таким образом, подходя к проблеме описания пространства, автор травелога видит его в споре или согласии с описанием его в предшествующих текстах. Роль культурной традиции в построении травелога имеет огромное значение, а насыщенность описания культурной традицией гарантирует травелогу содержательную ценность.

Разумеется, литературные травелоги постепенно уходят в прошлое, а их место занимают видеотравелоги. Но при построении видеотекстов о пространстве используются те же самые принципы, что и при построении словесных текстов. В культуре меняются средства передачи информации, но сами информационные коды остаются практически неизменными.

Приложение

Тверские травелоги: библиография

1517²³⁸ Герберштейн Сигизмунд фон (23.08.1486, Крайна — 28.03.1566, Вена), австрийский дипломат, писатель, историк, посол императора Священной Римской империи. Впервые: *Regum Moscoviticarum commentarii Sigismundi liberi baronis in Herberstain*. Wien, 1549. Впервые на рус.: Отрывок из Герберштейнова путешествия // *Вестник Европы*. 1813. Ч. 67, № 3—4. Совр. изд.: *Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. М.: Моск. ун-т, 1988. С. 65—66, 74, 123, 129, 144—145, 147—148, 237—238; *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии: в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич, пер. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М.: РАН, Ин-т славяноведения, 2008. Т. 1. С. 69, 75, 287, 329—337, 623—625 (Памятники исторической мысли); *Герберштейн С.* // Тверь 1. С. 19—25.

1565 Барберини Рафаэль (1539, Флоренция — 1582, там же), итальянский купец, торговец оружием. Впервые: *Relazione di Moscovia scritta da Raffaello Barberino al conte di Nugarola, Anversa, 1e 16 Ottobre 1565* // *Viaggi di Moscovia degli anni 1633, 1635 e 1636 etc.* Viterbo, 1658. P. 191—222. Впервые на рус.: *Вестник Европы*. 1827. № 8 (пер. Г. Галлера); *Русский зритель*. 1828. Ч. 4. № 13/14 (пер. Г. Галлера); *Сын Отечества*. 1842. Ч. 3. № 6—7. Отд. 1; *Путешествие в Московию Рафаэля Берберини* / ред. и пер. В. И. Любич-Романовича // *Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках*. СПб., 1843. С. 9. Совр. изд.: *Литература Тверского края*. С. 129—130.

1569 Таубе Иоанн, Крузе Элерт, лифляндские дворяне, военные. Впервые: Дерпт, 1816. Впервые на рус.: *Русский исторический журнал*. 1922. № 8. С. 48—49 (пер. М. Рогинского). Совр. изд.: *Литература Тверского края*. С. 131—133.

1578 Ульфельдт Якоб Кнудсен (ок. 1530, Коксбелль — 1593, Ульфельдсхольм), датский дипломат, глава посольства Датского королевства. Впервые: *Jacobi, Nobilis Dani, Frederici II. Regis legati, Hodoeporicon Ruthenicum, nunc primum editum cum figuris aeneis, ex bibliotheca Melchioris Heiminsfeldi Goldasti*. Francofurti, 1608. Впервые на рус.: *Путешествие в Россию датского посланника Якоба Ульфельдта в 1578 г.* / пер. с элементами пересказа неизв. автора XVIII в., предисл. Е. В. Барсова // *ЧОИДР*. 1883. Кн. 1—4; отд. отт.: М., 1889. Совр. изд.: *Ульфельдт Якоб*. Путешествие в Россию / пер. Л. Н. Годовиковой. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 313—315, 334—336 (*Studia historica*); *Ульфельдт Я.* // Тверь 1. С. 26—32.

1581 Кампани Джованни Паоло (Иоанн Павел Кампанский), иезуит, член посольства А. Поссевино (1581—1582), впоследствии иезуитский

²³⁸ Здесь и далее мы указываем год посещения путешественником Тверского края, при отсутствии такой информации — год публикации материалов путешествия.

провинциал в Польше. Впервые — как путевые записки в составе отчета «*Missio Moscovitica*», напечатанного в «Ежегоднике» ордена Общества Иисуса, 1584; позже в составе изд.: *Antonii Posseuini Societatis Iesu Moscovia*. Vilnae, 1586. Впервые на рус.: Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани / пер. Л. Н. Годовиковой // Вестник МГУ. 1969. Серия IX: История. № 6. С. 80—85.

1581 Поссевино Антонио (1534, Мантуя — 26.02.1611, Феррара), итальянский дипломат, секретарь ордена иезуитов, посол папы Григория XII в России и Польше (1581—1582, 1586). Впервые — как донесение генералу ордена Кл. Аквавиве от 28 апреля 1582 г. в составе отчета «*Missio Moscovitica*», напечатанного в «Ежегоднике» ордена Общества Иисуса, 1584; отд. отт.: *Antonii Posseuini Societatis Iesu Moscovia*. Vilnae, 1586. Впервые на рус. в пересказе: *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Т-во Рябушинских, 1916. Совр. изд.: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / пер., вступ. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой; отв. ред. В. Л. Янин. М.: Моск. ун-т, 1983. С. 27, 32—33, 43—44, 210—211; Литература Тверского края. С. 137—139.

1602 Гюльденстиерне Аксель (ок. 1542—1603), датский дипломат, обергофмейстер герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского. Впервые на рус.: *Гюльденстиерне А.* Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского в Москву. 1602 г. / публ. Ю. Н. Щербачева, пер. по рукописи с дат. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3 (238), отд. 2. С. 11—13; отд. отт.: М., 1911. Совр. изд.: *Гюльденстиерне Аксель.* Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского в Россию // *Фоскарино Марко.* Донесение о Московии; *Гюльденстиерне Аксель.* Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского в Россию; *Смит Томас.* Путешествие и пребывание в России; *Паерле Георг.* Записки. Рязань: Александрия, 2009 (Источники истории); Литература Тверского края. С. 141—145.

1602, 1603 Лунд Иоганн, придворный проповедник, или Вебер Ерген, доктор, секретарь герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского, члены посольства А. Гюльденстиерне. Впервые: *Warhafftige Relation der reußischen und muscowitischen Reyse und Einzug deß durchleuchtigen, hochgebornen Fürsten und Herren Hertzog Johansen deß jüngern, auß königlichem Stamm Dennemarck.* Magdeburg: Johann Francke, n. d. Впервые на рус.: *Шемякин А. Н.* Два сватовства иноземных принцев к русским великим княжнам в XVII столетии // ЧОИДР. 1867. Кн. 4. Ч. IV. С. 7—8, 45. Совр. изд.: Литература Тверского края. С. 145—146.

1603 Брамбах Иоганн, член посольства Ганзейского союза. Впервые: *Relatio. Was in der Erbarn von Lübeck und underer Hansa Steter Sachen, die Beforderunge der Gewerb und Kaufhandel belangende, by dem Durchlauchtigsten Grossmechtigsten Keyser und Grossfürsten Herrn Baryss Foedorowitz // Hansische Chronuk aus beglaubten Nachrichten zusammengetragen von D. J. Peter Willebrandt.* Lübeck, 1748. Впервые на рус.:

Отчет о поездке Ганзейского посольства в Москву и Новгород в 1603 г. // Сборник материалов по русской истории начала XVII века / пер., введ. и прим. И. М. Болдакова. СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1896. С. 35—36. Совр. изд.: Проезжая по Московии: Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов / отв. ред., вступ. ст. Н. М. Рогожина; сост., коммент. Г. И. Герасимовой; пер. И. М. Болдакова. М.: Международные отношения, 1991. С. 200.

1609 Буссов Конрад (1552/1553, Ильтен, Ганновер — 1617, Германия), немецкий мемуарист, очевидец и писатель о России в период Смутного времени. Рукопись: *Chronicon Moscoviticum, continens res a morte Joannis Basilidis Tyranni, omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584—1612* (списки разных редакций хранятся в РО БАН, РО ГПБ, РО ГРБ). Впервые на рус.: Сказания современников о Димитрие Самозванце / пер. Н. Г. Устрялова. СПб., 1831. Т. 1 (извлечение; текст приписан Мартину Бери); полностью: Московские летописи Конрада Бусова и Петра Петрея = *Conradi Bussovii et Petri Petrei chronica Moscovitica continens* // Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографическою комиссиею = *Rerum Rossicarum scriptores exteri, a Collegio archeographico editi*. СПб.: тип. Э. Праца, 1851. Т. 1. Совр. изд.: *Буссов Конрад. Московская хроника. 1584—1613*. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 160—161, 169.

1609, 1611 Петрей де Ерлезунд Петр (1570, Упсала — 28.10.1622, Стокгольм), шведский дипломат, историк, посланник короля Карла IX (1605—1611). Впервые: *Regni Muschowitici Sciographia and Een wiss och egentelich Beskriffing om Rysland*. Stockholm: Tryckt hoos I. Meurer, 1615. Впервые на рус.: *Петрей П.* История [и сказание] о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах... / пер. с нем. и предисл. А. Н. Шемякина // ЧО-ИДР. 1865. Кн. 4, отд. 4. С. I—XII, 1—88; 1866. Кн. 1, отд. 4. С. 89—184; Кн. 2, отд. 4. С. 185—280; Кн. 3, отд. 4. С. 281—341; 1867. Кн. 2, отд. 4. С. 343—474; Прил.: Документы о порядке богослужения, с. 445—454; отд. отт.: М., 1867. Совр. изд.: *Петрей Петр.* История о великом княжестве Московском / пер. А. Н. Шемякина // О начале войн и смут в Московии. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 189, 192, 253, 342—343 (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX); Литература Тверского края. С. 147—149.

1612 Маскевич Самуил Иванович (ок. 1580—1642), польский шляхтич, участник событий Смутного времени в России. Впервые: *Niemcewicz J. U. Zbior pamietnikow historycznych w dawnej Polsce*. Lipsk, 1839. Т. II. Р. 341—432 (извлечения). Впервые на рус.: Сказания современников о Дмитрие Самозванце / пер. Н. Г. Устрялова. СПб., 1834. Ч. V. С. 114—116. Совр. изд.: Литература Тверского края. С. 150—151.

1634, 1636, 1639 Олеарий Адам (24.09.1599, Ашерслебен — 22.02.1671, замок Готторп, Шлезвиг), немецкий путешественник, ученый, придворный секретарь и советник голштейнского посольства герцога Фридриха III (1633—1639). Впервые: *Oelschläger Adam. Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise. Schleswig, 1647.* Впервые на рус.: *Олеарий А.* Путешествие в Великое княжество московское // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 1. С. 47—57; № 2. С. 96—110; Ч. 3. № 20. С. 1145—1154; *Олеарий А.* Въезд голштейнских послов в Москву // Заволжский муравей. 1834. Ч. 1. № 4. С. 201—210; Ч. 2. № 9. С. 27—40; № 12. С. 214—224; полностью: [*Олеарий А.*] Подробное описание путешествия голштейнского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / пер. с нем. П. П. Барсов // ЧОИДР. 1868. Кн. 1—4; 1869. Кн. 1—4; 1870. Кн. 2; отд. отт.: М., 1870. Совр. изд.: *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. С. 42—44, 130—131, 448; Литература Тверского края. С. 152—155.

1655 Павел Алеппский (ок. 1627, Халеб — 30.01.1669, Тбилиси), архидиакон Антиохийской православной церкви, путешественник, писатель, сын антиохийского патриарха Макария III. Впервые: *The travels of Macarius. London, 1836.* Впервые на рус.: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским: в 5 вып. / пер. Г. А. Муркоса. М., 1896—1899. Вып. 4. 1898. С. 58—60, 87. Совр. изд.: Литература Тверского края. С. 155—158.

1659 Роде Андрей, секретарь датского посольства Ганса Ольделанда. Впервые на рус.: *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г., составленное посольским секретарем А. Роде / пер. по рукописи с нем. и предисл. В. Кордта // *Голос минувшего.* 1916. № 7/8. С. 359—398. Совр. изд.: *Проезжая по Московии: Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов / ред. Н. М. Рогожин, Г. И. Герасимова.* М.: Международные отношения. 1991. С. 320; *Роде А.* Посольство Ольделанда // *Утверждение династии / Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс, Яков Рейтенфельс; сост. А. Либерман; послесл., указ., глоссарий С. Шокарева.* М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 41—42 (*История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX*); Литература Тверского края. С. 158—159.

1661 Мейерберг Августин (1612, Силезия — 1688, Вена), австрийский дипломат, посол императора Леопольда I. Впервые: *Relatio humillima Augustini de Meyern et Horatii Gulielmi Caivuccii, ablegatorum in Moschoviam a d. 17 Febr. 1661 usque ad d. 22 Febr. 1663 // Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs.* Berlin, 1820. Впервые на рус.: *Русский зритель.* 1828. № 3—6; впервые полностью: *Путешествие в Московию барона Августина*

Мейерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом / пер. с лат. А. Н. Шемякина; предисл. О. М. Бодянского. М.: Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1874. С. 52, 54, 146, 165. Совр. изд.: *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии / Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс, Яков Рейтенфельс; сост. А. Либерман; послесл., указ., глоссарий С. Шокарева. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 78—79, 137—138, 150 (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX); Литература Тверского края. С. 160—162.

1665 Витсен Николас Корнелиссон (8.05.1641, Амстердам — 10.08.1717, там же), голландский географ, член голландского посольства Якоба Бореяля, бургомистр Амстердама (1682—1706). Впервые: *Witsen Nicolaas.* Moscovische reyse 1664—1665. Journaal en Aentekeningen. 3 Vols. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1966—1967. Впервые на рус.: *Витсен Николас.* Путешествие в Московию, 1664—1665 / пер. со староголл. В. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. С. 74—84, 194—195. Совр. изд.: *Витсен Н.* // Тверь 1. С. 33—41.

1666 Гордон Патрик (31.03.1635, им. Охлухрис, Эбердиншир — 29.11.1699, Москва), шотландец, военный деятель, генерал и контр-адмирал на русской службе. Впервые: *Tagebuch des Generals Patrick Gordon.* 1655—1699. Bd. 1. M., 1849; Bd. 2. SPb., 1851; Bd. 3. SPb., 1853 (перевод по рукописи с англ. на нем. с сокр. и частично в пересказе К. Штриттера и М. Е. Поссельта). Впервые на рус.: *Гордон П.* Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. / пер. М. Салтыковой // ЧОИДР. 1891—1892. Совр. изд.: *Гордон Патрик.* Дневник. 1659—1667 / пер. Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2002. С. 168—169 (Памятники исторической мысли); Литература Тверского края. С. 162—163.

1668 Стрейс Ян Янсен (Стрюйс; ?—1694, Дитмарш), голландский путешественник. Впервые: *Struys J. J.* Drie aanmerkelijke... Reysen, door Italien, Lijlandt, Moscovien, Tartarijen... en verscheyden andere Gewesten. Amsterdam, 1676. Впервые на рус.: Путешествия по России голландца Стрюйса / пер. П. О. Горченко // Русский архив. 1880. № 1. Совр. изд.: *Стрейс Ян Я.* Три путешествия / пер. с голл. Э. Бородиной, ред., вступ. ст., прим. А. Морозова. Рязань: Александрия, 2008. С. 178—179 (Источники истории); Литература Тверского края. С. 164—166.

1670—1673 Рейтенфельс Яков, путешественник, дипломат, уроженец Курляндии. Впервые: *De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Netrugiae Ducem Cosmum Tertium.* Patavium, 1680. Впервые на рус.: Извлечение из сказаний Якова Рейтенфельса о состоянии России при царе Алек-

сеи Михайловиче / пер. И. П. Тарнава-Боричевского // Журнал министерства народного просвещения. 1839. № 7. С. 2—55; полностью: *Рейтенфельс Яков*. Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме III-му о Московии / пер. А. Станкевича. М., 1906. С. 203. Совр. изд.: Литература Тверского края. С. 166—167.

1674 Пальмквист Эрик (ок. 1650—1676, в датском плену), шведский инженер-фортификатор, военный атташе при посольстве Г. Оксеншерны (1673—1674). Впервые: *Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer ofver Rysslandh, des Wager, Pass medh Fastningar och grantzer sammandragne aff Erich Palmquist* // *Illustrerad Tidning*. 1881 (извлечения). Впервые на рус.: *Шубинский С. Н.* Шведское посольство в России в 1674 г.: извлечения из дневника военного агента Э. Пальмквиста // *Исторический вестник*. 1882. Т. 7. № 3. С. 653—661. Совр. изд.: *Пальмквист Эрик*. Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего Королевского посольства к царю московскому в 1674 году / пер. с ран. новошвед. А. П. Вакуловского; публ. Г. М. Коваленко. Новгород, 1993. С. 31, 33, 37, 39; Литература Тверского края. С. 167—170. См. также: Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году / пер. Г. М. Коваленко. М.: Ломоносовъ, 2012; Альбом Пальмквиста. М.: Ломоносовъ, 2012.

1709 Эребо Расмус (1685, Свендборг — 1744, Копенгаген), датский теолог, секретарь датского посланника в России Ю. Юля (1709—1712). Принимал активное участие в написании записок Ю. Юля. Поскольку тексты Юля и Эребо близки, порой тождественны, дневник Эребо обычно печатается в приложении к запискам: *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом* / пер. Ю. Н. Щербачева. М.: Универ. тип., 1900. Совр. изд.: *Эребо Расмус*. Выдержки из автобиографии, касающиеся трех путешествий его в Россию / пер. Ю. Н. Щербачева // *Лавры Полтавы*. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 368; Тверь 1. С. 46.

1709, 1710, 1711 Юль Юст (14.10.1664, Выборг — 8.08.1715, Ясмунд), датский вице-адмирал, посланник Дании в России. Впервые: *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом* / извлек из Копенгаген. гос. архива и перевел с дат. Ю. Н. Щербачев // *Русский архив*. 1892. Т. 3, 5, 7, 8, 9, 10, 11. Впервые на языке оригинала: *En rejse til Rusland under tsar Peter; dagbogsoptegnelser af viceadmiral Just Juel, dansk gesandt i Rusland 1709—1711, med illustrationer og oplysende anmaerkninger ved Gerhard L. Grove*. Kobenhavn, 1893. Впервые полностью на рус.: *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом* / пер. Ю. Н. Щербачева // *ЧОИДР*. 1899. № 3; отд. отт.: М.: Универ. тип., 1900. Совр. изд.: *Юль Юст*. Записки датского посланника в России при Петре Великом / пер. Ю. Н. Щербачева // *Лавры Полтавы*. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 101—104, 149, 238; *Юль Ю.* // Тверь 1. С. 42—49.

1716, 1718 Вебер Фридрих Христиан (?), Ганновер — 1739), ганноверский резидент при русском дворе. Впервые: *Das Veranderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments; der Krieges-Staat zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen; die geoffneten Berg-Wercke, die eingeführte Academien, Kunste, Manufacturen, ergangene Ferordnungen, Geschaffte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vassalen, nebst der allerneusten Nachricht von diesen Volkern, die Begebenheiten des Tzarewizen, und was sich sonst merkwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbecandten Nachrichten, in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Land-Karte und Kupfferstichen versehen.* Francfurt, 1720. Впервые на рус.: *Записки Вебера / пер. П. П. Барсова // Русский архив. 1872. № 7—8. С. 1347—1356, 1451—1452. Совр. изд.: Вебер Ф. Х. // Тверь 1. С. 50—56.*

1721, 1723, 1724 Берхгольц Фридрих-Вильгельм фон (1699, Гольштейн — 1771, Висмар), гольштейнский дворянин, обер-камергер гольштейнского герцога Карла-Петра-Ульриха, впоследствии императора Петра III. Впервые: *Fr. Wilhelm v. Bergholz's, grossfürstlichen Ober-Kammerhern Tagebuch, welches er in Russland von 1721 bis 1725 als Holsteinischer Kammer-junker, geführt hat // Magazin fuer die neue Historic und Geographic. 1785—1788. Bd. 19—22. Впервые на рус.: Отечественные записки. 1843. № 26 (сентябрь — октябрь 1721 г., публ. Н. В. Калачева); 1853. № 87 (апрель — июнь 1721 г.); полностью: *Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год / пер. с нем. И. Ф. Аммона: в 4 ч. М.: тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1857—1860. Совр. изд.: Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721—1725 / пер. И. Ф. Аммона // Неистовый реформатор: Антология. М.: Фонд Сергея Дубова. 2000. Ч. 1. С. 276—277; Ч. 3. С. 37—40; Ч. 4. С. 213, 238 (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX); *Берхгольц Ф.-В. фон // Тверь 1. С. 57—64.***

1730 Уорд / Рондо / Вигор (урожд. Гудвин) Джейн, известная как леди Рондо (1700, Йоркшир — 1783, Виндзор), жена Т. Уорда, английского посланника при русском дворе. Впервые: *Letters from a lady who resided some years in Russia to her friend in England.* London, 1775. Впервые на рус.: *Рондо. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / пер. с англ., ред. и прим. С. Н. Шубинского. СПб.: тип. Я. А. Исакова, 1874 (Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. 1). Совр. изд.: Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию / пер. Н. Г. Беспятых // Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л.: Художественная литература, 1991. С. 192—193.*

1767 Екатерина II Алексеевна Великая (21.04.1729, Штеттин — 6.11.1796, Петербург), российская императрица. Впервые: *Журнал ка-*

мер-фурьерский 1767 года. СПб., 1856. С. 91—107; Журнал Адмиралтейств-коллегии 1766 г. <извлечение> // Русская старина. 1896. Т. 88. № 11. С. 434—435; Экстракт из журнала плавания ее императорского величества на галерах по реке Волге, от Твери до Симбирска, в 1767 году // Там же. С. 436—441; Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитревска для путешествия ее императорского величества по оной. СПб.: Имп. АН, 1767. С. 1—2.

1768 Гмелин-младший Самуэль Георг Готлиб (4.07.1745, Тюбинген — 27.07.1774, д. Ахмедкент, Дагестан), немецкий путешественник-натуралист, академик Петербургской Академии наук. Впервые: *Gmelin S. G. Reise durch Russlaud zur Untersuchung d. drei Naturreiche*. Bd. 1 SPb., 1770. Впервые на рус.: *Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества* / пер. с нем. Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков, в 1768 и 1769 годах. СПб.: Имп. АН, 1771. С. 16—26.

1768 Паллас Петр Симон (22.09.1741, Берлин — 8.09.1811, там же), немецкий путешественник-натуралист, академик Петербургской Академии наук. Впервые: *Pallas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*. SPb., 1771. Bd. 1. Впервые на рус.: *Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи*: в 3 ч. / пер. В. Ф. Зуева. СПб.: Имп. АН, 1773. Ч. 1. С. 14—19. Совр. изд.: *Паллас П. С. // А. Н. Радищев: исследования и комментарии*: сб. науч. тр. / под ред. М. В. Строганова, С. А. Васильевой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 109—122.

1768 Фальк Иоганн Петер (1727, Шведская Вестготландия — 1774, Казань), шведский путешественник-натуралист, академик Петербургской Академии наук. Впервые: *Falck J. P. Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs*. SPb., 1785. Bd. 1. Впервые на рус.: *Фальк И. П. Записки путешествия от Санкт-Петербурга до Томска*. СПб.: Имп. АН, 1824. С. 6—8 (Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук; Т. 6).

1770 Болотов Андрей Тимофеевич (7.10.1738, им. Дворяниново Алексинского у. Тульской губ. — 4.10.1833, там же), писатель, философ, ученый. Впервые: *Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков*. СПб.: Печатня В. Головина, 1870—1873. Т. 2. Стлб. 964, 995—1019 (Приложение к «Русской старине»). Совр. изд.: *Болотов А. Т. // Тверь 1*. С. 65—87.

1778 Кокс Уильям (17.03.1747, Лондон — 8.06.1828, Бемертон), английский путешественник, историк, писатель. Впервые: *Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark, Interspersed with historical relations and political enquiries*: In 2 vols. London, 1784. Впервые на рус.: [*Кокс У.*] Путевые записки от Москвы до Санкт-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные сведения, относящиеся к России в XVIII столетии.

Пер. с франц. М.: тип. И. Смирнова, 1837. Совр. изд.: Тверской край конца XVIII века глазами английского путешественника Вильяма Кокса / пер. с англ. Е. И. Смирновой // Книги. Библиотека. История. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. Вып. 1. С. 24—34; *Кокс У.* // Тверь 1. С. 88—101.

1781 Зуев Василий Федорович (1.01.1754, Петербург — 8.01.1794, там же), путешественник-натуралист, академик Петербургской Академии наук (1779). Впервые: *Зуев В.* Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб.: Имп. АН, 1787. С. 5—7.

1782 Озерецковский Николай Яковлевич (1.07.1750, с. Озерецкое Дмитровского у. Московской губ. — 28.02.1827, Петербург), естествоиспытатель, путешественник, писатель, член Петербургской Академии наук и Российской академии. Впервые: *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по России. 1782—1783. СПб.: Лики России, 1996. С. 31—32. Совр. изд.: *Озерецковский Н. Я.* // Тверь 2. С. 21—22.

1785 Екатерина II, см. о ней выше. Впервые: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1785 года. СПб., 1885. С. 298—321; Письмо к цесаревичу Павлу Петровичу и его супруге из Торжка 31 мая 1785 г. // Императрица Екатерина II, цесаревич Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна. Письма, заметки и выписки. 1782—1796. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1874. Т. 1. С. 12—13. Совр. изд.: Тверь 1. С. 108, 111.

1785 Львов Николай Александрович (4.05.1753, им. Никольское-Черенчицы Новоторжского у. Тверской губ. — 22.12.1803, Москва), архитектор, поэт, ученый, просветитель. Письмо к А. Р. Воронцову от 26 июня 1785 г. // *Львов Н. А.* Избранные сочинения / предисл. Д. С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектурных работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татаринным. Кёльн; Веймар; Вена: Бёлау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. С. 326. Совр. изд.: Тверь 1. С. 109, 111—112.

1785, 1787 Сегюр Луи-Филипп де (10.09.1753, Париж — 27.08.1830, там же), граф, французский историк, дипломат, посол Франции при дворе Екатерины II (1784—1789). Впервые: *Ségur, Louis-Philippe de.* Mémoires ou souvenirs et anecdotes. 3 vols. Paris, 1824. Впервые на рус.: Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). Пер. с франц. СПб.: тип. В. Н. Майкова, 1865. Совр. изд.: *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. Пер. с франц. // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 362, 364—366; *Сегюр Л.-Ф.* // Тверь 1. С. 107—112.

1785, 1787 Храповицкий Александр Васильевич (7.03.1749, Петербург — 29.12.1801, там же), государственный деятель, сенатор, писатель. Впервые: *Храповицкий А. В.* Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М.: Универ. тип. у Н. Новикова, 1787. С. 129—135; Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря

императрицы Екатерины Второй. М.: Универ. тип., 1862. С. 34 (репринт: М., 1990). Совр. изд.: *Храповицкий А. В.* // Тверь 1. С. 129—134; см. также: с. 108.

1786 Крейвен Элизабет, графиня Беркли, маркграфиня Бранденбург-Ансбахская (17.12.1750, Лондон — 13.01.1828, Неаполь), английская писательница, композитор. Впервые: *Craven Elizabeth. Voyage en Crimée et à Constantinople en 1786.* London, Paris, 1789. Впервые на рус.: *Кравен Э.* Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году / пер. с франц. Д. Рунича. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1795. С. 220—224. Совр. изд.: Тверь 1. С. 98—100.

1787 Екатерина II, см. о ней выше. Впервые: [*Габлиц К. И.*] Путешествие ее императорского величества <Екатерины II> в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. СПб.: тип. Горного училища, 1786. С. 123—130; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 658—672. Совр. изд.: Путешествие Екатерины II // Тверь 1. С. 134—138.

1787 Миранда Себастьян-Франсиско де (28.03.1750, Каракас — 14.07.1816, Кадис), руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке, национальный герой Венесуэлы. Впервые в составе: *Archivo del General Miranda.* Т. I—XV. Caracas, 1929—1938; Т. XVI—XXIV. La Habana, 1950; отд. отт.: *Miranda Francisco de.* Diario de Moscú у San Petersburgo. Caracas, 1993. Впервые на рус.: *Миранда Ф. де.* Российский дневник. Москва — Санкт-Петербург / пер. с исп. В. А. Капанадзе, К. Ф. Толстой. М.: Наука, 2000. Совр. изд.: *Миранда Фр.* Путешествие по Российской империи. Пер. с исп. М.: МАЙК «Наука/Интерпериодика», 2001. С. 212—215; *Миранда С.-Ф. де* // Тверь 1. С. 125—128.

1801 Глушков Иван Фомич (1774, Тверь — 1848, там же), статский советник, тверской вице-губернатор (1838—1843). Впервые: *Глушков И. Ф.* Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах, по оному лежащих, известия исторические, географические и политические; с описанием обывательских обрядов, одежд, наречий и видов лучших мест. СПб.: Имп. АН, 1801. С. 57—108. Совр. изд.: *Глушков И. Ф.* // Тверь 1. С. 145—170.

1802 Севергин Василий Михайлович (8.09.1765, Петербург — 17.11.1826, там же), минералог и химик, академик Петербургской Академии наук. Впервые: *Севергин В. М.* Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оные в 1802 году. СПб.: Имп. АН, 1803. С. 162—168.

1803, 1808 Вильмот (Брэдфорд) Марта (1774—1873), англо-ирландская писательница, мемуаристка. Впервые полностью: *The Russian Journals of Martha and Catherin Wilmot* / ed. by Marchioness of Londonderry and H. M. Hyde. London, 1934. Впервые на рус.: *Письма Марты Вильмот* //

Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / под общ. ред. С. С. Дмитриева. М.: Советская Россия, 1991. С. 261—262, 442, 492. Совр. изд.: *Вильмот М.* // Тверь 2. С. 66—72.

1803 Севергин Василий Михайлович, см. о нем выше. Впервые: *Севергин В. М.* Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оные в 1803 г. СПб.: Имп. АН, 1804. С. 147—148, 153—162.

1805 Портер Роберт Кер (1777—1842), английский путешественник, художник, военный, писатель, дипломат, археолог. Впервые: *Porter R. K.* Travelling Sketches in Russia and Sweden, during the years, 1805, 1806, 1807, 1808: in 2 vols. London: Richard Phillips, 1809. V. 1. P. 147—152.

1809—1811 Кочубей Аркадий Васильевич (9.02.1790—4.03.1878), помощник столоначальника в Главном управлении путей сообщения (20.12.1810), камер-юнкер при дворе принца Георга Ольденбургского (15.10.1811), камергер (1828), орловский губернатор (1830—1837), сенатор (1842), действительный тайный советник (1856). Впервые: Семейная хроника. Записки А. В. Кочубея. 1790—1873. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1890. С. 36—55.

1810 Волконская Мария Николаевна (10.11.1790—7.08.1830, им. Ясная Поляна Тульской губ.), княжна, в замужестве графиня Толстая, мать Л. Н. Толстого. Впервые: *Волконская М. Н.* Дневная записка для собственной памяти: дневник путешествия из Москвы в Петербург лета 1810 г. / подгот. текста и коммент. Т. Никифоровой // Наше наследие. 2008. № 87—88. С. 43—44. Совр. изд.: *Волконская М. Н.* // Тверь 2. С. 73—81.

1811 Глинка Федор Николаевич (8.06.1786, им. Сутоки Духовщинского у. Смоленской губ. — 11.02.1880, Тверь), писатель, общественный деятель, участник Отечественной войны 1812 года, участник декабристского движения. Впервые: Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год, с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. М.: тип. С. Селивановского, 1815. Совр. изд.: *Глинка Ф. Н.* Письма к другу / сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Зверева. М.: Современник, 1990. С. 56—110, 120—128, 138—143 (Любителям российской словесности. Из литературного наследия); *Глинка Ф. Н.* // Тверь 1. С. 171—240.

1811—1812 Кипренский Орест Адамович (13.03.1782, мыза Нежинская близ Копорья Петербургской губ. — 5.10.1836, Рим), художник-портретист, график. Переписка с А. М. Бакуниным (РО ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 9. Д. 115. Л. 1—2 об.; Оп. 4. Д. 36) впервые изд.: Орест Кипренский: переписка, документы, свидетельства современников / сост., текстол. подгот., вступ. ст., коммент. Я. В. Брука, Е. Н. Петровой; под ред. Я. В. Брука.

СПб.: Искусство-СПБ, 1994. С. 120—123. Совр. изд.: *Кипренский О. А.* // Тверь 2. С. 104—108, 16 с. цв. ил.

1813—1814 Джеймс Джон Томас (23.01.1786, Регби, Уорикшир — 22.08.1828, по пути из Калькутты в Китай), студент Оксфорда, позже церковный деятель, епископ Калькутты, доктор богословия, историк искусств, автор трудов «*The Italian Schools of Painting*» (1820), «*The Flemish, Dutch and German Schools of Painting*» (1822); посетил Тверской край в рамках гранд-тура по северным странам Европы. Впервые: *James J. T. Journal of a Tour in Germany, Sweden, Russia, Poland, during the years 1813 and 1814 by J.T. James, Esq. student of Christ Church, Oxford. London: John Murray, 1816. VII, 527 p.; with 18 il. (12 aquatints, 6 etchings);* переизд.: London: John Murray, 1826—1827, in 5 v.

1814 Озерецковский Николай Яковлевич, см. о нем выше. Впервые: Путешествие на озеро Селигер Н. Озерецковского, члена Академии наук... СПб.: Имп. АН, 1817. С. 1—2, 78—184. Совр. изд.: *Озерецковский Н. Я.* // Тверь 2. С. 23—65.

1821 Гераков Гавриил Васильевич (Гераки; 26.03.1775, Москва — 2.07.1838, Петербург), прозаик, исторический беллетрист. Впервые: *Гераков Г. В. Продолжение путевых записок по многим Российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. СПб.: тип. Н. Греча, 1830. С. 209—221. Совр. изд.: Гераков Г. В.* // Тверь 2. С. 109—118.

1821 Писарев Александр Александрович (16.08.1780, Петербург — 23.06.1848, Москва), офицер, участник антинаполеоновской кампании, председатель Общества истории и древностей российских, Общества испытателей природы, почетный член Петербургской Академии наук и Академии художеств. Впервые: *Писарев А. А. Краткое описание губернского города Твери (из путевых записок 1821 г.) // Исторический, статистический и географический журнал. 1825. Ч. 2. С. 145—149.*

1822 Доленга-Ходаковский Зориан (Адам Черноцкий; 4.04.1784, Гайна — 17.11.1825, им. Петровское Тверской губ.), славяновед, археолог, фольклорист, этнограф и диалектолог. Впервые: Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского. Из Москвы 13-го липца 1822 // *Русский исторический сборник. М.: Универ. тип., 1844. Т. VII. С. 27—28.*

1823 Булгаков Александр Яковлевич (15.11.1781, Константинополь — 1863, Дрезден), дипломат, сенатор, московский почт-директор. Впервые: *Булгаков А. Я. Письмо к брату от 24.05.1823 // Русский архив. 1901. Кн. 1. С. 545.*

1826 Ансело Жак-Франсуа (9.02.1794, Гавр — 8.09.1854, Париж), французский поэт, драматург, член Французской академии. Впервые: *Ancelot M. (François). Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'empereur. Paris: Dondey-Dupré, 1827. Впервые на рус.: Ансело Ф. Шесть месяцев в России / вступ. ст., пер.*

с фр., коммент. Н. М. Сперанской. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 106—108.

1826 Пушкин Александр Сергеевич (26.05.1799, Москва — 29.01.1837, Петербург), писатель, критик. Совр. изд.: Послание к Соболевскому «У Гальяни иль Кольони...»; письмо В. Ф. Вяземской от 3 ноября 1826 г.; письмо Н. Н. Пушкиной от 20 августа 1833 г.; Путешествие из Москвы в Петербург, 1834—1835 // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 11. С. 263; Т. 13. С. 301—303; Т. 15. С. 72.

1831 Жуковский Василий Андреевич (29.10.1783, им. Мишенское Тульской губ. — 12.04.1852, Баден-Баден), поэт, переводчик, критик. Впервые: *Жуковский В. А. Дневники* / с прим. И. А. Бычкова. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1903. Совр. изд.: *Жуковский В. А. Дневники. 1831* // Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Яз. рус. культуры, 2004. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804—1833. С. 317; *Жуковский В. А.* // Тверь 2. С. 119—126.

1834 Арсеньев Константин Иванович (12.10.1789, с. Мироханово Чухломского у. Костромской губ. — 29.11.1865, Петрозаводск), историк, географ, действительный член Российской академии (1836), академик Петербургской Академии наук (1841). Впервые: *Арсеньев К. И.* Отрывок из путевых заметок // Журнал Министерства внутренних дел. 1834. Ч. 13. № 8. С. 320—325.

1836 Глинка Федор Николаевич, см. о нем выше. Впервые: О древностях в Тверской Карелии: извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кеппену из 3-й книжки Журнала Министерства внутренних дел 1836 года. СПб.: тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1836.

1837 Александр II Николаевич (17.04.1818, Москва — 1.01.1881, Петербург), цесаревич, император (1855) из династии Романовых. Впервые: Венчание с Россией: переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / публ. Л. Г. Захаровой и Л. И. Тютюнник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 30—34 (Труды ист. ф-та МГУ. Вып. 13. Сер. 1. Исторические источники: 3).

1837 Жуковский Василий Андреевич, см. о нем выше. Впервые: *Жуковский В. А.* Путешествие с в.<еликим> к.<нязем> / публ. А. С. Янушкевича // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 165—167. Совр. изд.: *Жуковский В. А.* Путешествие с в.<еликим> к.<нязем> / подгот. текста и коммент. А. С. Янушкевича // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / гл. ред. А. С. Янушкевич. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834—1847 / сост и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 47—49; *Жуковский В. А.* // Тверь 1. С. 241—247.

1837 Тургенев Александр Иванович (27.03.1784, Симбирск — 3.12.1846, Москва), государственный деятель, историк. Впервые: *Тургенев А. И.* Письмо кн. П. А. Вяземского от 29.03.1837 // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 4. С. 4.

1838 Греч Николай Иванович (3.08.1787, Петербург — 12.12.1867, там же), издатель, журналист, беллетрист, переводчик. Впервые: *Греч Н. И.* Московские письма // Греч Н. И. Сочинения. СПб., 1838. Т. V. С. 87—98.

1838 Жданов Михаил Павлович (1810—1877), чиновник. Впервые: *Жданов М. П.* Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Тверской [и др.]. СПб.: В. Поляков, 1843. С. 24—28. Совр. изд.: *Жданов М. П.* // Тверь 1. С. 259—262.

1838 Сумароков Павел Иванович (ок. 1767 — 6.09.1846, Петербург), сенатор, писатель, член Петербургской Академии наук. Впервые: *Сумароков П. И.* Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году. СПб.: тип. А. Сычева, 1839. С. 18—25, 313—316. Совр. изд.: *Сумароков П. И.* // Тверь 2. С. 127—137.

1839 Аксаков Сергей Тимофеевич (20.09.1791, Уфа — 30.04.1859, Москва), писатель, общественный деятель, литературный и театральный критик, мемуарист; член-корреспондент Петербургской Академии наук. Впервые: Русь. 1880. № 4—6 (публ. И. С. Аксакова); впервые полностью: Русский архив. 1890. № 8 (публ. Н. М. Павлова). Совр. изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / изд. подгот. Е. П. Населенко, Е. А. Смирнова. М.: Изд. АН СССР, 1960. С. 21—23; *Аксаков С. Т.* // Тверь 2. С. 138—142.

1839 Гагерн Фридрих Балдуин (1794—1848), полковник австрийской, позже нидерландской армии, участник антинаполеоновских войн 1815 г., член свиты принца Александра Оранского во время его поездки ко двору Николая I. Впервые: *Gagern F. B.* Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839 // Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. Bd. 3. Literarischer Nachlass. Leipzig u. Heidelberg, 1856. S. 337—505. Впервые на рус.: *Гагерн Ф. Б.* Дневник путешествия по России в 1839 г. / пер. Н. К. Шильдера // Русская старина. 1890. Т. 65. С. 338—339. Совр. изд.: *Гагерн Ф. Б.* // Тверь 2. С. 143—146.

1839 Дмитриев Иван Алексеевич, писатель, переводчик, издатель. Впервые: Путеводитель от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно, сообщающий исторические, статистические и другие сведения о замечательных городах, местах и предметах, находящихся по дороге между обеими столицами / составил и издал И. Д. М.: Унив. тип., 1839. С. 59—215. Совр. изд.: *Дмитриев И. А.* // Тверь 2. С. 147—267.

1839 Кюстин Астольф Луи Леонор де (18.03.1790 года, Нидервиль — 25.09.1857, Фервак), маркиз, монархист, французский писатель, путешественник. Впервые: *La Russie en 1839, by marquis de Astolphe Custine. Vol. I*

—IV. Paris, 1843. Впервые на рус. (в отрывках): Россия и русский двор // Русская старина. 1891. № 1—2; 1892. № 1—2; отд. отт.: Записки о России французского путешественника маркиза де Кюстина. М., 1910. Совр. изд.: *Кюстин А. де*. Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с франц. под ред. В. Мильчиной, И. К. Стаф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 2. С. 37—38, 44—49, 59—60; *Кюстин А. де* // Тверь 2. С. 268—278.

1830-е Солнцев Федор Григорьевич (14.04.1801, с. Верхненикульское Мологского у. Ярославской губ. — 3.03.1892, Петербург), художник-археолог, академик исторической и портретной живописи Академии художеств. Впервые: *Солнцев Ф. Г.* Древности Российского государства. М.: тип. А. Семена, 1851. Отд. IV. С. 80—83; Отд. IVa. № 28—31, 33, 34 / хромолит. Ф. Дрегера; *Солнцев Ф. Г.* Одежды Русского государства. СПб., 1869 (раздел «Народные одежды»). Совр. изд. (репринт 1849—1853): Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I: в 6 отд. и доп. к отд. III. СПб.: Альфарет, 2006; *Солнцев Ф. Г.* // Тверь 1. С. 255—258, 16 с. цв. ил.

1841 Мельников Павел Петрович (1804—1880), инженер (впоследствии министр) путей сообщения, почетный член Петербургской Академии наук. Впервые: *Мельников П. П.* Поездка за Волгу: записка / вступ. ст. М. Крутикова // Красный архив. 1938. Т. 4/5. С. 309—335.

1841 Погодин Михаил Петрович (11.11.1800, Москва — 8.12.1875, там же), историк, коллекционер, журналист, писатель, публицист. Впервые: Путевые записки профессора Погодина по некоторым внутренним губерниям. Белозерск, Весьегонск, Бежецк, село Боженки и возвращение в Москву // Москвитянин. 1848. № 12. С. 106—116. Совр. изд.: *Погодин М. П.* Из путевых записок. 1841 / подгот. текста, вступ. ст. и прим. Т. А. Ильиной // В зеркале путешествий. С. 238—251; *Погодин М. П.* // Тверь 2. С. 279—293.

1842 д'Арленкур Шарль-Виктор Прево (28.09.1788, Мерантр близ Версаля — 22.01.1856, Париж), виконт, французский поэт, историк, писатель. Впервые: *Le Pèlerin. L'étoile polaire. Par le Vicomte d'Arlaincourt.* Paris, 1843. V. I. P. 305—306.

1843 Гакстгаузен Август фон (1792, Бекендорф — 1866, Ганновер), барон, немецкий экономист, исследователь русской общины. Впервые: *Haxthausen A.* Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Bd. 1—3. Hannover — Berlin, 1847—1852. Впервые на рус.: Современник. 1857. № 7 (извлечение); *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России / пер. Л. И. Рагозина. Т. 1. СПб., 1869. Совр. изд.: Тверь 1. С. 358—359.

1844 Ишимова Александра Осиповна (25.12.1804, Кострома — 4.06.1881, Петербург), писательница для детей, переводчица. Впервые:

Ишимова А. О. Каникулы 1844 года, или поездка в Москву. СПб.: Имп. АН, 1846. С. 54—88. Совр. изд.: *Ишимова А. О.* // Тверь 1. С. 263—281.

1844 Шуман Клара Жозефина (урожд. Вик; 13.09.1819, Лейпциг — 20.05.1896, Франкфурт-на-Майне), немецкая пианистка, композитор и музыкальный педагог, жена Р. Шумана. Впервые на рус.: *Шуман К.* Из путевого дневника // Житомирский Д. Роберт и Клара Шуман в России. М.: Музгиз, 1962. С. 147—149. Совр. изд.: Тверь 1. С. 284—287.

1844 Шуман Роберт (8.06.1810, Цвиккау — 29.07.1856, Эндених близ Бонна), немецкий композитор, дирижер, музыкальный критик, педагог. Впервые: *Schumann In Russland // Sammelbande der Robert Schumann Gesellschaft. Vol. I. Leipzig, 1961.* Впервые на рус.: *Шуман Р.* Путешествие в Россию в 1844 году // Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвиг Шпора, Роберта Шумана / сост. М. Сапонов; Гос. центр. музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки. М.: Дека-ВС, 2004. С. 177—179. Совр. изд.: *Шуман Р.* // Тверь 1. С. 282—287.

1845? МакКой Ребекка (1818—1863), уроженка Шотландии, служившая в России гувернанткой и учительницей английского языка; побывала в Архангельске, Петербурге, Москве, некоторое время жила в Твери. Впервые: *McCoy Rebecca. Englishwoman in Russia: Impressions of the society and manners, or Russians at home by a Lady, ten years resident in that country.* London: John Murray, 1855.

1847 Шевырев Степан Петрович (18.10.1806, Саратов — 8.05.1864, Париж), литературовед, поэт, профессор Московского университета, академик Петербургской Академии наук. Впервые: *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. П. Шевырева в 1847 году: в 2 ч. М.: Универ. тип., 1850. Совр. изд.: *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. М.: Индрик, 2009. С. 352—360; *Шевырев С. П.* // Тверь 2. С. 294—302.

1848 Белов Иосиф, офицер, путешественник. Впервые: *Белов Иосиф.* Путевые заметки и впечатления по Московской и Тверской губерниям. М.: тип. А. Семена, 1852. С. 6—20, 36—82. Совр. изд.: *Белов И.* // Тверь 1. С. 288—323.

1848 Зубов Алексей Николаевич, окружной дорожный инспектор. Впервые: *Зубов А. Н.* Путевые заметки о некоторых губерниях средней России // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Ч. 22. № 6. С. 293—327; Ч. 23. № 7. С. 3—32; № 8. С. 199—228; отд. отт.: СПб., 1848. 93 с.

1849 Небольсин Павел Иванович (1817, Нижегородская губ. — 18.08.1893, Вильно), этнограф, писатель. Впервые: *Небольсин П. И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. 1849. Т. 64—67; отд. отт.: СПб.: тип. Глазунова, 1850. С. 6—17. Совр. изд.: *Небольсин П. И.* // Тверь 1. С. 324—340.

1851 Небольсин Павел Иванович, см. о нем выше. Впервые: *Небольсин П. И.* Рассказы проезжего. СПб.: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1854. С. 6—14. Совр. изд.: *Небольсин П. И.* // Тверь 1. С. 340—349.

1852 Б. п. Антониев Краснохолмский монастырь: из записок пешехода // Московские ведомости. № 117. М., 1852. С. 1207; отд. отт.: М.: Унив. тип., 1852. Совр. изд.: Антониев монастырь (из записок пешехода) / публ. С. В. Алексеевой // Тверская старина. 2010. Вып. 32. С. 12—13.

1852 Петропавловский Алексей Михайлович (14.03.1808, Кашин — не ранее 1868, Петербург), чиновник Департамента путей сообщения и публичных зданий. Впервые: *Петропавловский А. М.* Записки по случаю путешествия в 1852 году из Санкт-Петербурга в Кашин. М.: Вишневы Пирог, 2011. С. 34—136 (Из фондов Кашинского краеведческого музея). Совр. изд.: *Петропавловский А. М.* // Тверь 2. С. 303—400.

1853 Б. п. Поездка в город Осташков // Журнал для чтения военно-учебных заведений. 1853. Т. 101. № 402. С. 195—204. Совр. изд.: Тверь 1. С. 409—415.

1856 Островский Александр Николаевич (31.03.1823, Москва — 2.06.1886, им. Щельково Костромской губ.), драматург, начальник репертуара Императорского Московского театра, директор Московского театрального училища. Впервые: *Островский А. Н.* Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // Морской сборник. 1859. Кн. 2. Совр. изд.: *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10. С. 322—347, 360—374, 533—537; *Островский А. Н.* // Тверь 1. С. 350—409.

1858, 1861 Готье Пьер Жюль Теофиль (31.08.1811, Гарб — 23.10.1872, Нёйи близ Парижа), французский писатель, поэт, историк и теоретик искусства, путешественник. Впервые: *Le Moniteur universel*. 1861—1866; полностью: *Gautier Théophile. Voyage en Russie: en 2 vol.* Paris: Charpentier, 1867. Впервые на рус.: *Готье Т.* Путешествие в Россию / пер. с франц. и коммент. Н. В. Шапошниковой. М.: Мысль, 1988. С. 214—218, 350—362. Совр. изд.: *Готье Т.* // Тверь 2. С. 401—421.

1858 Дюма Александр (24.07.1802, Вилле-Котре — 5.12.1870, Пюи), французский писатель-романист, драматург, журналист. Впервые: *Dumas Alexandre. Impressions de voyage: En Russie; De Paris à Astrakan: Nouvelles impressions de voyage* (1858). 3 vols. Paris, 1859—1862; полностью: Paris: Lévy Frères, 1865. Впервые на рус.: *Дюма А.* Дорога в Елпатьево; Вниз по Волге / пер. с франц. Н. А. Жирмунской // Дюма А. Путевые впечатления в России: сочинение в 3 т. М.: Ладомир, 1993. Т. 3. С. 101—124.

1858 Якушкин Павел Иванович (14.01.1822, с. Сабурово Малоархангельского у. Орловской губ. — 8.01.1872, Самара), писатель, фольклорист, этнограф. Впервые: *Якушкин П. И.* Путевые письма из Новгородской губернии // Русская беседа. 1859. Т. 4; отд. отт.: СПб.: тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1860. Совр. изд.: *Якуш-*

кин П. И. Сочинения: путевые письма, рассказы, очерки / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Власова. М.: Современник, 1986. С. 26—35; Якушкин П. И. // Тверь 2. С. 422—435.

1859 Маслов Степан Алексеевич (1793/1794, Москва — 20.04.1879, там же), писатель, путешественник, организатор сельского хозяйства, основатель «Земледельческого журнала». Впервые: *Маслов С.* Заметки во время поездки по Волге от Твери до Костромы // Московские ведомости. 1859. № 205, 211, 218, 231. С. 1599—1600; отд. отт.: М.: Унив. тип., 1859. С. 1—11.

1861 Боголюбов Николай Петрович (1820/1821—1898), морской офицер, писатель; Боголюбов Алексей Петрович (16.03.1824, с. Померанье Новгородской губ. — 27.10.1896, Париж), художник-маринист. Впервые: Волга от Твери до Астрахани / Общество «Самолет»; А. П. Боголюбов, Н. П. Боголюбов. СПб.: тип. Гогенфельда и К°, 1862. С. 1—50; см. также: *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника (К 300-летию Российского Флота) / сост. и подгот. текста Н. В. Огаревой // Волга. 1996. № 2—3. С. 91—92.

1861 Забелин Алексей Иванович (1822— 4.04.1900), врач, педагог, чиновник особых поручений при тверском губернаторе (1861), редактор неофициальной части газеты «Тверские губернские ведомости» (1863). Впервые: *Забелин А.* Ржев и Осташков: отрывки из путевых заметок // Современная летопись «Русского Вестника». 1861. № 45, 47. С. 25—28.

1861 Семевский Михаил Иванович (4.01.1837, с. Федорцево Великолукского у. Псковской губ. — 9.03.1892, Кронштадт), историк, журналист, общественный деятель. Впервые: *Семевский М. И.* От Твери до Астрахани: волжские заметки // Отечественные записки. 1861. Т. 139. С. 421—439.

1861 Слепцов Василий Алексеевич (19.07.1836, Воронеж — 23.03.1878, Сердобск), писатель-публицист. Впервые: *Слепцов В. А.* Письма об Осташкове // Современник. 1862. № 5; 1863. № 1—2, 4, 6. Совр. изд.: *Слепцов В. А.* Очерки. Рассказы. Повесть. Воронеж: Центр.-Чернозем. изд., 1983; Тверь 1. С. 387—393, 395—399.

1862 Нейдгардт Петр Петрович, писатель-статистик, составитель путеводителей (1862—1869). Впервые: *Нейдгардт П. П.* Путеводитель по Волге. СПб.: тип. В. Безобразова и К, 1862.

1863 Забелин Алексей Иванович, см. о нем выше. Впервые: *Забелин А.* Корчева и Кимра: путевые заметки о городах Тверской губернии // Тверские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1863. № 39. 23 сент. С. 221—223; № 40. 3 окт. С. 231—233; № 41. 12 окт. С. 239—241; № 42. 19 окт. С. 251—254.

1863 Одоевский Владимир Федорович (1.08.1803, Москва — 27.02.1869, там же), писатель, философ, музыковед, общественный деятель. Впервые: «Текущая хроника и особые происшествия»: дневник В. Ф. Одоевского. 1859—1869 / вступ. ст. Б. Козьмина; ред. текста и пре-

дисл. М. Брискмана; коммент. М. Брискмана и М. Аронсона // Литературное наследство. Т. 22—24. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. С. 169—171. Совр. изд.: Князь Владимир Одоевский. Дневник. Переписка. Материалы / ред.-сост. М. П. Рахманова; авторы вступ. ст. и коммент. О. П. Кузина, М. П. Рахманова; науч. ред. М. В. Есипова. М.: Дека-ВС, 2005. С. 98—99; В. Ф. Одоевский. Из дневника. 1863 / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Г. Милюгиной, Л. В. Бойко // В зеркале путешествий. С. 252—260.

1870 Роо Николай, бакалавр Оксфордского университета. Впервые: *Rowe N. A journey on the Volga // Illustrated travels: a record of discovery, geography, and adventure / Ed. by H. W. Bates; with engravings from original drawings by celebrated artists. London; New York: Cassell, Petter and Galpin, London, 1869. Vol. 2. P. 22—32, 41—50.* Впервые на рус.: *Роо Н. Путешествие по Волге / пер. с англ. О. Г. // Семья и школа. 1871. № 7, кн. 1. С. 34—57; № 8, кн. 1. С. 35—53.*

1871 Белов Иван Дмитриевич (1830, Нижний Тагил — 13.07.1886, Павловск), педагог, автор работ по родиноведению и отечествоведению. Впервые: *Белов И. Д. Поездка на Урал // Рождественские рассказы для детей, с рисунками / изд. И. Белова и редакции «Детского сада». СПб.: тип. Департамента уделов, 1871. Вып. 2. С. 72—103.*

1874 Жизневский Август Казимирович (28.08.1819, Полоцк — 19.03.1896, Москва), ученый, археолог, организатор Тверской ученой архивной комиссии. Впервые: *Жизневский А. К. Путевая записка о Краснохолмском монастыре // Древности: Труды Имп. Моск. археолог. об-ва. М., 1874. Т. 4. Вып. 2. С. 84—86.*

1874 Красницкий Иван Яковлевич (1830, Москва — 29.07.1898, Петербург), художник, фотограф, писатель. Впервые: *Красницкий И. Я. Очерки Тверской губернии. Вып. 1: Город Ржев. СПб.: тип. Скрятина, 1874. 15 с.*

1876 Красницкий Иван Яковлевич, см. о нем выше. Впервые: *Красницкий И. Я. Тверская старина: очерки истории, древностей и этнографии. Вып. 1: Город Торжок. СПб.: Воен. тип., 1876. 96 с.*

1878 Матвеев В. Впервые: *Матвеев В. Описание Тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М.: тип. В. М. Фриш, 1878. 45 с.*

1878 Овсянников Александр Николаевич (1842 — 11.1899, Казань), ученый, педагог, преподаватель истории и географии. Впервые: *Овсянников А. Н. Географические очерки и картины. Т. 1: Очерки и картины Поволжья. СПб.: Типолит. Цедербаума и Гольденблума, 1878. С. 1—4, 145—151, 182—184, 190—194.*

1879 Мерлин Д., этнограф, сотрудник журнала «Мирской вестник» (1870-е). Впервые: *Мерлин Д. Странствователь по Тверской губернии. СПб.: Мирской вестник, 1879. 38 с.: ил.*

1880 Рагозин Виктор Иванович (19.08.1833, Подольский у. Московской губ. — 9.08.1901, пос. Озерки под Петербургом), инженер, предприниматель, нефтепромышленник, писатель. Впервые: *Рагозин В. И.* Волга: в 3 т. СПб.: тип. К. Ратгер, 1880—1881. Т. 1: от истока до Оки. 1880. С. 1—131.

1884 Монастырский Степан Иванович (?—03.19.1905, Одесса), генерал-майор, составитель путеводителей. Впервые: *Монастырский С. И.* Иллюстрированный спутник по Волге: в 3 ч. с картой Волги. Ист.-стат. очерк и справ. указ. Казань: Изд. С. Монастырского, 1884. С. 1—8.

1885 Случевский Константин Константинович (26.07.1837, Петербург — 25.09.1904, там же), поэт, писатель, драматург, переводчик. Впервые: *Случевский К. К.* По Северу России. Т. I: Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой Княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 годах. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1886. Совр. изд.: *Случевский К. К.* По Северу России. М.: ОГИ, 2009. С. 167—178.

1886 Смоленский Степан Васильевич (8.10.1848, Казань — 20.07.1909 Васильсурск), музыковед, палеограф, хоровой дирижер, педагог. Впервые: *Смоленский С. В.* С. А. Рачинский и Татево // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV. Степан Васильевич Смоленский. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург / Гос. центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки; подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н. И. Кабановой; науч. ред. М. П. Рахманова. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 404—415 (Язык. Семиотика. Культура).

1887 Колышко Иосиф Иосифович (27.06.1861—1938), публицист, критик, драматург. Впервые: *Колышко И. И.* Очерки современной России. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1887. С. 1—240.

1887 Рачинский Сергей Александрович (15.05.1833, с. Татево Бельского у. Смоленской губ. — 15.05.1902, там же), ученый, педагог, просветитель, писатель, профессор Московского университета. Впервые: *Рачинский С. А.* Школьный поход в Нилову пустынь // Русский вестник. 1887. Т. 193. Ноябрь — декабрь; отд. отт.: *Рачинский С. А.* Школьный поход в Нилову пустынь. СПб.: Синод. тип., 1888. Совр. изд.: *Рачинский С. А.* Школьный поход в Нилову пустынь // Рачинский С. А. Сельская школа: сб. ст. / сост., вступ. ст., коммент. Л. Ю. Стрелковой. М.: Педагогика, 1991. С. 86—100; С. А. Рачинский. Школьный поход в Нилову пустынь. 1887 / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. А. Чистяковой // В зеркале путешествий. С. 261—304.

1887 Случевский Константин Константинович, см. о нем выше. Впервые: *Случевский К. К.* По Северу России. Т. III: Балтийская сторона. Путешествия их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1886 и 1887 гг. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1888. С. 366—380.

1888 Семевский Михаил Иванович, см. о нем выше. Впервые: *Семевский М. И.* Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1888 г. // Русская старина. 1888. Т. 59. С. 421—448.

1889, 1891 Лендер Николай Николаевич (Рейхельт; 5.05.1864, Петербург — 1924?), писатель, журналист, горный инженер, путешественник. Впервые: *Лендер Н.* Волга: очерки и картины: с картой Поволжья. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1889. С. 1—8; см. также: *Лендер Н.* Волжский спутник. СПб., 1891.

1890 Анучин Дмитрий Николаевич (27.08.1843, Петербург — 4.06.1923, Москва), географ, антрополог, этнограф, археолог, музеевед. Впервые: *Анучин Д. Н.* Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги // Северный вестник. 1891. № 8. С. 119—162.

1890 Вишняков Евгений Петрович (27.12.1841, Псковская губ. — 13.10.1916, Петроград), генерал, фотограф, действительный член Русского географического общества. Впервые: Истоки Волги. Наброски пером и фотографиию / сост. Е. П. Вишняков; рис. обл. И. И. Шишкин. СПб.: тип. В. И. Штейна, 1893.

1890—1898 Шереметев Сергей Дмитриевич (14.11.1844, Петербург — 17.12.1918, Москва), граф, государственный деятель, историк, писатель, коллекционер, почетный член Петербургской Академии наук. Впервые: *Шереметев С. Д.* Желтиковский монастырь в Твери. М.: Типолит. Н. И. Куманина, 1899; *Шереметев С. Д.* Село Молодой Туд. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1899; *Шереметев С. Д.* Татево. М.: Типолит. Н. Т. Куманина, 1900. Совр. изд.: *Шереметев С. Д.* Татево. М.: б. и., 2006; С. Д. Шереметев. Татево. 1898 / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Г. Милюгиной // В зеркале путешествий. С. 305—317.

1891 Случевский Константин Константинович, см. о нем выше. Впервые: *Случевский К. К.* Вниз по Волге. М., 1891. С. 1—9 (Книжки моих старших детей).

1892—1899 Тюменев Илья Федорович (1855, Петербург — 1927), литератор, библиофил, художник, земский деятель. Впервые: *Тюменев И. Ф.* В верховьях Волги // Исторический вестник. 1894. Т. 56. № 4. С. 128—160; № 5. С. 435—461; № 6. С. 679—707; *Тюменев И. Ф.* Зубцов и Старица. Путевые заметки И. Тюменева (с 11 рисунками) // Нива. 1895. № 25. С. 585—707; *Тюменев И. Ф.* От Ржева до Углича (путевые наброски) // Исторический вестник. 1896. Т. 63. № 1. С. 184—216; № 2. С. 525—557; № 3. С. 909—933; Т. 64. № 4. С. 185—214; *Тюменев И. Ф.* От Тихвина до Весьегонска (путевые наброски) // Исторический вестник. 1899. Т. 76. № 4. С. 158—195.

1894—1895 Анучин Дмитрий Николаевич, см. о нем выше. Впервые: *Анучин Д. Н.* Отчет рекогносцировочной экспедиции 1894 г. по исследованию верховьев Западной Двины. СПб., 1894; Рельеф поверхности Европейской России в последовательном развитии представлений о нем // Землеве-

дение. 1895. Т. I; Новейшее изучение озер в Европе и несколько новых данных об озерах Тверской, Псковской и Смоленской губерний // Там же; Верхневолжские озера и верховья Западной Двины. Рекогносцировки и исследования 1894—1895 гг. М., 1897; Озера области истоков Волги и верховьев Западной Двины // Землеведение. 1898. Ч. I—II.

1894 Демьянов Георгий Петрович (4.04.1856—1904), писатель, журналист, редактор газеты «Нижегородские губернские ведомости». Впервые: Путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани / сост. Г. П. Демьянов. Нижний Новгород: Лит. Нижегород. губ. правл., 1894; Изд. 4. 1898. С. 22, 23—29, 55—67.

1894 Сидоров Василий Михайлович (1843—1903), писатель, переводчик, путешественник, натуралист. Впервые: *Сидоров Василий*. По России. Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. СПб.: тип. А. Катанского, 1894. С. III—V, 1—80.

1894 Субботин Андрей Павлович (1852—14.05.1906, Симеиз Ялтинского у. Таврической губ.), писатель, экономист. Впервые: *Субботин А. П.* Волга и волгари: путевые очерки. Т. I: Верхняя Волга. СПб., 1894. С. 6—7, 9—64.

1896 Б. п. Поволжье, Приуралье и лечебные степи: пути сообщения, замечательные местности и особенности края горнозаводские, лечебные, промышленные, исторические и др.: сборник рассказов, путеводитель. СПб.: Изд. Ф. Сурин, 1896. Сб. 1. С. I—V, 1—5.

1890-е Чернозерский Петр, священник Тверской епархии. Впервые: *Чернозерский П.* Путешествие в Нилову пустынь Осташковского уезда Тверской губернии // Псковские епархиальные ведомости. 1896. № 2. С. 41—44.

1890-е Циммерман Эдуард Романович (1822 — не ранее 1903), писатель-путешественник. Впервые: Вокруг света. 1893. № 22—26, 28, 30—36, 38; отд. отт.: *Циммерман Э. Р.* Вниз по Волге. Путевые очерки. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1896.

1899 Дорошкевич Р. С., писатель. Впервые: *Дорошкевич Р. С.* Тверское и Ярославское Заволжье // Живописная Россия. СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1899. Т. 6, кн. 2. С. 221—223.

1899 Максимов Сергей Васильевич (25.09.1831, посад Парфеньево Кологривского у. Костромской губ. — 3.06.1901, Петербург), писатель, этнограф, фольклорист. Впервые: *Максимов С. В.* Волга от Ржева до Ярославля // Живописная Россия. СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1899. Т. 6, кн. 2. С. 93—112.

1900 Виноградов Иван Александрович (1866/1868—1935), кандидат богословия, правитель дел Тверской ученой архивной комиссии, преподаватель Тверской духовной семинарии, заведующий Тверским историко-археологическим музеем (1917), заместитель председателя Общества изучения Тверского края, консультант Тверского краеведческого музея (1934—

1935). Впервые: *Виноградов И. А.* Археологическая экскурсия в село Кожино и города Кашин, Калязин и Углич. Тверь: ТУАК, 1901. С. 1—64; *Виноградов И. А.* Археологическая экскурсия в село Кожино, город Кашин, Краснохолмский Антониев монастырь, город Бежецк, сельцо Островки Вышневолоцкого уезда // Журнал 83 заседания Тверской ученой архивной комиссии 19—20 июня 1901 г. в городе Кашине. Приложение. Тверь: ТУАК, 1901. Приложение. С. 1—53.

1900 Коневской Иван Иванович (Ореус; 19.09.1877, Петербург — 8.07.1901, ст. Зегевольд Лифляндской губ.), поэт, литературный критик, один из основоположников русского символизма. Письмо к В. Я. Брюсову от 21 сент. 1900 г. // *Коневской (Ореус) И. И.* Мечты и думы: стихотворения и проза. Томск: Водолей, 2000. С. 386—388; см. также: с. 217—221.

1900 Андреас-Саломе Лу (Луиза Густавовна; 12.02.1861, Петербург — 5.02.1937, Гёттинген), писательница немецко-русского происхождения, философ, врач-психотерапевт, культурный деятель; Рильке Райнер Мария (4.12.1875, Прага — 29.12.1926, Вальмонт, Швейцария), немецкий поэт-модернист, прозаик. Впервые: *Andreas-Salomé L.* Russland mit Rainer: Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900 / hrsg. Von Stéphane Michaud in Verbindung mit Dorothee Pfeiffer; mit einem Vorwort von Brigitte Kronauer. Marbach, 1999. Впервые на рус.: *Андреас-Саломе Л.* Из дневника <июль 1900>: Низовка, Новинки // Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / изд. подгот. К. Азадовский. СПб.: Иван Лимбах, 2003. С. 277—282. См. также: *Дрожжин С. Д.* Современный германский поэт Райнер Рильке: из записок и воспоминаний // Там же. С. 557—566.

1900 Ян Василий Григорьевич (Янчевецкий; 23.12.1874, Киев — 5.08.1954, Звенигород Московской губ.), писатель, путешественник, исторический романист. Впервые: *Янчевецкий В.* Записки пешехода. Ревель: Ревельские известия, 1901. Совр. изд.: *Ян В.* Записки пешехода // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 4. С. 443—439.

1902? Москвич Григорий Георгиевич, предприниматель в сфере российского туризма, краевед, организатор экскурсионного дела в Крыму и на Кавказе, издатель. *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Волге, с приложением: алфавита, десяти карт, шести планов, расписания рейсов волжских пароходов и тарифов. Изд. 4-е. Одесса: тип. Л. Нитче, 1902. С. 15—48.

1902 Никольский Алексей Иванович (10.02.1877, с. Генино Серпуховского у. Московской губ. — 8.03.1938, Весьегонск), протоиерей. Впервые: *Никольский А., свящ.* Путешествие учеников Ладожско-Сергиевской церковно-приходской школы Весьегонского уезда в Николо-Теребенский монастырь // Тверские епархиальные ведомости. 1902. № 3. С. 72—77.

1903 Б. п. Волга от истока до Каспия. Путеводитель на трех языках: русском, французском и немецком. М.: А. А. Левенсон, 1903. С. 1—2.

1903 Бесчинский Александр Яковлевич (?—1941), путешественник, журналист, редактор газеты «Крымский курьер», составитель путеводителей по Волге и Крыму. Впервые: *Бесчинский А. Я.* Путеводитель по Волге. М.: Т-во И. Н. Кушнерева и К^о, 1903. С. 29—58.

1903 Россиев Павел Амплиевич (ок. 1873—?), писатель, общественный деятель. Впервые: *Россиев П. А.* Поездка в Кашин // Живописная Россия. 1903. Т. 3. № 116. С. 133—136; № 117. С. 151—153, ил.

1905 Рерих Николай Константинович (27.09.1874, Петербург — 13.12.1947, Наггар, Химачал-Прадеш, Индия), писатель, художник, философ-мистик, путешественник, археолог. *Рерих Н. К.* Из прошлой и настоящей жизни русского искусства. Доклад в С.-Петербургском обществе архитекторов // Рерих Н. К. Берегите старину. М.: Международный Центр Рерихов, 1993.

1907 Б. п. Вся Волга: путеводитель, справочник и адрес-календарь. Казань: Петров, 1907.

1908 Гиляровский Владимир Алексеевич (26.11.1855, им. в Вологодской губ. — 1.10.1935, Москва), писатель, журналист, бытописатель. Впервые: *Гиляровский В. А.* Волга: Путеводитель по городам России. М., 1908. Совр. изд.: *Гиляровский В. А.* Волга: Путеводитель по городам России. М.: АСТ Москва, 2009. С. 16—47.

1909 Бриллиантов Михаил Иванович (1.01.1858, д. Какузеве Бронницкого у. Московской губ. — 1941), писатель, организатор и руководитель старообрядческого Братства имени Честного и Животворящего Креста Господня. Впервые: *Бриллиантов М. И., Пашков А. А.* Поездка в Кашин. О троеперстии на древнем покрове св. благоверной великой княгини иноки-схимницы Анны Кашинской. М.: тип. П. П. Рябушинского, 1909.

1909 Джунковский Владимир Федорович (9.09.1865, Петербург — 26.02.1938, Москва), политический, государственный и военный деятель, мемуарист, московский вице-губернатор (1905—1908), губернатор (1908—1913), генерал-лейтенант (апрель 1917). Впервые: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. / под общ. ред. А. Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. Гл. 5: 1909 год. С. 397—400.

1909 Лендер Николай Николаевич, см. о нем выше. Впервые: *Лендер Н.* Поездка в Кашин: впечатления // Исторический вестник. 1909. Т. 117, № 8. С. 542—560.

1910 Б. п. Отчет Общества попечения о нуждах учившихся и обучающихся воспитанниц женской земской учительской школы им. П. П. Максимова с его основания по 1 марта 1911 года. Тверь: тип. Губ. земства, 1911. 15 с. : табл.

1910 Прокудин-Горский Сергей Михайлович (1863, Фуникова Гора Покровского у. Владимирской губ. — 1944, Париж), фотограф, химик, изобретатель, издатель, педагог и общественный деятель. Совр. изд.: Достопримечательности России в натуральных цветах. Весь Прокудин-Гор-

ский. М., 2003; Российская империя Прокудина-Горского. 1905—1916. СПб.: Амфора, 2008.

1911 Б. п. «Самолет». Почтово-пассажирское пароходство по всей Волге от Твери до Астрахани. Н. Новгород: Электр. тип. «Молния», 1911.

1913 Шамурины Юрий Иванович (1888—1918), Зинаида Ивановна, историки искусства. Впервые: *Шамурины Ю. и З.* Калуга, Тверь, Тула, Торжок. М.: Т-во «Образование», 1913. С. 27—49, 61—71 (Культурные сокровища России. Вып. 7).

1914 Б. п. Отчет Общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1913—1914 г. (двенадцатый год существования). Экскурсия к истокам Волги под руководством директора гимназии П. П. Чернышева. Тверь: Типолит. М. В. Блинова, преемн. Н. М. Родионова, 1914. 41 с.: ил.

1914 Б. п. Почтово-пассажирское коммерческо-крестьянское пароходство по рекам Волге, Мологе и Шексне. Рыбинск: Тип. К А. Никитина, 1914. С. 39—69, 88—89.

1914 Тарапыгин Федор Андреевич (1842 — после 1914), литератор, педагог, автор очерков и хрестоматий для семьи и школы. Впервые: *Тарапыгин Ф. А.* Волга-матушка: образовательное путешествие по Волге: очерки и картины волжской жизни от истока реки до впадения ее в Каспийское море, с 61 рисунком в тексте и картами реки Волги и бассейна Волги на отдельном листе. Пг.: Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1914. С. 1—29.

1915, 1916 Лосский Борис Николаевич (10.04.1905, Петербург — 31.05.2001, Сент-Женевьев-де-Буа), искусствовед, историк архитектуры, мемуарист, сын философа Н. О. Лосского. *Лосский Б. Н.* Наша семья в пору лихолетья // *Минувшее.* Париж — М., 1991. Вып. 11. С. 139—164. Совр. изд.: *Лосский Б. Н.* Наша семья на даче в Митине. Из воспоминаний // *Краеведческий альманах* / ред. Н. А. Лопатина. 2001. № 2. С. 36—43.

1915, 1916 Лосский Николай Онуфриевич (6.12.1870, с. Креславка Двинского у. Витебской губ. — 24.01.1965, Сент-Женевьев-де-Буа), философ, историк философии. *Лосский Н. О.* Жизнь и путь. Воспоминания. Мюнхен, 1968. Совр. изд.: *Лосский Н. О.* Воспоминания о Митине // *Краеведческий альманах* / ред. Н. А. Лопатина. 2001. № 2. С. 43.

1916 Б. п. Отчет общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1915—1916 г. (четырнадцатый год существования). Экскурсия в село Кушалино и по Волге до села Кузнецова под руководством директора гимназии П. П. Чернышева. Тверь: Типолит. М. В. Блинова, преемн. Н. М. Родионова, 1917. 48 с.: фот

1918 Шишков Вячеслав Яковлевич (21.09.1873, Бежецк — 6.03.1945, Москва), писатель. *Шишков В. Я.* К угоднику: из очерков «Ржаная Русь» // *Полное собрание сочинений: в 12 т.* М. — Л.: ЗИФ, 1927. Т. 11. Совр. изд.: *Русская провинция.* 1996. № 1.

1928 Никонов Леонид Николаевич (1872—1952), ученый ботаник; Савина М. Ф., Дьяконов И. Е., Эдельштейн С. И., Александрова А. А., Мельников М. И., Морозова З. А. Впервые: Природоведческие экскурсии по Твери и ее окрестностям / под ред. Л. Н. Никонова. Тверь: Об-во изучения Тверского края, 1928. 79 с.: ил., карта. (Экскурсионный сборник. Вып. 1).

1928 Вершинский Анатолий Николаевич (26.03.1888, с. Игуменка Старицкого у. — 3.08.1944, Калинин), историк, краевед, профессор (1934); Ильинский А.; Никонов Леонид Николаевич, см. о нем выше. Впервые: Дальние экскурсии по Тверской губернии / под ред. А. Н. Вершинского. Тверь: Об-во изучения Тверского края, 1928. 100 с., карт. (Экскурсионный сборник. Вып. 2).

1929 Федоровы Ал. А., Ан. А. Впервые: Экскурсии на выгон в окрестностях г. Твери / под ред. и с доп. проф. Л. Н. Никонова. Тверь: Об-во изучения Тверского края, Твер. гос. тип. им. К. Маркса, 1929. 36 с.: ил.

1920-е Греч (Залиман/Залеман) Алексей Николаевич (1899, Петербург — 1934), искусствовед, краевед. Впервые: *Греч А. Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества*. 1994. № 32. Совр. изд.: *Греч А. Н. Венок усадьбам*. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006. С. 98—132.

1938 Никольский Виктор Александрович (1908, Тверь — 2000, там же), филолог, историк русской литературы. *Никольский В. А. Экскурсия на Неготинскую морену // Экскурсии в природу*. Калинин: Калининское обл. кн. изд-во, 1938. С. 5—20; см. также: *Никольский В. А. В нашей буче... Воспоминания / вступ. ст. и подгот. текста Е. Н. Строгановой; прим. Е. Н. Строгановой, И. В. Мироновой // Лица филологов. Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986 / ред. М. В. Строганов*. 2-е изд, испр. и доп. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 262—263.